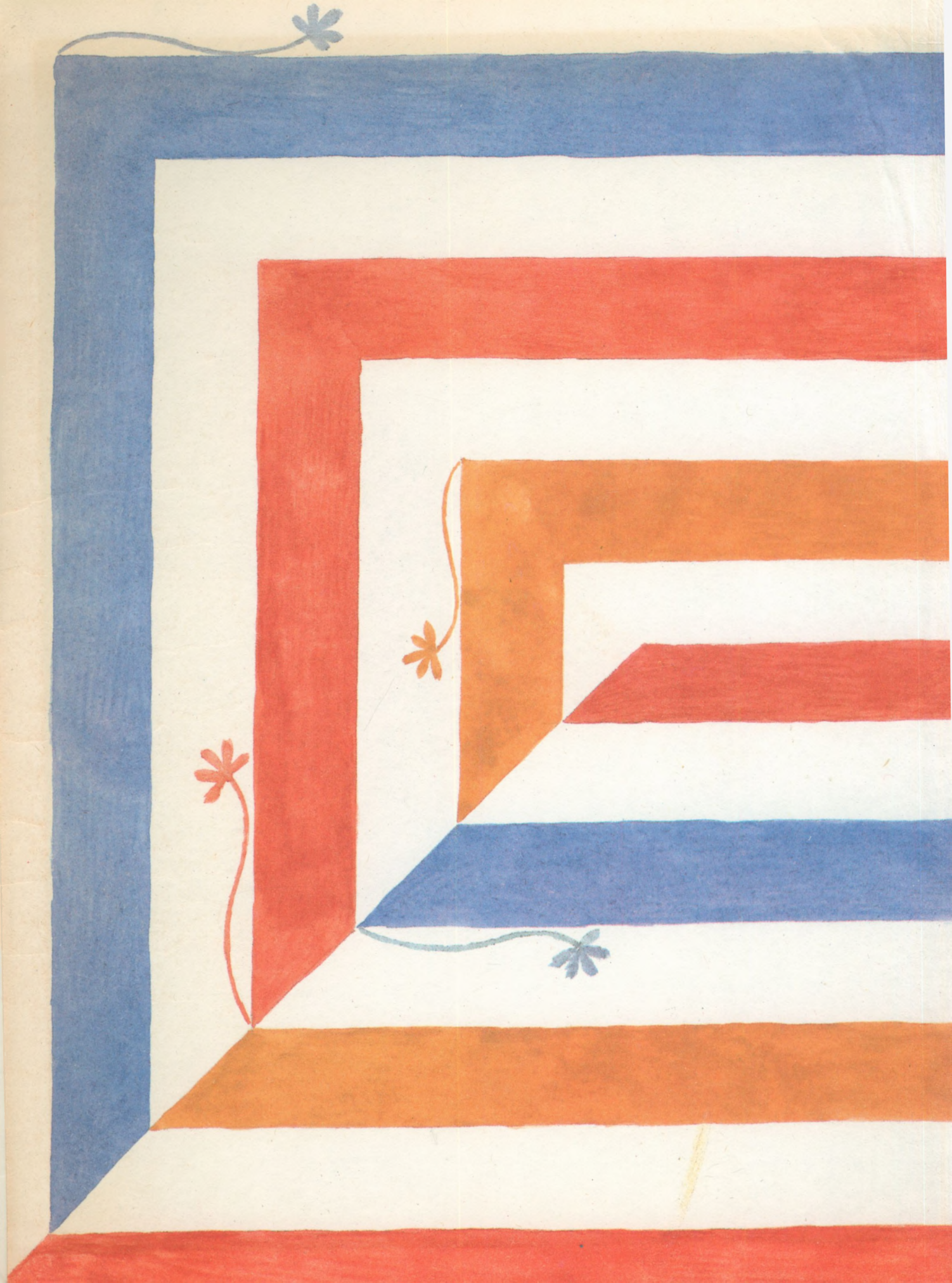

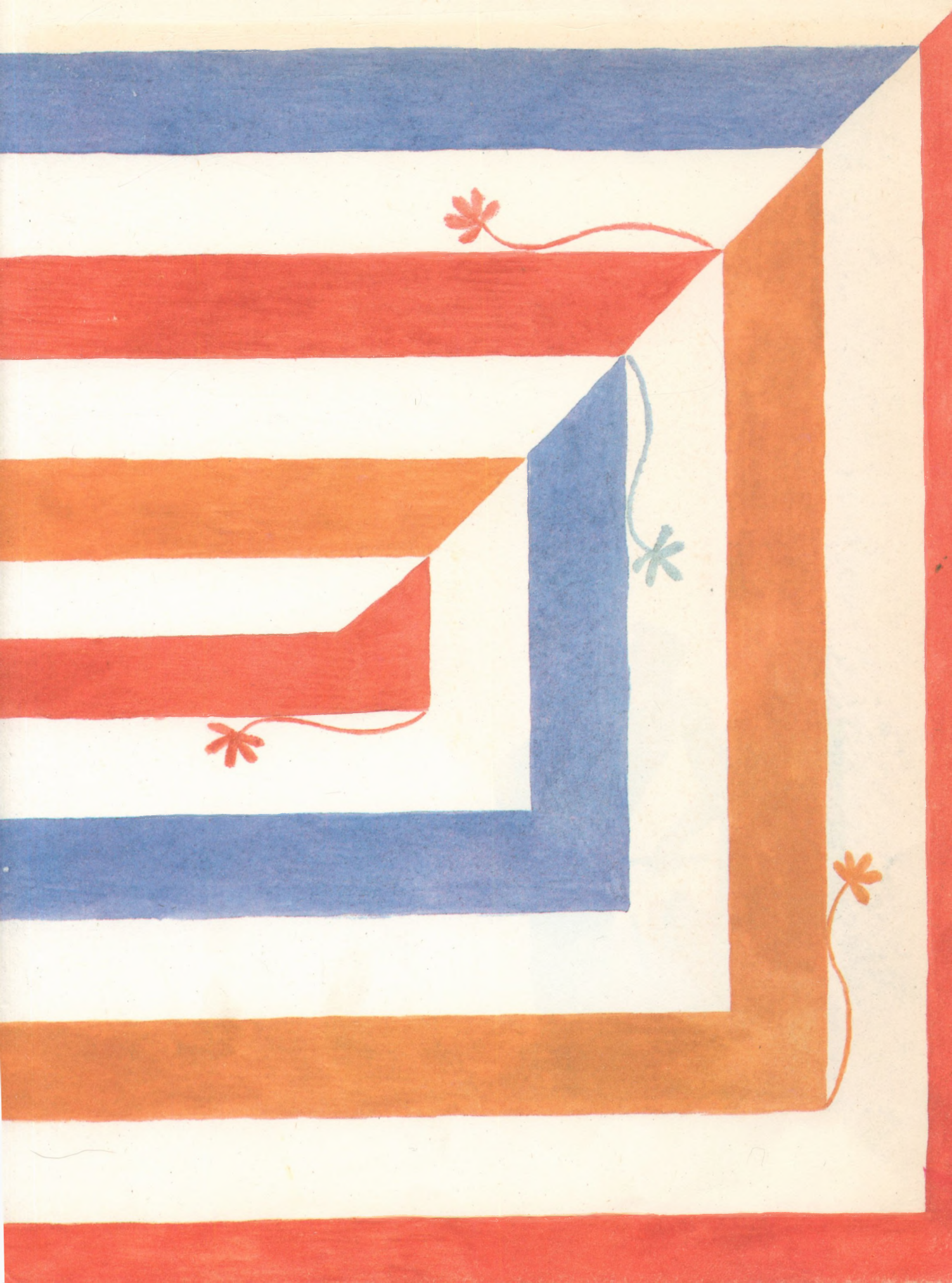

ПЯТЬ ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

Ленинское книжное издательство
1989

ПЯТЬ ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

Сказки народов мира

Тел. мск. е книжн. е издательств.

ПЯТЬ ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

СОСТАВИТЕЛЬ ВИКТОР ВАЖДАЕВ

Рисунки Э.М.Жиня

1989г

ББК 84.4/8

П 99

П $\frac{4800000000-23}{M152(03)-89}$ 68—89

ISBN 5-7625-0167-1

© Пермское книжное издательство, 1989

АШМАКИ-САМОПЛЯСЫ

Английская сказка

Незавидное наследство получил юный Том после смерти отца: рубашку, штаны и пару старых деревянных башмаков. Вот и всё! А ведь старик прожил долгую жизнь и всегда работал усердно.

«Ну что ж,— сказал себе Том,— пойду искать по свету счастья. А башмаки хоть и стоптаны, да в дороге мне пригодятся».

И Том зашагал по дороге. На плече он нёс узелок. А в узелке была краюшка чёрного хлеба. Туда же он положил и старые деревянные башмаки.

Дошёл Том до такого места, где дорога была вся усыпана острыми камнями. Волей-неволей пришлось ему надеть башмаки.

Башмаки оказались Тому как раз впору. Он радостно усмехнулся и притопнул ногой. Да вдруг как пустится в пляс!

Ноги в старых деревянных башмаках неслись по дороге и ни за что не хотели остановиться. По правде говоря, Том и сам был не прочь поплясать: он уже выпил свежей ключевой воды, закусил чёрным хлебом, а солнце так ласково грело весь мир!

И вдруг он увидел за оградой прекрасный яблоневый сад.

«Ах, как хочется съесть яблочко! — подумал он.— Ведь от этого хозяину не будет большого убытка».

Но тут башмаки неудержимо потащили его в сторону от фруктового сада. Том свалился в канаву с водой. Промокший, потирая бока, он выкарабкался оттуда.

«Какие умные и честные башмаки! — сказал себе Том.— Хорошо, что они не позволили мне украсть яблоко. Что бы вышло, если бы я попался хозяину сада? Избил бы он меня, да ещё, пожалуй, отправил в тюрьму».

Том вылил воду из башмаков и насухо вытер их рукавом. И когда грязь сошла, оказалось, что башмаки на самом-то деле ярко-красные!

В это время с Томом поравнялся низенький кривобокий человек. Он остановился и залюбовался башмаками.

— Какие красивые! — сказал он.— Не продашь ли ты их мне? Я дам за них золотую монету.

Том подумал, что ведь за такие деньги можно купить несколько пар самых прочных кожаных башмаков, да ещё и на обед кое-что останется, и согласился.

Башмаки были проданы. Но монета оказалась вовсе не золотая. Это кривобокий так ярко начистил большой медяк, что он блестел, как золотой. Чудесные башмаки сразу всё поняли и помчали обманщика с такой быстротой, что с него тут же снесло ветром шляпу. Пришлось ему без остановки доплясать до оврага, и там он свалился прямо на колючие кусты и острые камни. Вот туда Том и принёс ему шляпу, которую подобрал по дороге.

— Эй, малый! Бери свои проклятые башмаки! В них сидит нечистая сила! — закричал ещё издали кривобокий.— Только помоги мне выбраться отсюда.

Том вытащил обманщика из оврага. А тот даже спасибо не сказал — так и пустился бежать. Том швырнул ему вслед медную монету, но он даже не оглянулся. Вот до чего напугали его башмаки!

А Том завернул их в узелок и пошёл дальше. Теперь-то он уже знал наверняка, что старые отцовские башмаки — волшебные...

Перед закатом солнца Том дошёл до большого города с широкими чистыми улицами. Никогда раньше не видывал Том таких красивых каменных домов! Больше всего ему понравился замок: он стоял на горе, так что возвышался над всем городом. По углам его виднелись большие круглые башни, и весь он был окружён широким рвом, а для перехода через ров служил железный подъёмный мост. Это был замок самого короля.

«Нужно надеть башмаки. По такому чудесному городу стыдно ходить босиком!» — подумал Том.

И он надел их. А они, конечно, сейчас же понесли Тома. Ведь это были башмаки-самоплясы! Том, надо сказать, очень любил

пение и музыку. Когда башмаки заплясали, он им стал подпевать. И так и шёл по городу, приплясывая и напевая.

Прохожие глазели на него с изумлением и восторгом. А многие позабыли все свои дела и шли за Томом. И скоро позади него шла уже целая толпа.

Чем больше Том глядел на этих людей, тем больше он удивлялся. Все жители города носили только чёрную одежду, лица их были мрачны, а головы опущены.

«Какой же это унылый город! Дай-ка я их развеселю!» — сказал про себя Том.

И он начал прыгать, вертеться в воздухе, хлопать на скаку руками и распевать самые весёлые песни. Люди вокруг него сперва робко улыбались, но понемногу они начали смеяться. А под конец их обуял такой хохот, что слёзы катились из глаз.

Том хотел остановиться, но не тут-то было! Башмаки продолжали пляску. Наконец Том догадался, как ему быть. Он сбросил один башмак с ноги — тогда поневоле остановился и другой.

Усталый Том сел на мостовую, снял шляпу и положил её рядом с собой. А люди перестали смеяться и начали бросать в шляпу деньги. Шляпа уже была полна серебряных и медных монет, а деньги всё падали и падали — теперь их бросали Тому в башмаки. И все умоляли, чтобы он ещё поплясал. Как вдруг раздался громовой голос:

— Эй вы, бездельники, прочь с дороги! Что тут за шум? Что это за толпа? Кто посмел нарушить тишину в городе?

Толпа расступилась. К Тому подъехал всадник на чёрном коне. Он был одет в чёрный бархатный костюм, расшитый серебром. Сапоги у него были тоже чёрные, лакированные, а шпоры серебряные. Лицо было сердито, и глаза горели недобрым огнём.

— Это герцог Эльва, двоюродный брат короля! — шепнул один горожанин на ухо Тому. — Не попадайся ему! Беги!

Но Том не двинулся с места.

«Зачем бежать? — думал он. — Ведь я никому не сделал зла».

— Это из-за тебя, негодяй, поднялось такое неприличное веселье? — вскричал герцог. — Разве тебе не известно, что это город печали?

— Извините, — ответил Том, — я чужестранец и ничего об этом не слыхал.

— Разве ты не видишь, что все люди одеты в чёрное? Не замечаешь, что стены домов и балконы увешаны чёрной материей? Берегись, шут! Уходи сейчас же отсюда, или я прикажу тебя повесить!

Ничего не оставалось Тому, как поскорее обратиться с базарной площади. Он схватил свои башмаки и быстро зашагал.

И вот добрался он до небольшой гостиницы на окраине города. Хозяин гостиницы сначала посмотрел на него подозрительно — ведь у Тома не было чёрной траурной одежды.

Но когда Том позвенел деньгами и попросил себе ужин и комнату на ночь, то хозяин стал добрее и ласковее.

— Почему ваш город стал городом печали? — спросил у него Том.

— Это очень грустная история, — отвечал хозяин. — Вот послушайте. У короля был единственный сын, которого он любил больше всего на свете. И случилось, что во время охоты лошадь сбросила юного принца на землю. Он ударился головой о камень и умер. Теперь не только придворные, но и все жители столицы должны постоянно горевать и плакать вместе с королём и носить только чёрную одежду. Вот уже пять лет наш город полон тоски и печали. Тот, кто молод и жизнерадостен, покидает нас и уходит в чужие края. А придумал всё это двоюродный брат короля, герцог Эльва. Это он настоял, чтобы в память о принце никому в городе не разрешалось даже улыбаться. И весь народ живёт в унынии и слезах. Говорят, герцог Эльва надеется, что от лютой тоски наш король скоро умрёт, и тогда он сам станет королём. Вот будет горе народу! А ведь герцог-то потихоньку от короля ездит развлекаться в другие города, пирует и веселится там. Но вы об этом не болтайте: по всему городу ходят шпионы, они подслушивают, о чём говорят в народе, и докладывают герцогу Эльве. А за такие слова он меня вздёрнет на виселицу!

Том пообещал молчать, а про себя подумал: «Ну нет, нельзя, чтобы злой герцог завладел королевством!»

Едва он это подумал, как башмаки сами выскочили из узелка и упали к его ногам. Том надел их, и башмаки понесли его вдоль дороги, всё дальше и дальше, вверх по горе, по подъёмному мосту, к воротам королевского замка. Важный начальник охраны с большой золотой палкой преградил было ему путь. Но красные башмаки ударились в тяжёлые кованые ворота, и ворота распахнулись настежь. Том в бешеной пляске промчался по королевскому двору, мимо пышно разодетых придворных и дам. Кружась, взлетел он по ступеням широкой мраморной лестницы. Королевская стража в чёрных мундирах и с чёрными копьями в руках остолбенела от изумления. Никто не остановил Тома, и вот он доплясал до самого королевского трона. Король сидел на троне, весь с ног до головы в чёрном бархате, лишь корона сверкала золотом на его седой голове.

Том знал, что если он не развеселит короля своей пляской, то попадёт в руки злого герцога и будет казнён. Но он не думал

об этом. Он только всей душой желал как-нибудь утешить одинокого старого короля. Хоть бы на одну минуту развеселить его! И Том пел одну за другой свои самые радостные, самые звонкие песни, каких, наверно, никогда не слышал королевский дворец, и плясал такие танцы, каких, пожалуй, не видел ещё ни один король.

Сначала король нахмурился, и лицо его потемнело. Стоило ему только поднять палец, и солдаты в чёрном, стоявшие вокруг трона, схватили бы Тома и бросили бы в тюрьму.

Но король всё же не поднял пальца. Весёлое, раскрасневшееся лицо паренька ему чем-то понравилось, он следил за пляской без гнева и даже как будто с удовольствием.

И вдруг король улыбнулся! А Том всё притопывал красными башмаками-самоплясами и громко распевал самую задорную песню. Веселье охватило короля, и он засмеялся, да так сильно, что слёзы потекли у него по щекам. И все вокруг сперва боязливо, а потом смелее и смелее начали улыбаться.

А Том всё плясал. Но вот он, утомлённый, сбросил один башмак и упал к ногам короля.

— Ты развеселил меня, — произнёс король. — А ведь прошло уже пять лет, как я перестал смеяться. — И он кинул горсть новеньких золотых монет к ногам Тома.

Но тот вежливо сказал королю:

— Государь, я пляшу не за деньги! Я пою и танцую для того, чтобы люди смеялись и радовались.

— Так вот ты какой! — с улыбкой промолвил король. — Значит, у тебя весёлое и доброе сердце. Оставайся же при мне. Назначаю тебя главным увеселителем королевства. Собери по своему выбору двести человек и обучай их. Вы будете плясать, петь, играть и забавлять меня.

Придворные радостно забили в ладоши. Но по правую руку от королевского трона стоял герцог Эльва, и вот он-то сильно разозлился.

— Этот мальчишка — шут и обманщик! — прошептал он на ухо королю. И прибавил громко: — А про золото он солгал. Я видел вчера, как он отплясывал на базарной площади и люди бросали ему и золото и серебро, а он вовсе не отказывался от денег.

— Но он замечательно пляшет, за его искусство не жаль ни золота, ни серебра! — воскликнул король.

— Ах, государь, — возразил герцог, — каждый человек может сплясать не хуже этого мальчишки, если только наденет такую же обувь! Ведь эти башмаки заколдованы, их бы нужно было сжечь на костре!

— А если так, братец, попробуйте наденьте их и повеселите

нас лихой пляской. Я награжу вас! — промолвил король и сделал знак Тому.

Том с низким поклоном подал свои красные башмаки герцогу Эльве. Герцог брезгливо взял их кончиками пальцев.

— Государь, но ведь эти башмаки впору только мальчишке, я в них не могу танцевать! — попробовал уклониться он.

— А вы всё-таки примерьте! — настойчиво ответил король.

Ничего не поделаешь! Герцог вынужден был примерить. А волшебные башмаки приходились впору на любую ногу. Подошли они и герцогу.

— Извольте же танцевать, дорогой братец! — приказал король.

Не было при королевском дворе танцора лучше, чем герцог Эльва. Но не было ни у кого во дворце и более злого, завистливого сердца! А волшебные башмаки никогда не слушались человека жестокого, завистливого и коварного. И они как будто к земле приросли. Как ни старался герцог — он не смог даже ноги оторвать от пола.

Герцог Эльва слышал смех придворных дам, он видел гнев на лице короля и насмешку в весёлых глазах юного Тома. Этого герцог не вынес. Сорвав с ног волшебные башмаки, он отшвырнул их и выбежал из тронного зала. И с тех пор в этом городе его уже никто никогда не видал.

А король приподнялся со своего трона и поцеловал Тома.

— Ты очень хороший мальчик и будешь мне добрым сыном! — сказал король. — Ты займёшь место того, кого я оплакиваю вот уже пять лет.

После этого в королевском дворце три недели непрерывно пировали и веселились. Не только король, придворные и войско, но и весь город снял с себя чёрные одежды. И во всём городе и во всей стране люди зажили счастливо и спокойно.

А после смерти старого короля Том стал править страной.

Жители королевства, конечно, знали, откуда появился у них такой весёлый, добрый, справедливый и умный король.

И вот они, в память всей этой истории, поставили на базарной площади замечательный памятник. Это была высокая мраморная колонна, и на ней, на самом верху, стояли ярко-красные деревянные башмаки.

ТРИ БРАТА И МУДРЫЙ СТАРЕЦ

Албанская сказка

Жили в одном доме около самого болота три брата вместе со своим отцом. А ведь всякий знает, что жить около болота худо: от него один вред и никакой радости.

Вот пришло время отцу умирать. Позвал он своих сыновей и сказал:

— Слушайте, сыновья. Надо вам с этого места переселяться. Беды и болезни посылает нам болото. Постройте себе дом где-нибудь на склоне горы, тогда и заживёте по-хорошему, но, прежде чем приступите к делу, посоветуйтесь с мудрым старцем, который живёт в лесу.

Время шло, и видели братья, что отец был прав. Надо уйти им с болота. Поговорили они между собой и решили, что пойдёт старший брат в лес к мудрецу за советом: уходить им или нет.

Пошёл старший брат к мудрому старцу. Идёт, а на душе у него невесело. Идёт он и думает: «А вдруг да на новом месте ещё хуже будет?»

Вот пришёл старший брат к мудрому старцу и спрашивает:

— Что нам делать? Плохо мы сделаем, если с болота уйдём и построим себе дом на склоне горы? Как скажешь?

— Плохо,— ответил старец, не оставляя работы, которой был занят.

Не стал старший брат его дальше расспрашивать и, опустив голову, печальный пошёл домой.

Дома он передал братьям ответ старика.

— Да рассказывал ли ты ему обо всех наших несчастьях? — воскликнул средний брат.— Пойду-ка я объясню старцу, как мы живём...— И он пошёл в лес.

— Скажи, мудрый старец,— обратился к нему средний брат,— как нам быть: возле болота жить больше сил нет. Беды

и болезни измучили.— И он с тревогой спросил: — Как думаешь, стоит ли нам уйти оттуда? Плохо ли будет, если мы построим себе дом на склоне горы?

— Плохо будет,— снова ответил старец.

Пошёл и средний брат домой печальный, голову опустил. Выслушали его братья.

— Ну что же,— сказал весело младший брат,— теперь, видно, мой черёд к старцу идти.

И он пошёл в лес.

Подойдя к старцу, поклонился ему низко младший брат, присел рядом на пенёк и сказал:

— О мудрый старец! Умирая, наш отец завещал нам уйти с болота, где нас мучают болезни и беды. Хорошо ведь будет, если мы построим себе дом на склоне горы? Как ты нам советуешь? — спросил он.

— Очень хорошо, сын мой! — ответил старец.

У младшего брата будто крылья от радости выросли. Поблагодарил он старца и побежал домой, где его с нетерпением ждали братья.

— Братья! — крикнул он.— Мудрый старец сказал, что будет очень хорошо, если мы построим дом на склоне горы.

Братья даже рты разинули от удивления.

— Как же так? — разом спросили они.— Что же, он смеялся над нами? — И все трое побежали в лес.

— О мудрый старец! — сказал старший брат.— Ты что, смеялся над нами, что ли? Почему мне и среднему брату ты сказал, что плохо строить дом на склоне горы, а младшему брату сказал, что хорошо?

— Я и не думал смеяться! — ответил старец.— Вы спросили меня: «Плохо ли будет, если мы построим себе дом на склоне горы?» А младший брат сказал так: «Ведь хорошо будет, если мы построим себе дом на склоне горы?» И я ответил ему: «Очень хорошо». Я ответил ему так потому, что он начал с хорошего, а вы с плохого. А разве может работа спориться, если её начинать со страхом, думая о плохом? О хорошем надо думать! — прибавил старик.

Поблагодарили его братья за мудрый совет и пошли все вместе дом строить.

Э МИР М УАВИЯ И МЕЛЬНИК

Алжирская сказка

Однажды эмир Муавия остановился у ворот мельницы. Он увидел, как осёл ходит по кругу и вертит мельничный ворот. На шее у осла висел колокольчик.

Эмир спросил у мельника:

— Зачем ты повесил колокольчик на шею ослу?

Мельник ответил:

— Видишь ли, если я вздремну невзначай, а осёл остановится, то колокольчик умолкнет. Так я узнаю, что осёл стоит. Я прикрикну, и он опять пойдёт по кругу.

Тогда эмир сказал ему:

— А если осёл остановится и будет мотать головой? Ты услышишь звон колокольчика, хотя осёл и стоит на месте.

— О господин, где же мне раздобыть осла с таким умом, как у тебя! — ответил ему мельник.

НИЩИЙ И СКУПЕЦ

Алжирская сказка

Старик нищий, придя в незнакомую ему деревню, постучал в дверь большого богатого дома, рядом с которым стоял высокий амбар с огромным железным замком на двери. А в этом доме жил человек, известный своей скупостью на всю округу: он никогда не помогал людям, хотя был очень богат.

— Не дашь ли ты мне немного сала или молока? — попросил нищий.

Скупец грубо ответил:

— Нет, не могу! Проваливай отсюда!

— Может быть, у тебя найдётся горсть пшеницы или бобов? — продолжал старик, которого голод заставлял унижаться перед недобрыми людьми.

— Нет у меня ничего! — ответил скупец.

— Так дай мне ломоть хлеба, я и за это буду благодарен тебе, — сказал нищий.

— Уходи, нет у меня хлеба! — услышал он в ответ.

— Дай мне хотя бы глоток воды. Я очень хочу пить! — взмолился старик.

— Нет у меня воды! — сказал скупой.

Нищий воскликнул:

— О сын мой, тогда что же ты сидишь здесь? Вставай и иди просить милостыню у добрых людей. Ведь ты ещё беднее меня!

У Д Р Е Ц

Афганская сказка

Услыхал мудрец, что есть человек, который славится щедростью и гостеприимством.

Надел мудрец рваное платье и пришёл к этому человеку. Хозяин встретил мудреца неприветливо, даже поесть не дал.

Ушёл мудрец ни с чем.

На следующий день надел он дорогое платье и снова пришёл в дом богача. Сразу же его пригласили к столу, и хозяин начал потчевать гостя.

Мудрец усмехнулся и бросил на стол перед богачом несколько монет.

Хозяин удивился и спросил:

— Зачем ты даёшь мне деньги?

Мудрец ответил:

— Вчера я приходил к тебе в старой одежде, так ты даже не дал мне куска хлеба. Сегодня пришёл к тебе в дорогой одежде, и ты принимаешь меня как самого дорогого гостя. Значит, тебе важен не человек, а его одежда. Умный человек может отблагодарить тебя мудрыми мыслями, а богатый — деньгами. Так вот, эти деньги тебе плачу не я, а моя богатая одежда.

С этими словами мудрец встал из-за стола и вышел.

АЙЧИХА И ТИГР

Афганская сказка

Жил в одном лесу могучий тигр. Много лет нагонял он страх на всех зверей в округе. Но прошли годы, тигр состарился и уже не мог, как прежде, ходить на охоту каждый день.

Созвал он всех зверей и сказал им так:

— Я стар, но ещё сильны мои когти и зубы. И, если кто посмеет послушаться меня, ему несдобровать! Так вот, каждый день кто-нибудь из вас пусть приходит ко мне, и я буду съедать его.

Опечалились звери, но каждое утро тигр стал получать сытный завтрак. Плач стоял в лесу: что ни день, то одним зверем меньше.

Жила в ту пору в лесу умная зайчиха. И решила она спасти зверей от тигра. Звери только засмеялись:

— Куда тебе! К тому же сегодня твоя очередь идти.

Ничего не ответила зайчиха. Лишь на следующее утро собралась она к тигру. Приходит, а он грозно рычит:

— Презренная тварь! Ты почему вчера не приходила? Я из-за тебя остался голодным.

— О всемогущий тигр! Вчера я шла к тебе, как ты велел, но вот беда: навстречу мне попался другой тигр, такой же могучий и сильный, как и ты. Схватил он меня и не отпускал целый день. «Твой старый трусливый тигр,— говорил он,— и без еды обойдётся». Только сейчас удалось мне сбежать от него...

Ещё пуще рассвирепел тигр, вскочил на ноги:

— Где этот дерзкий хвастун? Покажи мне его!

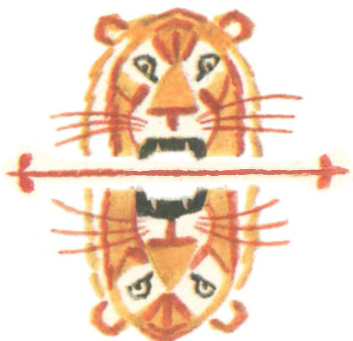
— Да здесь, о всемогущий! Он живёт в колодце.

— Веди меня к нему! Я с ним живо расправлюсь!

Привела зайчиха тигра к колодцу и говорит:

— Он внизу притаился.

Заглянул тигр в колодец: на него другой тигр смотрит и клыки скалит. Тигр страшно рассвирепел, прыгнул в колодец... и утонул.

Б ЕЛЫЙ В ОРОБЕЙ

Бельгийская сказка

За деревней в лесу жил когда-то добрый воробей. Он был совсем белый, только лапки, глаза да клюв у него были чёрные. И вот за то, что он был белый как снег, никто из воробьёв не хотел с ним знаться.

— Белый серому не товарищ! — чирикали серые воробьи.

И жил Белый Воробей один-одинёшенек. Но одному-то жить скучно, не так ли?

Попробовал Белый Воробей подружиться с Лошадью, но Лошадь от него только хвостом отмахнулась:

— Поди прочь! Зачем ты мне нужен!

Попробовал Белый Воробей подружиться с Кошкой, но Кошка так сладко замурлыкала и так выгнула спину, что наш воробушек тут же отлетел подальше. Нет, от такой дружбы добра не жди!

Но вот однажды увидел Белый Воробей Старого Пса. Пёс ковылял по пыльной дороге, и вид у него был прегрустный.

Пожалел его Белый Воробей и спросил:

— Куда бредёшь, старина?

— Иду, куда дорога ведёт, — ответил Старый Пёс. — Десять лет я верно служил моему хозяину, а теперь вот состарился, и он выгнал меня!

— А кто был твой хозяин?

— Пивовар Тафаро из Кеврешона.

— Знаю! Знаю! Жадный, глупый Тафаро! У него полон амбар ячменя, а в крыше амбара — дыра! Ну, да ты не горюй, что ушёл от такого скряги! Хочешь со мной дружить? Вместе нам будет и легче и веселее.

— Спасибо тебе, Белый Воробушек, — сказал Пёс. — У тебя доброе сердце.

Так и подружился Белый Воробей со Старым Псом пивовара Тафаро.

Вот однажды выдался жаркий-прежаркий день. От этой жары Старый Пёс так устал, что прилёг у самой дороги и тут же заснул. Белый Воробей летал над ним и чирикал:

— Где ты лёг? Вставай! Отойди в сторонку!

Но Пёс только сладко похрапывал. Он был глуховат от старости и не слышал воробьиного чириканья.

«Ну ладно! — решил Белый Воробей. — Поспи немного — я тебя постерегу».

И он уселся на дереве: оттуда была хорошо видна вся дорога до самого Кеврешона.

И вот увидел вскоре Белый Воробей, что по дороге пыль за клубилась. Пригляделся — а это пивовар Тафаро едет из Кеврешона, везёт бочку пива на продажу.

Всполошился Белый Воробей, бросился будить своего друга. Да куда там! Бедный Старый Пёс только лапами во сне перебирает и ничего не слышит. А телега пивовара Тафаро всё ближе, ближе!

Тогда полетел наш воробушек навстречу пивовару и попросил:

— Эй, почтенный Тафаро! Правь осторожней! Там, у края дороги, спит мой старый друг. Не задави его!

— А какое мне дело до твоих друзей! — проворчал в ответ Тафаро.

И нарочно так направил лошадь, что переехал Старому Псу лапу.

Взвизгнул Старый Пёс — и в кусты! А пивовар Тафаро хохочет во всё горло.

— Ох-ха-ха-хо-хо! Так тебе и надо! Ещё мало, надо бы больше!

Тут Белый Воробей совсем разъярился. Белые пёрышки его распушились, чёрные глазки засверкали.

— Ну, погоди, Тафаро! — кричал он, кружа над головой пивовара. — Я тебе этого не прощу! Ответишь ты мне за моего друга! Попомнишь ты моё слово!

— Что мне твоё слово! — отмахнулся Тафаро. — Не трещи

над ухом, как Сорока! А то я тебя самого поймаю и, как Сороку, за хвост в огороде подвешу! Прочь отсюда!

И пивовар Тафаро защёлкал кнутом.

Взлетел Белый Воробей на дерево, а сам чуть не плачет от обиды. Вдруг мимо летит Сорока. Увидела Воробья и спрашивает:

— Ты что нахохлился?

— Пивовар Тафаро моего друга обидел. И меня грозитя поймать и, как Сороку, за хвост в огороде подвесить.

— Это меня, Сороку, он хотел в огороде за хвост подвесить? Ну, я ему покажу! Летим со мной! Скорей, скорей!

И помчались Белый Воробей с Сорокой вслед за пивоваром Тафаро.

Вмиг догнали они телегу. Полетела Сорока и — хватя! — сорвала с пивовара шапку. Пустился Тафаро за ней с кнутом, бегаёт, кричит:

— Отдай шапку, отдай!

А Сорока с дерева на дерево перелетает и дразнит Тафаро:

— А ну, поймай-ка меня за хвост! Поймай, поймай!

Пока пивовар гонялся за Сорокой, Белый Воробей расклевал затычку в бочке. Пиво потекло на дорогу.

Вернулся Тафаро к своей телеге — злой, усталый, без шапки. Смотрит: вся дорога залита пивом! А тут ещё Белый Воробей сидит у лошади на спине и чирикает:

— Попомнишь ты моё слово, пивовар Тафаро! За друга я не так ещё отплачу!

Тут пивовар света невзвидел от злости. Со всей силы хватил кнутом по Воробью. Но Воробей успел увернуться, а лошадь от такого удара как рванёт телегу — и понесла!

Покатился Тафаро с телеги в одну сторону, бочка — в другую. Последнее пиво на дорогу вытекло, Тафаро весь в пыли вывалялся. А Белый Воробей летает над ним и кричит:

— Ещё тебе мало! Надо бы больше! Попомнишь ты моё слово, пивовар Тафаро!

Сказал он так и полетел к своему другу. Старый Пёс сидел в кустах и зализывал лапу.

— Подожди меня здесь! — крикнул ему Белый Воробей. — Я ещё с Тафаро за тебя не совсем рассчитался! — И, сердито чирикнув, полетел в Воссэль, воробьиный лес, где вили свои гнёзда воробьи всего края.

В Воссэле Белый Воробей кликнул клич:

— Ко мне, воробьи, воробьихи и воробьята! Я нашёл амбар, полный отборного ячменя! Хозяина дома нет! Я угощаю всех!

Поднялись в воздух тысячи воробьёв; словно серая туча,

полетели они к Кеврешону и опустились на амбар пивовара Тафаро.

Белый Воробей показал им дыру в крыше, а сам сел на ворота и ждёт.

Через час только догнал пивовар свою телегу и вернулся домой с пустой бочкой. Тут его встретил Белый Воробей.

— Как поживаешь, пивовар Тафаро? Удачно ли продал пиво?

— Прочь отсюда, белый разбойник!

— Не кричи на меня, пивовар Тафаро. Загляни-ка лучше в амбар!

Бросился Тафаро к амбару, распахнул дверь, а навстречу ему — фр-р-р!!! — тысячи воробьёв, словно серый вихрь.

Заглянул Тафаро в амбар да так и обмер: весь ячмень исчез!

А Белый Воробей сидит на воротах и чирикает:

— Теперь будешь добрей! Теперь будешь умней! Попомнишь ты меня, пивовар Тафаро!

Тут Белый Воробей вспорхнул и вслед за другими воробьями полетел в Воссэль.

— Молодчина, Белый Воробей! — кричали серые воробьи. — Ты хоть и белый, а смотри, какой хороший товарищ: и за друга отплатил, и нас накормил!

В Воссэле Белый Воробей простился с роднёй и вернулся к своему старому другу.

С тех пор добрый Пёс из Кеврешона и весёлый Белый Воробей жили счастливо. И все, кто знал об их верной дружбе, любили и уважали обоих друзей.

ПЯТЬ ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

Из сказок Бирмы

Расскажу я вам сказку о пяти добрых друзьях.

Жили однажды четыре брата, а с ними — ближайший их друг и слуга. Только он был не простым слугой. Лучше назвать его старшим другом и вожаком, потому что он был сильнее и опытней четырёх братьев.

Звали этого старшего друга Крепыш. Он был не высокий, но коренастый и крепкий, и за это получил такое имя.

Первого из братьев звали Забияка, потому что он всегда первым ввязывался в драку.

Второго брата звали Выше-Всех, потому что он был на самом деле выше всех братьев.

Третьего брата звали Казначей, потому что он был заботливый, осторожный и бережливый.

Четвёртого брата звали Малыш, потому что ростом он был меньше всех.

Долго странствовали по свету пять добрых друзей и совершали всевозможные подвиги. Так, однажды дошли они до большого богатого города, которым правил жестокий король.

И сказал тогда Крепыш:

— Хватит уж нам бродить по свету и заниматься разными пустяками! От этого не будет нам ни славы, ни чести. Давайте лучше завоюем это королевство, освободим город от жестокого короля. И тогда люди будут вечно прославлять наши имена.

Братья согласились, и пятеро добрых друзей подошли к золотым стенам города.

Тут выступил вперёд Забияка и вызвал короля на бой.

И вот началась жестокая битва. Пятеро добрых друзей сражались против короля и его телохранителей. В этой битве особенно отличился Выше-Всех. И под конец жестокий король был разбит, а город освобождён.

И стали тогда пять добрых друзей думать: кому из них управлять этим городом?

Четыре брата сказали, что городом должен править Крепыш, потому что он их вожак, он всех старше и опытнее. Но Крепыш отказался. Он сказал, что городом должен править Забияка. Ведь это он вызвал короля на бой и начал сражение!

Но Забияка отказался. Он сказал, что городом должен править Выше-Всех, потому что он сражался смелее всех и принёс им победу.

Но и Выше-Всех отказался. Он сказал, что в городе так много всяких богатств и сокровищ — ему их не сосчитать! Пусть уж лучше правит Казначей.

Но тут и Казначей отказался. Он сказал, что городом должен править Малыш, потому что он самый маленький и слабый и никогда не сможет завоевать для себя другое королевство.

Однако Малыш сказал, что он слишком слаб, а поэтому не сможет быть хорошим правителем.

Так пять добрых друзей спорили очень долго, а под конец решили: «Будем править городом все пятеро, сообща!» Как решили, так и сделали. И не было в мире лучших правителей, чем пять добрых друзей.

А теперь посмотрите-ка, ребята, на свои руки. У вас ведь тоже есть пять добрых друзей, готовых вам верно служить. Вот смотрите: ваш большой палец — это Крепыш, сильный и крепкий. Ваш указательный палец — это Забияка: ведь когда вы кого-нибудь дразните, то всегда указываете на него этим пальцем. Ваш средний — это Выше-Всех: он ведь и на самом деле выше всех других пальцев. Безымянный палец — это Казначей, потому что на нём взрослые носят серебряные и золотые кольца. А ваш мизинец — это, конечно, Малыш: он ведь такой маленький, такой слабый и смешной!

Вот видите, значит, и у вас есть пять добрых друзей, готовых помочь во всяком деле. И они помогут вам завоевать счастье.

ЛУПЦЫ

Из сказок Бирмы

Однажды кролик сидел под деревом и вслух размышлял о жизни.

— Мир полон тревог, опасность подстерегает на каждом шагу,— сказал он сам себе.— Во-первых, может случиться беда: землетрясение, обвал или ураган. Во-вторых, всё время боишься голода: ведь запасы пищи и воды могут кончиться. И, наконец, на тебя всегда могут напасть воры или разбойники...

Тут кролик вспомнил о каком-то своём важном деле — и убежал.

Кролик не знал, что три обитателя джунглей услышали его и насмерть перепугались. Это были чибис, земляной червяк и обезьяна.

Чибис пришёл в ужас при мысли о землетрясении и урагане и дрожащим голосом проговорил:

— А вдруг небо свалится на меня, когда я буду спать? Хорошо ещё, если оно упадёт днем,— я смогу улететь прочь. Но, если оно упадёт, когда я сплю, оно же раздавит меня!

Земляной червячок испугался голода:

— О, если кончатся запасы в почве, которыми я питаюсь, тогда я умру, умру!

А обезьяна сразу же подумала о ворах и разбойниках и со слезами на глазах сказала:

— Больше всего на свете я дорожу землёй. Но на ночь мне приходится покидать её, потому что я привыкла спать на дереве. Что, если воры и разбойники придут и украдут землю, пока я сплю?

С тех пор чибис всегда спит на спине, задрав свои крошечные лапки, чтобы удержать небо, если оно вдруг рухнет.

Земляной червячок тут же выплёвывает всё, что съедает, чтобы не уменьшать запасы почвы.

А обезьяна каждую ночь трижды спускается с дерева, чтобы пощупать землю и убедиться, что разбойники ещё не украли её.

ТРИ МУЖИКА — ТРИ ПРОСТАКА

По мотивам болгарских сказок

Жили-были три друга: Елен-Пелен из Желен, Самун-Геле из Лукова и Коке из Редина. Все молодцы-удальцы, как на подбор! С собой хороши, умны, скромны! Про себя — ни слова, а о другом — пожалуйста.

— Неразрешимую задачу разгадать? Только один человек на свете может — Елен-Пелен из Желен! Он из нас самый толстый, зато — великий ум. Верно вам говорю, не будь я Коке из Редина!

— Вы Коке верьте! Я, Елен-Пелен из Желен, только подумаю, а Коке, не глядите, что ростом мал, — уже впереди всех. Ноги у него сами бегут, а руки уже дело делают! Вот он каков!

— А про меня кто скажет? — просит Самун-Геле из Лукова. Про него я сам скажу: он выше всех, ему и видней, что можно, а что нельзя, куда идти, а куда не ходить, что съесть, а что бросить. Он верховодит, пример подаёт, а коли прочь бежать, так не беспокойтесь — первым стреканёт. Не потому, что боится: он, как все — храбрец из храбрецов! — а чтобы остальным понятно было, что спастись надо!

Одним словом, подобралась компания — лучше не придут-

маешь: величайший ум — Елен-Пелен из Желен; пострел, везде первым поспел — Коке из Редина; и главнейший из них — сама осторожность, предусмотрительность! — Самун-Геле из Лукова.

Вот они идут: впереди кто? Ну, конечно, Коке из Редина. Посредине — Елен-Пелен из Желен. А последним — Самун-Геле из Лукова, ему и позади всё видно. Он советы подаёт, других направляет, за всех всё решает.

Идут они небывалые подвиги совершать, мир поразить, себя показать!

Идут они, идут и вдруг видят: забор. Ну как не посмотреть, что там, за забором, делается?

А там, в своём саду, среди цветов, под деревом судья-кадий спит — и до того сладко, что не слышит, как гусь на него взобрался и его бородку, словно травку, щиплет!..

«Разбудить или не разбудить?» — подумал величайший ум — Елен-Пелен из Желен.

Пока труднейшую эту задачу решал, гусь судью так щипнул, что тот мигом проснулся и — цоп! — схватил гуся.

— Попался, разбойник! Считаю, что тебя уже нет на свете! — вскричал судья и приготовился было свернуть гуся шею, как в дело вмешался мудрейший Елен-Пелен из Желен.

— Виданное ли дело, чтобы судья, вынесший приговор, сам приводил бы его в исполнение? — сказал он.

— Но как быть? — ответил судья. — Ведь разбойник-гусь, щипавший, словно травку, мою бороду, поистине достоин смерти!

— Благослови судьбу, что мы, богатыри, мы, мудрецы, вовремя оказались тут! — сказал Елен-Пелен из Желен.

— Отдай его нам! — заявил Коке из Редина.

— Нам и только нам! — поддержал его Самун-Геле из Лукова. — Уж кого-кого, а нас учить не придётся! Мы-то знаем, как поступить с обидчиком! Только не забудь оповестить о нашем подвиге всю округу.

— Ладно! — сказал судья. — Берите его. Да кончайте с ним скорее!

Забрали богатыри гуся, сели, стали его судьбу решать.

— Голову ему отрубить... — нерешительно сказал молодец Коке из Редина. — Всё-таки жалко — птица-то живая!

— И кровь прольётся, — сказал удалец Самун-Геле из Лукова. — Брр! Потом ещё по ночам во сне будет сниться!

— Верно! — сказал мудрейший Елен-Пелен из Желен. — Рубить беззащитному гуся голову! Был бы это лев или чудовище! Тогда — другое дело. Давайте бросим его лучше в пруд! Он там сразу утонет!

Обрадовались богатыри: ну кому, спрашивается, кроме умнейшего Елены-Пелена, такое мудрое решение в голову придёт?

Побежали они к ближайшему пруду, раскачали гуся и — хоп! — бросили в воду! А гусь, гусь...

— Га-га-га! — прогоготал гусь, крылышки сложил и... преспокойненько поплыл, что твоя лодочка!

— Куда, куда? — стоя на берегу, дружно закричали удальцы-молодцы. — Мы же тебя утопили!.. — И за ним, в воду. Коке, конечно, впереди, умнейший Елен-Пелен в серединке, а Самун-Геле, на всякий случай, позади, поближе к берегу: вдруг яма или топкое место будет? Так-то лучше!

А гусь? Представьте себе, гусь не дождался их — уплыл. Только они его и видели.

— Ничего, — сказал мудрейший Елен-Пелен из Желен. — Все же дело сделано: судью мы от гуся освободили, самого гуся утопили, да так, что он жив остался! Кто на такое способен? Никто. Только мы.

И они, довольные, зашагали дальше.

Шли, шли, вдруг смотрят: на земле что-то лежит (а это арбуз был).

— Что бы это такое могло быть? — удивился Коке из Редина.

— Осторожно! — сказал Самун-Геле из Лукова. — Здесь наверняка была война! А это — пушечное ядро. Того гляди, взорвётся!

Но умнейший Елен-Пелен из Желен только на мгновение задумался и — на то он и был умнейшим из умнейших, мудрейшим из мудрейших — сразу нашёл разгадку.

— Это яйцо! — сказал он. — Его снёс верблюд. Видите, какое оно огромное! Сама судьба послала его нам. Вот теперь-то мы прославимся на всю округу! Слушайте меня внимательно: мы будем сидеть на нём до тех пор, пока не высидим верблюжонка. Такого до нас ещё никто не совершал!

Сказано — сделано! Выбрали удальцы-молодцы пригорок повыше, боком покруче. На самый верх поднялся Самун-Геле из Лукова. Сидит-посиживает, тяжёлый арбуз под ним побрякивает, потрескивает. Ждут-пождут молодцы, пока верблюжонок вылупляться начнёт!

— Ага! Слышите? Это верблюжонок ногами стучит! Стучит — скорлупу пробивает! — в нетерпении догадался Коке из Редина.

— Ещё малость — и вылупляться начнёт! — обрадовался Самун-Геле из Лукова и давай арбуз поправлять. Поправлял, поправлял да толкнул ненароком, арбуз и покатился с пригорка! Молодцы-удальцы — за ним. Да куда там!..

Катился арбуз, катился и в куст терновника угодил. А там — солнышко-то в тот день вон как грело-припекало! — в тени длин-

ноухий заяц отдыхал-подрёмывал. Как арбуз в куст влетел, так заяц вздрогнул и с перепугу — что твой снаряд — из терновника вылетел и быстрее ветра прочь понёсся!

— Держите его! Ловите его! — вскричали молодцы-удальцы.

Да разве зайца догонишь! Только его и видели. Поминай как звали!

— Неблагодарный! — запыхавшись, вскричал Коке из Редина.— Мы его высидели...

— А он даже спасибо не сказал! — отдуваясь, с обидой проговорил Самун-Геле из Лукова.

— Ничего, друзья,— утешил их наимудрейший Елен-Пелен из Желен.— Подвиги и добрые дела не ради благодарности совершают, а на благо людям и во славу героев! Главное, что верблюжонок вылупился! Да ещё с какими длинными ушами! И как он, едва на свет появившись, бежал-скакал! Виданное ли дело! Каким же он, когда вырастет, бегуном будет!..

При этих словах все успокоились и даже обрадовались и пошли дальше. Шли, шли. И настал вечер. На небе взошла луна.

— И вот,— сказал Елен-Пелен из Желен, умнейший из мудрейших и мудрейший из умнейших,— теперь-то мы действительно можем прославиться на века! Стоит нам только достать луну с неба, и она будет светить людям, как самый большой, небывалый, отличнейший фонарь!..

— И не сможет прятаться за облаками и тучами, погружая землю в крошечную тьму и мрак! — закончил Самун-Геле из Лукова.

— Смотрите! — воскликнул Коке из Редина.— Тут как раз мастерская бондаря! Хорошо, что он заготовил столько бочек! Мы поставим бочки одну на другую, как лестницу, и луна — в наших руках!

Вмиг работа закипела. Бочка на бочку, бочка на бочку!..

— Чур, я первый! — вскричал Коке из Редина. И сразу оказался наверху.

— А я посредине! — сказал Елен-Пелен из Желен.— Ведь я потяжелее всех, поувесистее!

— А я самый высокий! Буду вам бочки снизу подавать! — согласился Самун-Геле из Лукова.— Но за это луну вы мне прямо в руки сбросите!

Сказано — сделано! Бочка на бочку! Бочка на бочку!..

— Ещё одну! Ещё одну! Давайте ещё одну! — в восторге подгонял друзей Коке сверху.— Теперь совсем малость осталось! Ещё немного, и я ухвачу её. Ещё одна бочка, ещё только одна бочка — и луна в наших руках!..

— Но больше нету бочек! — в отчаянии простонал Самун-

Геле из Лукова.— Подумать только, одной бочки нам не хватило, чтобы достать луну с неба!

— Спокойствие! — сказал умнейший Елен-Пелен из Желен, оглядываясь по сторонам.— Бочек больше нет, но уж кто-кто, а я найду выход из положения! Мы возьмём нижнюю бочку, она нам ни к чему, и переставим её на самый верх!

И он ухватился за нижнюю бочку, но... при этих его словах, а вернее, при этих его делах всё шаткое сооружение покачнулось, и молодцы-удальцы полетели вверх тормашками.

Порожние бочки грохотали и гудели так, словно произошло землетрясение, а Коке из Редина и Елен-Пелен из Желен оказались среди обломков на земле.

— Я уже ухватился за самый край её, за луну! — жаловался Коке из Редина, угодив в бочку так, что из неё торчали одни только ноги.

— Спасите! Спасите! — тщетно взывал умнейший Елен-Пелен из Желен. Ведь это он один понимал, что с ними происходит.— Спасите! Помогите! — повторял он.— Не то обломки луны, падая с неба, погребут нас под собой!

Улеглась на землю пыль. Замерли, остановившись, пустые бочки. Выбрались из-под них молодцы-удальцы. Огляделись по сторонам и обомлели.

Хотите верьте, хотите нет, но позади них, в пруду, была... луна. Да, да! Круглая. Жёлтая. Яркая.

— Я говорил, что ухватился за неё! — вскричал маленький Коке из Редина.

— А я не зря передавал вам одну бочку за другой! — похвастался Самун-Геле из Лукова.

— Если одна умнейшая мысль пришла мне в голову, то и вторая, не задерживаясь, уже торопится за ней! — сказал мудрейший Елен-Пелен из Желен.— Слушайте и поспешайте! Наши старания не пропали даром — луна упала в пруд. Мы вычерпаем его, и она, маленькая, жёлтенькая, останется на дне его, как на тарелочке!

Елен-Пелен сказал — повторять не пришлось.

Вбежали друзья на мосток, осмотрелись, а невдалеке пустые вёдра лежат. Вот кстати. Подхватили их и — давай воду носить. С полными вёдрами на берег выбрались, а там капуста растёт! Не пропадать же воде: стали её выливать — огород поливать. Таскать-выливать. Выливать-поливать.

Ух, ты!

Ах, ты!

Ох, ты!

Всю ночь воду таскали, всю ночь выливали, всю ночь поливали. Капусту, огород.

Всю ночь трудились Елен-Пелен из Желен, Самун-Геле из Лукова и Коке из Редина. Старались, торопились: скорее, скорее, скорее, чтобы воду из пруда вычерпать, чтобы луна на дне его, как на тарелочке, лежала.

Уж они работали — не покладая рук. Взад-вперёд, взад-вперёд носились. С вёдрами. Туда — с полными, обратно — с порожними. Туда — с полными, обратно — с порожними!..

Трудились, трудились, а вода не убывает, пруд не усыхает, луна на дне его, как на тарелочке, не остаётся.

Они ещё скорее бегают, пыхтят, вёдрами гремят.

— Ещё немного, ещё малость, и луна на тарелочке! — уверяет Самун-Геле из Лукова.

— Не зря я за неё уцепился, в руках, можно сказать, держал! — говорит Коке из Редина.

— Поначалу всегда так — дело медленно движется, а когда к концу — так сразу пойдёт! — утешал их Елен-Пелен из Желен. — Давайте, други, поднажмём. Сейчас или никогда!

Ох, как они застучали вёдрами! Ах как они понеслись!..

Бегали, бегали, пока не свалились от усталости на бережку возле капусты и не заснули, все трое разом, рядышком.

Спят богатыри и не видят, спят богатыри и не слышат, что солнышко взошло, что люди кругом них собрались — дивятся, радуются: «Ну и герои, ну и молодцы! До чего славно потрудились — всему миру на удивление! Огород полили. А капуста — прямо на глазах растёт! И как их, молодцов-удальцов, отблагодарить только? Давайте всем миром угостим их на славу! За доброту их, за заботу, за добрый труд!»

Проснулись три молодца, три удальца — диву дались: перед ними скатерть, а на ней — угощение: ешь не хочу, не то что им — и другим достанется-хватит, хоть нас всех в гости зови!

Смотрят они — удивляются: что бы это значило?

А Елен-Пелен из Желен, на то он мудрейший из умнейших, умнейший из мудрейших был, сказал:

— Вот теперь понял я, братцы, и вы уразуметь должны, что угощение это мы заслужили не тем, что луну с неба и из пруда доставали, доставали и не достали, а тем, что капусту хорошо полили! Оказывается, великое дело не то, которым хочешь людей удивить, а то, которое людям нужно.

УЖДА НАУЧИТ

Болгарская сказка

У одного дровосека было два сына. Каждый день он ходил в лес рубить дрова и брал с собой одного из них. Он рубил, а сыновья помогали. Но вот дети подросли, и дровосек сказал им:

— Теперь, сыны мои, вы сами уж идите в лес, а я дома останусь.

Сыновья ему отвечают:

— А вдруг телега у нас сломается, кто нам её починит?

— А коли вы, сыны мои, сломаете телегу, или ещё что у вас случится, не бойтесь: нужда вас всему научит!

Отправились братья в лес. Молодые руки — быстрые. Накололи они дров даже больше, чем надо, и сложили их на телегу. Поехали к дому, а телега-то по дороге и сломалась. Слезли они с телеги и принялись кричать:

— Нужда, иди чинить телегу!

Кричали, кричали. Начало уже смеркаться, а Нужда всё не идёт.

Говорит тогда младший брат:

— Не идёт эта проклятая Нужда! Не возьмётся ли нам самим чинить телегу?

А старший отвечает:

— Может, Нужда далеко ушла да не слышит нас. Давай-ка ещё вместе покличем сколько сил хватит!

Кричали, кричали, пока не охрипли, но никто к ним не пришёл.

Младший брат опять говорит старшему:

— Видишь, темнеет уже! Может, напрасно мы кричим? Неизвестно, умеет ли ещё эта Нужда телегу чинить.

Взялись братья — один за топор, другой за долото. Раз-раз! Туда-сюда! И починили сами телегу.

Когда вернулись домой, отец их спрашивает:

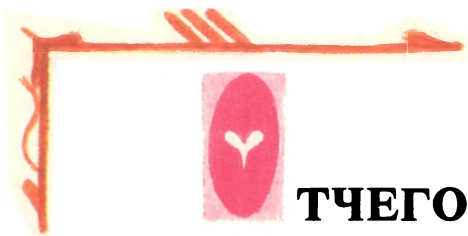
— Как доехали, сынки мои?

А те ну жаловаться:

— Ах, батя, сломалась у нас телега среди дороги! Звали мы, звали эту проклятую Нужду, пока не охрипли, а она так и не пришла. Взяли мы тогда топор и долото и сами починили как сумели.

— Эх, сынки! — сказал отец. — Так ведь это и была нужда! Вы её звали, а она при вас была. Некому было помочь вам, вот вы сами и справились. Не зря говорят: нужда научит!

ЧЕГО У ЧЕРЕПАХИ ПАНЦИРЬ ИЗ КУСОЧКОВ

Из сказок Бразилии

Жила-была черепаха, обыкновенная черепаха, только очень уж любопытная. Лежала эта черепаха как-то ночью на песке и глядела на звёзды. «Какие они вблизи? — думала черепаха. — Интересно бы посмотреть».

И черепаха решила побывать на небе. Но она была неуклюжая и ползла так медленно, что на следующую ночь, когда взглянула вверх, звёзды были всё так же далеко.

Три дня и три ночи шла любопытная черепаха, а конца пути всё не было видно. В это время мимо пролетала серая цапля. Черепаха взмолилась:

— Цапля, цапля! Снеси меня на небо! Я хочу посмотреть вблизи на звёзды, а самой мне туда не добраться.

— Ну что ж, садись ко мне на спину, полетим!

Вскарабкалась черепаха на птицу, и они полетели.

Всё выше и выше поднималась цапля. Наконец она спросила черепаху, видна ли земля.

— Да, видна. Только очень далеко!

Ещё выше поднялась цапля.

— Ну, а теперь видна?

Черепаха ответила, что земли больше не видно. Тогда цапля, — а на самом деле это была злая колдунья, — захохотала, перевернулась в воздухе и сбросила с себя черепаху.

Бедная черепаха камнем полетела вниз. От страха она закрыла глаза и только шептала:

Если я сейчас спасусь,
Хэбо, хэбо, хэбо!
Никогда не попрошусь
Больше я на небо...

Над самой землёй черепаха открыла глаза и увидела лес и горы.

— Расступитесь, камни и деревья! — закричала она в ужасе. — Расступитесь, или я раздавлю вас!

Камни и деревья расступились, и черепаха шлёпнулась на землю. Земля была мягкая, и черепаха не убилась, но щит её раскололся на множество кусочков.

Один добрый волшебник видел всё это, сжалился над бедной черепахой и слепил осколки.

Вот почему панцирь у черепахи и состоит весь из кусочков.

ВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА

Венгерская сказка

По ту сторону стеклянных гор, за шёлковым лугом, стоял нехоженный, невиданный густой лес. В том нехоженном, невиданном густом лесу, в самой его чащобе, жила старая медведица. У этой старой медведицы было два сына. Когда медвежата выросли, то решили, что пойдут по свету искать счастья.

Поначалу пошли они к матери и, как то положено, распрощались с ней.

Обняла старая медведица сыновей и наказала им никогда не расставаться друг с другом. Обещали медвежата исполнять наказ матери и тронулись в путь-дорогу.

Сначала пошли они к опушке леса, а оттуда в поле. Шли они, шли. И день шли и другой шли. Наконец все припасы у них кончились, а по дороге достать было нечего.

Понурые брели рядышком медвежата.

— Эх, братик, до чего же мне есть хочется! — пожаловался младший.

— А мне и того пуще! — сокрушённо качал головой старший.

Так они всё шли да шли, покуда вдруг не набрали на большую круглую головку сыра. Хотели было поделить её по

справедливости, поровну, но не сумели. Жадность одолела медвежат: каждый боялся, что другому достанется больше.

Спорили они, ругались, как вдруг подошла к ним лиса.

— О чём вы спорите? — спросила она.

Медвежата рассказали лисице о своей беде.

— Какая же это беда? — сказала лиса. — Это не беда! Давайте я вам поделю сыр поровну: мне что младший, что старший — всё одно.

— Вот это хорошо! — обрадовались медвежата. — Дели!

Лисица взяла сыр и разломил его надвое. Но старая плутовка расколола головку так, что один кусок — это даже на глаз было видно — был больше другого.

Медвежата враз закричали:

— Этот больше!

Лисица успокоила их:

— И это не беда. Малость терпения. Сейчас я всё улажу. Она откусила добрый кусок от большей части и проглотила. Теперь большим стал меньший кусок.

— И так неровно! — забеспокоились медвежата.

Лисица посмотрела на них с укоризной.

— Ну, полно, — сказала она. — Я сама знаю своё дело!

И она откусила от большей части здоровенный кусок. Теперь больший кусок стал меньшим.

— И так неровно! — вскричали медвежата в тревоге.

— Да будет вам! — сказала лиса, с трудом ворочая языком, так как рот её был набит вкуснейшим сыром. — Ещё самая малость — и будет поровну.

Так и шла делёжка. Медвежата только чёрными носами водили туда-сюда, туда-сюда, от большего к меньшему, от меньшего к большему куску.

Покуда лисица не наелась досыта, она всё делила и делила.

К тому времени, как куски сравнялись, медвежатам почти и сыру не осталось: два крохотных кусочка!

— Ну что же, — сказала лиса, — хоть и помалу, да зато поровну! Приятного вам аппетита, медвежата! — захихикала она и была такова.

Так-то вот бывает с теми, кто жадничает!

КАТИЦА ТЕРДСЕЛИ

Венгерская сказка

Быль это или небылица, а однажды жила на свете старуха, и была у неё дочь, по прозванию Катица Тердсели. Девушка выросла такая умная и находчивая, что любая задача была ей нипочём.

Случилось так, что заболела мать Катицы Тердсели. Заболела и сказала своей дочери:

— Эх, доченька! Видно, смерть моя приходит. А ведь я так за всю жизнь досыта и не ела. Хоть один разок гусятинки бы мне отведать! Поди-ка ты, доченька, во дворец, попроси у короля кусочек гусятины. Королю убыль невелика, а мне — утешение: гуси-то у короля самые жирные.

— Как я туда пойду? — спросила Катица Тердсели. — Король жадный, злой. Разве он даст кусочек гусятины?

— А ты попробуй, доченька, сходи, — настаивала мать. — Вдруг он расщедрится?

Делать нечего, пошла Катица Тердсели во дворец. Пришла, прямо к королю попросилась.

Подвели её к трону; предстала она перед королём и сказала, зачем пришла:

— Дай ты мне, король, ваше величество, один только

кусочек гусятины! А если не дашь, помрёт моя матушка.

Когда король услышал эти слова, даже на троне подскочил, рѹками замахал, во весь голос закричал:

— Ах ты, негодная девчонка! Да как ты смеешь у меня изо рта гуся отнимать! Я сам, сам, сам его съем!

Но Катица Тердсели не испугалась и сказала королю:

— Да ведь их, гусей, у вас тысячи! А я прошу от одного — и то кусочек! А то моя матушка так и помрёт.

— А мне-то что? — закричал король ещё громче. — И пусть помирает! А ты убирайся отсюда вон! Вон! — кричал король. — Гоните её вон в шею кулаками, палками!

И слуги короля набросились на Катицу Тердсели и вытолкали вон из дворца на улицу.

Стоит Катица Тердсели одна. Кто ей поможет?

«Всё равно, — сказала про себя Катица, — не сдамся я, добуду гусятинки для больной матери!»

Сказав так, обошла она дворец, зашла в другие ворота и стала там.

Стоит Катица Тердсели и всё поглядывает, будто кого поджидает.

Вдруг она увидела, что повар несёт большое блюдо с жареной гусятиной. Катица остановила повара и сказала, чтоб он немедленно шёл к королю. А блюдо с гусем обещала подержать, пока повар не вернётся.

Пошёл повар к королю, а тот выгнал его, закричав, что и не звал его вовсе. Однако повар твердил своё: этот приказ передала ему девушка, она стоит возле кухни и держит блюдо с гусем. Король не утерпел и пошёл вместе с поваром взглянуть на девушку.

Но там, где стояла девушка, уже не было ни девушки, ни гусятины.

Прибежали король и повар на кухню, а там всё вверх тормашками, и только на дверях написано:

Здесь была я, здесь была,
Гуся доброго взяла,
Я, Тердсели Катица.
А тебе не нравится?
Поступай как хочется.

А Катица тем временем отнесла гусятину домой.

Когда её старушка мать вдоволь наелась, то сказала дочке:

— Ах, доченька! Гусь был знатный. Поела я — и сил у меня как будто прибавилось. Да вот сладенького что-то хочется. Поди ты во дворец к королю, принеси мне оттуда немного медку.

Сначала Катица стала отказываться: ведь попадёт ей от короля. Потом всё же согласилась.

Пришла она в королевскую кладовую и сказала сторожу, чтобы он тотчас шёл к королю — ведь тот уже давно его кличет! А она пока вместо него посторожит кладовую.

Пошёл сторож к королю. А король его вон гонит, кричит, что и не думал его звать. Но сторож всё твердил, что ему об этом сказала девушка, которая и сейчас ещё сидит в кладовой и сторожит мёд. Бросился король в кладовую. Ещё бы: он уже догадался, что это дело рук Катицы Тердсели.

Как вошли они в кладовую, то увидели, что на самой большой бочке с мёдом было написано:

Здесь была я, здесь была,
Мёду малость унесла,
Я, Тердсели Катица.
А тебе не нравится?
Поступай как хочется.

А Катица взяла с собой мёду сколько ей было нужно и отнесла матери.

Когда старушка выпила мёду, то почувствовала себя ещё лучше и сказала дочери:

— Ну, доченька, ещё малость, и я совсем поправлюсь! Поди-ка ты к королю во дворец и принеси мне яблочко из королевского сада. Что королю одно яблочко? А мне спасение! Говорят, они у короля чудесные, наливные, целебные.

Не хотелось Катице снова идти во дворец: ведь плохо ей придётся, если король её поймает. Но пожалела она больную старушку мать и пошла.

Пришла Катица к королевскому садовнику и сказала ему, чтоб он сейчас же шёл к королю: ведь король уже давно его кличет. А она тем временем посторожит сад.

Садовник поспешил к королю, а тот стал его гнать и сказал, что и не думал звать его.

Бедный садовник всё твердил своё: что королевский приказ передала девушка, она и сейчас караулит яблоки в саду. Тогда король побежал вместе с садовником в сад. Он так и чуял, что это опять проделки Катицы Тердсели!

И что же? Только они открыли калитку в сад, как увидели, что на земле валяется множество красных яблок, а на садовой калитке написано:

Здесь была я, здесь была,
Яблочко одно взяла,
Я, Тердсели Катица.
А тебе не нравится?
Поступай как хочется.

У короля от злости жёлчь разлилась. Напрасно звали врачей — ни один из них не мог его исцелить.

Услыхала это Катица, переделась в мужское платье, пришла во дворец и вызвалась вылечить короля.

Катица Тердсели подержала руку короля, посмотрела язык и сказала, что у короля увеличилась печень: слишком он много сердился и жадничал. И посоветовала всё тело короля обсыпать солью и перцем и зашить в воловью шкуру. Тогда болезнь отступится от него. Сказала и ушла.

Придворные так и сделали.

Но соль и перец до того жгли тело короля, что он не выдержал, выскочил из шкуры и бросился вон из комнаты.

Как раз в это самое время принесли ему записку, а в ней было написано:

Здесь была я, здесь была,
По заслугам воздала,
Я, Тердсели Катица.
А тебе не нравится?
Поступай как хочется.

Тут король так разгневался на Катицу, что отрядил за ней солдат, приказал поймать девушку и запереть в дворцовую башню.

Когда солдаты схватили Катицу, она попросила разрешения взять с собой соломенную куклу. А та была такого же роста, как сама Катица, и точно так же одета. Перед тем как идти, внутрь куклы Катица налила мёду. Солдаты потащили куклу и Катицу в дворцовую башню и заперли их там вместе.

Катица Тердсели тотчас уложила куклу на кровать, а сама спряталась под кроватью.

Вот вечером отворяется дверь, и тихонько входит король.

Взмахнул он саблей и сразу вонзил её глубоко в грудь соломенной куклы. Сладкий мёд брызнул ему прямо в рот, и король сказал:

— Так вот, злодейка, какая у тебя сладкая кровь! От неё небось и вся твоя хитрость!

И, вытерев саблю, король, гордый и довольный, вернулся в свои парадные комнаты.

А Катица Тердсели вылезла из-под кровати, положила кукле на грудь записку и сама убежала.

Наутро слуги зашли в башню и увидели, что лежит на кровати кукла, а на груди у неё записка. Сразу же кинулись слуги к королю.

Прибежал король в башню, схватил записку и прочёл:

Здесь была я, здесь была,
И осталась я жива,
Я, Тердсели Катица.
А тебе не нравится?
Поступай как хочется.

Король, как увидел, что девушка опять перехитрила его, так разозлился, что тут же и помер от злости.

А Катица Тердсели со своей матерью до сих пор живут счастливо.

ВА ВОЛА С ГОРОШИНУ

Венгерская сказка

42

Это было там, где этого и в помине не было. За океаном было большое море, посреди моря — большой остров, посреди острова — высокая гора, на вершине горы — тысячелетнее дерево. У этого дерева было девяносто девять ветвей, с девяносто девятью тайниками, а в девяносто девятом тайнике лежала книга в девяносто девять страниц; на девяносто девятой странице были написаны такие слова: «Тот, кто эту сказку слушать не станет, никогда счастливым не будет». Вот так-то...

Жил однажды бедный-пребедный человек. По соседству с ним жил человек ещё беднее его. У одного был сын, у другого — дочь, и порешили два бедняка поженить своих детей. Пусть уж будет одна нищенская сума, а не две! Порешили — и поженили своих детей.

Как-то раз муж сказал своей молодой жене:

— Послушай, жена! Напеки мне лепёшек на дорогу — хочу до бога дойти и узнать, почему он беднякам не помогает.

Напекла жена мужу лепёшек, простился он с ней и отправился в путь.

К полудню он пришёл в дремучий лес. Там он встретил седого старца, который пахал целину на волах, да не на простых,

а на крохотных, величиной с горошину. Парень отвесил старику поклон, тот тоже поклонился в ответ и спросил, куда он держит путь.

— Иду искать бога,— сказал бедняк.— Хочу узнать, почему он ничего не даёт беднякам.

— Стоит ли трудиться! — ответил седой старик.— Вот лучше я тебе помогу: подарю этих волов с горошину, и ты заживёшь на славу. Только смотри никому их не продавай, сколько бы тебе за них ни сулили.

Погнал бедняк домой дарёную скотину и на следующее утро отправился со своими волами в лес. Телегу собрал он кое-как: кто ему дал колесо, кто дышло, кто что.

Приехал бедняк в лес, срубил дерево, распилил, разрубил. Но больше двух полешек не рискнул положить на телегу: не надеялся он на своих маленьких волов.

А они-то хоть и крохотные были, но волшебные. И, когда бедняк хотел уже тронуться в обратный путь, один из них заговорил:

— Что же ты, хозяин, всего два полешка положил? Нагрузи-ка телегу доверху, чтобы она прогибалась под тяжестью. А то налегке стыдно в деревню въезжать!

Бедняк только головой замотал. А вол опять говорит:

— Не бойся, грузи как следует!

Бедняк послушался, нагрузил телегу доверху, как только мог. Волы и повезли воз. Сами идут впереди маленькие, а воз за собой везут огромный.

Только они выехали из лесу, как повстречали графа и судью. Те увидели крохотных волов и даже остановились от удивления. Граф спросил:

— За сколько ты, бедняк, отдашь мне эту пару волов?

— Не продажные они, сударь,— ответил бедняк.

Граф рассердился и сказал бедняку, что если он за день не выкорчует, не вспашет, не заборонит и не засеет дремучий лес, то не видать ему больше своих волов.

Опечалился бедняк: что ж теперь ему делать?

— Не горюй, хозяин! — промолвил один из крошечных волов.— Ты только раздобудь плуг и всё, что нужно, а за нами дело не станет.

Бедняк со всей деревни собрал всё, что нужно: плуг, борону, сеялку, и поехал на волах в дремучий лес. Когда они доехали туда, волы сказали:

— Ты, хозяин, ложись да поспи, а мы сами со всем управимся.

Бедняк послушался, лёг, заснул, а как проснулся — видит: лес выкорчеван, земля вспахана, пашня заборонена, засеяна.

Тогда он поехал домой и доложил графу, что работу закончил. Поскакали граф и судья к лесу. Осмотрели всё и никакого, даже самого малого, недостатка в посеве не увидели.

— Ну, бедняк,— сказал граф,— если ты за один день не уберёшь у меня всю траву с полей и лугов, то так и знай, что останешься без волов!

Пригорюнился бедняк, а волы с горошину опять его утешают:

— Не кручинься, хозяин! Ты только ляг в борозду и поспи, а мы уж сами управимся.

За день они всё убрали. Всё взвалили на одну телегу, да так высоко её нагрузили, что бедняк, сколько голову ни задира, верха не увидел. Вот как высоко было!

Когда волы подъехали к замку, бедняк пошёл к графу и сказал:

— Сиятельный граф! Привёз я тебе травы. Но ты уж изволь сдвинуть с места свой замок, а то мне с моими волами никак не въехать во двор.

Граф не стал слушать бедняка и вместо благодарности так дал ему по шее, что тот чуть с ног не слетел. Увидели это волы с горошину, потянули телегу, наехали на замок. Колесом зацепили его, дёрнули — замок и перевернулся. А граф со злости чуть не лопнул.

— Слышь, мужик! — закричал разъярённый граф.— Если ты не свезёшь меня и судью на самый край света, то у тебя и волов не будет и самому тебе несдобровать! Я хочу увидеть, что там делается!

Тут уж бедняк совсем пригорюнился. Да как же он довезёт туда графа, ежели никогда и не видал и слыхом не слыхал, где он есть, этот край света! Но тут один вол заговорил:

— Да не горюй ты, хозяин, туда им и дорога!

Тогда бедняк запряг волов, взобрались граф и судья на телегу, и волы с горошину повезли их на самый край света. Подкатили туда и стали как вкопанные на самом краешке земли. А граф и судья кувырком полетели вниз, только их и видели.

— Ну, теперь, хозяин, поворачивай обратно! — сказали волы.

Бедняк так и сделал.

С тех пор граф и судья никогда больше на земле не показывались. А бедняк со своими волами с горошину живёт счастливо и поныне.

МОТЫЛЁК

Вьетнамская сказка

Жил-был когда-то смелый и отважный юноша по имени Нок Фан Ни.

Родители его были бедны. У них не было ничего, кроме маленького клочка рисового поля, и они из-за куска хлеба с утра до вечера работали у помещика.

«Так жили наши деды, так будут гнуть спины на чужих полях и внуки», — с горечью думал Нок Фан.

По вечерам он уходил в джунгли. Там, среди зарослей лиан, в расщелинах скал, Нок Фан пытался найти клад. Но вместо клада ему попадались только клубки змей, спящие мыши да родники, журчащие среди ущелий.

Юноша возвращался домой усталый и злой. Когда Нок Фан слышал о том, что отважные люди начинают борьбу с помещиками, он только пожимал плечами и презрительно улыбался: «Что можете сделать вы, слабые, незащитные люди? Погодите, я один сделаю гораздо больше! Только бы мне удалось отыскать клад!»

И он сторонился людей и думал только о своём.

Однажды Нок Фан увидел большого мотылька. Мотылёк то садился на цветок, словно поджидая, когда человек подойдёт к нему, то поднимался и летел дальше. Казалось, он куда-то звал Нок Фана.

Следя за мотыльком, юноша увидел в расщелине скалы узкий проход. Нок Фан наломал бамбука, зажёл его и, освещая себе путь, стал пробираться вперёд.

Дно расщелины круто спускалось вниз. Бамбук пылал ярко, и в красном отблеске пламени Нок Фан увидел какие-то таинственные знаки на каменных стенах. Сердце его забилося. Он был уверен, что нашёл наконец клад.

Когда бамбуковый факел догорел, Нок Фан побрёл дальше ощупью. Долго он блуждал в темноте. Порой ему казалось, что он слышит чьи-то лёгкие шаги, шёпот, тихий смех. Но стоило ему остановиться, как всё затихало.

Измученный Нок Фан опустился на землю и заснул.

Проснулся он от лёгкого дуновения ветерка. Над ним склонилась девушка в жёлтом платье, с веером в руке. Нок Фану показалось, будто он уже где-то видел её. Да ведь эта девушка — мотылёк, который заманил его сюда!

Нок Фан поднялся и пошёл за девушкой. Темнота редела, впереди забрезжил голубой свет. Это был выход из пещеры. Глазам юноши открылась цветущая долина: поля зрелого риса, деревья, сгибающиеся под тяжестью плодов. Когда он проходил мимо людей, они приветствовали его улыбками. Все двигались лениво и медленно.

— Где мы? — спросил Нок Фан у девушки.

— В подземном царстве, — ответила она. — Ты будешь здесь счастлив.

— Здесь всё так же, как на земле: деревья дают плоды, колосится рис, цветут цветы...

— Да, но здесь нет времени, поэтому здесь никто никуда не спешит. Здесь гаснут все желания и стремления, да и чего желать! Деревья здесь вечно дают плоды, вечно колосится рис.

Нок Фан остался в подземном царстве. Он женился на девушке-мотыльке. Жизнь их потекла мирно и безмятежно. Лёжа в мягкой траве, Нок Фан слушал пение птиц, смотрел в небо.

Трудно сказать, сколько прожил так Нок Фан.

Но вот однажды Нок Фан занозил себе руку колючкой. Он почувствовал боль и увидел каплю своей крови — настоящей, красной, горячей крови. И вдруг он вспомнил своё село, старых родителей, братьев, сестёр, ветхие домики на сваях. Его охватила щемящая тоска по родной земле. Он уже не мог больше оставаться в подземном царстве и решил во что бы то ни стало вернуться домой. И он отправился в путь.

Грозные скалы преграждали Нок Фану дорогу, но он упорно шёл вперёд.

И вдруг подземное царство исчезло, и Нок Фан оказался в той пещере, где впервые увидел девушку.

Долго пробирался он в темноте. Наконец вышел на солнечный свет, огляделся и побежал в сторону родного села. Но всё было странно и чуждо вокруг. Новые дома стояли у рисовых полей. Незнакомые, странно одетые люди погоняли буйволов. Нок Фан дружески приветствовал их, но все смотрели на него с удивлением.

Нок Фан долго ходил по селу в поисках своего дома. Дома не было. И только громадные банановые деревья что-то смутно ему напоминали. Он вспомнил, как именно здесь сажал вместе с отцом бананы, как подавал он отцу маленькие саженцы, как засыпал землёй корни. Неужели это те деревья так разрослись? Они выглядели как столетние гиганты.

Возле банановых деревьев Нок Фан увидел молодую девушку и спросил у неё, не знает ли она семью Ни. Девушка ответила, что она сама из этой семьи.

Нок Фан схватил её за руки, умоляя сказать хоть что-нибудь о его родителях, о братьях и сёстрах. Девушка слушала его с испугом. Наконец она ответила, что все они давно умерли... Она вспомнила даже имя Нок Фана. Да, да... ей рассказывали, что когда-то, давно-давно, был такой юноша, он заблудился в пещерах, и никто не мог даже следа его найти.

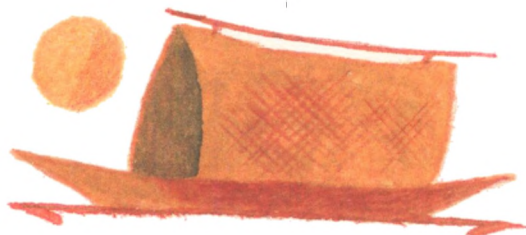
— Это я! Это я! — воскликнул Нок Фан.

Но девушка вырвалась из его рук и убежала.

Тогда Нок Фан понял, как он одинок, понял, что он чужой здесь. Опустив голову, он пошёл по дороге куда глаза глядят.

Нок Фан потерял своё время — то драгоценное время, которое другие тратят для труда и борьбы.

Бесполезно прошла его жизнь.

УДРЫЙ ЗАЩИТНИК

Вьетнамская сказка

Когда-то жили двое соседей; оба были охотники. Однажды отправились они расставлять сети на оленей.

Первый охотник поставил сеть, как обычно, на земле. А второй охотник развесил свою сеть на вершине дерева.

После этого они вернулись домой.

Наутро тот охотник, который поставил свою ловушку на вершине дерева, проснулся ещё до рассвета и пошёл осматривать сети.

В ловушке соседа, которая была поставлена на земле, увидел он оленя, попавшего в петлю. А в своей собственной ловушке на вершине дерева охотник ничего не нашёл.

Тогда он вытащил оленя из ловушки соседа и положил в свои сети на вершине дерева. Потом вернулся домой и опять заснул.

Он мирно спал до тех пор, пока солнце не поднялось над деревней. Тут его разбудил сосед, и они вместе отправились в лес.

В лесу оба охотника увидели, что сеть, поставленная на земле, закрылась. Кругом было много следов, как будто здесь бился олень. В сетях они нашли клочки оленьей шерсти — и больше ничего.

Зато в сети на вершине дерева висел мёртвый олень и раскачивался на ветру.

Тут первый охотник, тот, что ставил свою сеть на земле, заподозрил неладное. Он подумал:

«Никогда ещё ни один олень не залезал на вершину дерева. Как же случилось, что этот олень прыгнул в сеть моего соседа? Нет, олень, конечно, попался в мою ловушку, а этот человек просто украл его и положил в свою сеть!»

С такими мыслями первый охотник вернулся к себе домой и рассказал обо всём жене. Жена с ним согласилась и уговорила охотника подать жалобу в суд. Охотник пошёл к судье и пожаловался на своего соседа.

Судья вызвал второго охотника. Он допросил обоих и наконец произнёс приговор. Судья сказал:

— По закону всякий зверь, попавший в сеть, принадлежит хозяину сети, где бы сеть ни стояла — на вершине дерева или в каком-нибудь другом месте. Обвинение первого охотника, ставившего сеть на земле, несправедливо, поэтому он должен отдать второму охотнику двух оленей.

Но охотник не согласился с таким решением и попросил подождать три дня. Через три дня он обещал доказать свою правоту. Судья дал эту отсрочку, но сказал, что через три дня оба охотника должны явиться к нему ровно в восемь часов утра. Если кто-нибудь опоздает хоть на одну минуту, он будет считать его проигравшим.

И вот первый охотник побежал искать такого защитника, который бы мог распутать всё дело. В то время люди ещё не знали о мудрости зайца, и наш охотник повсюду искал умного человека.

Случилось так, что навстречу ему попался заяц.

— Эхе, повелитель обезьян! — воскликнул заяц. — Куда это ты так спешишь?

Охотник остановился.

— Я ищу защитника, — ответил он. — У меня в суде спор.

— А нельзя ли узнать, в чём причина его?

Охотник рассказал своё дело, рассказал про приговор судьи и пояснил, что, получив только три дня отсрочки, теперь ищет защитника.

— Господин судья приказал нам явиться ровно в восемь часов утра, — сказал охотник. — Три дня я искал знающего и мудрого защитника и до сих пор не нашёл. Поэтому я так и спешу!

— И это всё дело? — спросил заяц. — Не бойся ничего, можешь положиться на меня. Но, если я этот спор выиграю, чем ты меня наградишь?

— Дам тебе деньги.

Заяц так и покатился со смеху.

— Что мне делать с твоими деньгами?! — сказал он. — Я люблю только спелые бананы. Если я помогу тебе выиграть дело и ты получишь своего оленя, я попрошу в награду гроздь самых спелых бананов. Найдутся у тебя такие бананы?

— Найдутся, — ответил охотник. — Ты получишь бананы.

— А если так, приходи ко мне завтра утром.

— Хорошо!

Охотник простился с зайцем, и они расстались.

На другой день утром охотник взял гроздь самых спелых бананов и отнёс их зайцу в лес. Заяц был доволен. Он съел несколько бананов, а остальные припрятал себе на ужин.

Между тем солнце поднималось всё выше. Было уже около восьми часов, и охотник стал торопить зайца:

— Господин заяц, не пора ли нам двинуться в путь? Боюсь, как бы мы не опоздали!

— Подумаешь, важность, опоздаем мы или нет! — отвечал заяц. — Оставь свои страхи! Доверься мне и ни о чём не беспокойся!

Но охотник волновался всё больше и больше. И не зря: только часам к девяти заяц с охотником прибыли в суд.

Судья спросил:

— Что здесь понадобилось этому зайцу?

— Этот бедняк доверил мне своё дело! — ответил заяц. — Я буду его защищать.

— Но ты забыл, — сказал судья охотнику, — что я приказал явиться

в суд к восьми часам! А если кто опоздает хоть на одну минуту, приговор будет вынесен против него. Где же вы были до сих пор?

Заяц тотчас возразил:

— Господин судья, я прошу нас простить! Если мы и опоздали, то этот человек совсем не виноват. Всеми виной один я, поверьте мне! Дело в том, что я отправился в путь на рассвете, но по дороге увидел чудо и долго не мог прийти в себя. С тех пор как я живу на свете, я ещё ни разу не видел такого дива! Даже вы, господин судья... даже вы остановились бы от изумления!

— Какое же чудо могло тебя так удивить? — недоверчиво спросил судья.

И заяц продолжил свой рассказ:

— Уважаемый господин судья! Я торопился в суд, когда вдруг увидел великое множество рыб. Они карабкались по ветвям тамаринда и объедали цветы. Они съели все цветы на дереве! Я просто глазам не верил! Эти рыбы так ловко лазили по ветвям! Я смотрел на них и не мог ни шагу сделать от изумления!

Тогда судья сказал:

— Заяц врёт! В этом нет никакого сомнения! Кто хотя бы один раз в жизни видел, чтобы рыбы лазили на деревья? Никто! И никогда!

Тут заяц принялся хохотать.

— Господин судья! — сказал он. — Я рассказываю вам о рыбах, которые влезли на дерево, чтобы съесть цветы тамаринда, и вы говорите, что я лгу. А наш противник рассказывает вам, что поймал оленя в сеть, расставленную на вершине дерева, и вы верите, что он говорит правду! Господин судья, а разве вы хотя бы раз в жизни видели, чтобы олени карабкались на деревья?

Судья выслушал речь зайца и должен был согласиться с мудростью его слов. Он присудил оленя охотнику, который ставил свою сеть на земле. А охотника, который украл оленя, он заставил отдать соседу двух оленей.

С этого дня люди узнали, как хитёр и умён заяц. И с той поры все его называют Заяц Софэа, что значит: Заяц — Мудрый Защитник.

ОВОРЯЩИЙ БАТАТ

Сказка народа ашанги, Гана

Удивительно, но всё это было, было и случилось. А кто не верит, пусть знает, что было это не где-нибудь, а возле города Аккра, у Гвинейского залива, в той самой деревне, где всё это произошло. Уж куда лучше: точнее не скажешь! Кто не знает Гвинейского залива? Кто не слышал об Аккре? И старый, и малый, курица и та знает, что лучший город на земле — Аккра. Ну, а там чего проще найти деревню, где это произошло! Только спроси, всяк скажет, как к ней пройти. Она ведь совсем рядом.

Так вот, однажды один крестьянин пошёл в своё поле: хотел сладкие клубни батата выкопать, чтобы снести их на базар и продать. Только за мотыгу взялся, а батат вдруг и говорит:

— Здорово, приятель! Вот когда ты заявился. То не полонил меня ни разу, не поливал, а теперь пожалуйста — тут как тут, со своей мотыгой. Поди-ка ты прочь да оставь меня лучше в покое!

Крестьянин так и обомлел.

«Кто бы это мог быть?» — подумал он.

Огляделся — никого. Одна корова стоит да жуёт себе свою жвачку, уставившись на хозяина.

— Ты что-нибудь сказала? — в тревоге спросил крестьянин.

А корова жуёт и помалкивает. Крестьянин только плечами пожал от недоумения.

Тут вдруг заговорила собака.

— И чего не понимать? — сказала она. — При чём тут ко-
рова? Она жуёт и помалкивает, а вот батат, который ты выкопать
хотел, батат и сказал тебе, чтобы ты к нему не прикасался
и оставил его в покое!

Ну, это уж было чересчур. Подумать только, никогда его
собака не разговаривала человеческим голосом. Да, мало того,
ещё так дерзко! Ну разве можно стерпеть, чтобы какая-то со-
бака — и смела спорить со своим хозяином!

Поэтому, не рассуждая долго, он схватил нож и срезал
здоровенную ветку с пальмового дерева, чтобы отстегать собаку.
А в это время пальма говорит:

— А ну, положи-ка немедленно мою ветку!

Испугался крестьянин.

«Нет, — думает, — всё это неспроста».

И только хотел бросить ветку на землю, как она строго
сказала:

— Не бросай меня! Положи бережно!

Испугался крестьянин и осторожно положил ветку на ка-
мень. А камень возьми и крикни:

— Убери-ка с меня ветку, да поживее!

В страхе крестьянин со всех ног бросился с огорода пря-
миком в деревню.

Пока он бежал, повстречался ему на дороге рыбак. Он нёс
на голове свёрнутую рыболовную сеть.

— Куда ты так торопишься? — спросил рыбак запыхавше-
го крестьянина.

— Подумай только, — сказал крестьянин в испуге, — мой ба-
тат сказал: «Оставь меня в покое!» Моя собака сказала: «Не
тронь батат!» Я хотел отстегать её веткой, а пальма говорит:
«Положи немедля мою ветку!» А ветка сказала: «Клади ос-
торожненько!» А камень закричал: «Убери с меня ветку, да
поживее!»

— И только-то! — невозмутимо сказал рыбак. — Чего тут
страшного?

— Ну и что же было дальше? — внезапно спросила рыбо-
ловная сеть. — Убрал он ветку с камня?

— Ай! — вскричал рыбак, швырнул сеть на землю и бро-
сился бежать вместе с крестьянином.

Бежали они, бежали, пока на тропинке не повстречали тка-
ча. Он нёс на голове тук отличной ткани, которую соткал
собственными руками.

— Куда это вы так торопитесь? — спросил ткач.

— «Куда, куда»! — прокричал крестьянин. — Мой батат ска-
зал: «Оставь меня в покое!» Моя собака сказала: «Не прика-

сайся к батату!» Я хотел отстегать её веткой, а пальма говорит: «Положи немедля мою ветку!» А ветка требует: «Клади осторожненько!» А камень кричит: «Убери с меня ветку, да поживее!»

И рыбак, перебивая крестьянина, добавил:

— И ещё моя сеть спросила: «Ну и как, убрал он ветку с камня?»

— Чего ж тут удивительного? — сказал ткач. — Вот уж никогда бы не стал из-за таких пустяков волноваться!

— Это ещё как сказать! — не согласилась с ним ткань. — Если бы с тобой случилось что-либо подобное, ты бы понёсся резвее их обоих!

— Ай! — воскликнул ткач, с перепугу бросил свою ткань на землю и опрометью пустился вместе с крестьянином и рыбаком дальше.

Уж они так неслись, что и оглянуться не успели, как добежали до реки, где возле брода купался какой-то человек.

— Вы что, за дикими козлами охотитесь? — поллюбопытствовал он.

— Ох, нет, — ответил ему крестьянин, еле переводя дух. — Мой батат вдруг заговорил со мной. Он сказал: «Оставь меня в покое!» Моя собака сказала: «Не тронь батат!» Я хотел отстегать её веткой, а пальма говорит: «Положи немедля мою ветку!» А ветка требует: «Клади осторожненько!» А камень кричит: «Убери с меня ветку, да поживее!»

— А моя сеть, — сказал рыбак, — спрашивает: «Ну как, убрал он ветку с камня?»

— А моя ткань, — сказал ткач, — мне заявила: «Ты бы тоже побежал, если бы с тобой случилось такое!»

— И только поэтому вы и бежите сломя голову? — спросил купающийся.

— Посмотрела бы я, как бы ты не побежал, если бы был на их месте! — сказала река.

— Ай! — вскричал купающийся, выскочил из реки и, как был нагишом, пустился бежать вместе с ними.

Ну и помчались же они — быстрее стрелы. Ворвались в деревню и во весь дух — по главной улице.

Прибежали к дому старейшины. Глаза вытаращили. Руками размахивают. Зовут его на помощь, на суд.

Но старейшина был настоящий, важный, медлительный. Он не торопился. Прежде всего, как полагалось, слуга вынес из дома резной стул, сидя на котором старейшина решал все дела, а уж потом он вышел сам.

Уселся старейшина на стул поудобнее и тогда только стал слушать жалобы прибежавших.

— Я вышел в поле копать батат,— в отчаянии начал крестьянин.— А батат говорит: «Оставь меня в покое!» Собака сказала: «Не тронь батат!» Я хотел её отстегать веткой, а пальма говорит: «Положи немедля мою ветку!» А ветка требует: «Положи осторожненько!» Камень кричит: «Убери с меня ветку, да поживее!»

— А моя сеть,— сказал рыбак,— спрашивает: «Ну как, убрал он ветку или нет?»

— А моя ткань попрекает,— сказал ткач.— «Случись, мол, с тобой такое, ты побежал бы ещё резвее!»

— А река насмехается,— сказал купающийся.— «Посмотрела бы я, как бы ты не побежал опрометью!»

Так они стояли и размахивали руками и кричали, перебивая друг друга, и рассказывали о случившемся.

Старейшина их терпеливо выслушал, а потом сказал наставительно:

— Если слушать вас, так это действительно страшная история! Но вот что я вам скажу: пошли бы вы лучше по домам и занялись делом, пока я не приказал дать вам хороших плетей, чтобы выбить дурь из ваших голов!

Бедные жалобщики ушли, а старейшина покачал головой и сказал сам себе:

— И придумают же люди такую чепуху. Подумать только!

— Подумать только! — вдруг сказал под ним его резной стул.— Чтобы батат и стал разговаривать!

Тут уж сам старейшина подскочил как ужаленный, сорвался со своего резного стула и побежал прочь.

ХИТРЫЙ ПАУЧОК И УМНАЯ ЧЕРЕПАХА

Сказка народа ашанти, Гана

Кто не знает Ананси? И хитёр паучок Ананси. Вечно он что-нибудь да придумает и, что бы ни делал,— не беспокойтесь, в убытке не останется. Вот почему никто не хотел с ним дела иметь. Кому нужно, чтобы тебя обдурили, обманули, провели?

О том, что паук был всегда голоден, и всегда готов был есть, и каждый час он был готов жевать, жевать, жевать — только дай ему что-нибудь повкуснее, а то и самую простую еду, он и от неё не откажется,— об этом в стране ашанти было известно каждому. Одним словом, прожорливостью Ананси славился на всю округу. Да и вообще хотел он иметь всего больше, чем ему полагалось. Вот какой был Ананси-паук-паучок.

Жил Ананси на самом краю деревни. Кто ни придёт, его не минует. Всех он видит, никого не пропустит, от кого польза может быть.

Но однажды...

Вот что было однажды. Постучалась к нему в дом странница из чужой страны. Звали её Черепаха. Шла она издалека и давным-давно была в пути. Пока она под солнцем пробиралась, устала очень и проголодалась не на шутку.

Пришлось пауку пригласить Черепаху к себе в дом отдох-

нуть, подкрепиться. До чего ж ему этого не хотелось делать! Да как быть? Не окажи он путешественнице гостеприимства, станет это известно всей округе, и уж тогда его все-все осудят.

Но недаром паучок был тот самый Ананси! Уж он придумает что-нибудь.

Посмотрел Ананси на Черепаху бархатными глазами и сказал вкрадчиво:

— Ах, дорогая! Как я рад, как я счастлив разделить с тобой мой скромный стол! Только знаешь, ведь в нашей стране каждый человек из народа ашанти, будь то бедный или богатый, дважды в день, утром и вечером, умывается горячей водой. Поэтому пойди вот по этой тропинке, и она приведёт тебя прямо к роднику. Вода в нём за день уже, наверное, нагрелась. Твои ножки запылились в пути, ты вымой их, а я тем временем обед приготовлю.

Взяла Черепаха тыквенную чашу и поползла, переваливаясь, вниз по тропинке, к роднику. Там набрала она воды и как могла чисто-начисто вымыла ноги, вытерла травой и отправилась назад к дому.

Но тропинка была неупотанная, и пока Черепаха добралась до дому, её ноги снова запылились.

Между тем паук наготовил всяческой еды, наставил угощение на стол и, будто бы радуясь, суетился вокруг.

— Хорошо, хорошо! — приговаривал он. — Иди, гостья, иди, Черепаха! — повторял он, приглашая её к столу.

Тут взгляд Ананси как бы случайно упал на ноги Черепахи, и паук с укоризной сказал:

— Ну как же так можно! Твои ноги в ужасной пыли! Не думаешь ли ты, что тебе следовало бы помыть их хорошенько, прежде чем садиться за стол?

Посмотрела Черепаха на свои ноги, и ей стало стыдно: действительно они были в пыли. Между тем с самого утра она ничего не ела, а от яств шёл такой аппетитный запах, что у неё слюнки текли. Но — ничего не поделаешь! — повернулась Черепаха и как могла быстро заторопилась к роднику.

Набрала Черепаха воды, снова умылась и поспешила к дому. Как ни торопилась, а немало ей надо было времени, чтобы поспеть вниз к роднику и от родника — на горку! Не зря ведь говорят, что черепахи ходят черепашьим шагом!

Поэтому, когда она вошла в дом, паук уже расположился за столом и уплетал еду, причмокивая и похрустывая.

— Превосходная еда, сестрица, не правда ли? — спросил он. — Скорей садись за стол! — Как бы невзначай Ананси взглянул на ноги Черепахи. — Гм! Гм! — сказал он с неудовольствием. — Ты что ж, так и не собираешься помыть свои ножки?

В растерянности Черепаха опустила глаза и увидела, что (подумать только, она так торопилась, ей так хотелось есть, что и не заметила, как на обратном пути, на той же самой тропинке) снова запыхала ножки.

— Я их мыла! — сказала Черепаха, едва не плача. — Я мыла их дважды, но тропинка такая пыльная.

Ананси даже раздулся от обиды.

— Ты оскорбляешь мой дом! — сказал он сердито, набив полный рот вкусной пищей.

— Нет, нет, — сказала Черепаха, с наслаждением втягивая в себя манящий запах ужина. — Я только хотела тебе объяснить...

— Ну ладно, ладно, — сказал Ананси примирительно. — Поди умойся, и мы продолжим наш ужин.

С тоской оглядела Черепаха еду, которая наполовину уже убавилась, и снова заторопилась к роднику.

А хитрый Ананси тем временем жевал, жевал и причмокивал.

Пришла Черепаха к роднику, зачерпнула воды в тыквенную чашку, ополоснула ноги, протёрла зелёной травкой и...

Нет, не думайте, что она пошла по тропинке! На этот раз Черепаха свернула в сторону и стала пробираться к дому круглым путём, но зато по траве, по зелёной, по чистой.

Пришла Черепаха в дом и увидела: сидит паук Ананси и облизывается.

— Ах, ах, — говорит, — не правда ли, как вкусно было!

Оглядела Черепаха тарелки, а они пустые. Даже запах от еды и тот исчез!

Как ни голодна была Черепаха, но ничего она не сказала в ответ. Только улыбнулась сама себе.

— Ну, мне пора! — сказала Черепаха на прощание. — Ужин был отличный. Я и не знала, до чего в вашей деревне радушно принимают гостей. Если тебе доведётся побывать в моих краях — добро пожаловать ко мне.

И ушла.

Ушла Черепаха и никому не рассказала, как её паук Ананси обманул, как сам всё съел, а ей ни крошки не дал. А паук пошёл по всей деревне хвастать: до чего же он гостью накормил, напоил, что она ела, ела — за целую неделю угощение съесть не могла. И к себе звала, умоляла, только бы пришёл её навестить!

Соседи и говорят Ананси:

— Теперь тебе никак нельзя отказываться, обидишь ты Черепаху!

А сами смеются — знают, как Ананси-паучок угощает!

Делать нечего, пришлось Ананси отправиться в путь, чтобы навестить Черепаху.

Шёл он, шёл. Вдруг смотрит: берег, а на берегу сидит его старая знакомая Черепаха, на солнышке греется.

— А-а, дружище Ананси! — обрадовалась Черепаха. — Вижу, вижу, ко мне идёшь! Вот радость! Вот счастье! У меня как раз скоро обед будет!

— По правде говоря, я совсем не прочь поесть! — сказал Ананси, предвкушая угощение. — Путь был долгий, и проголодаться можно было!

— Вот и отлично, — сказала Черепаха. — У меня ведь проще, чем у тебя, — вода рядом. Ты посиди на берегу, а я спущусь вниз и всё приготовлю.

Сказав так, Черепаха скользнула в воду, где жила, и опустилась на дно. Она принялась стряпать, и, заметьте, не то что на земле, здесь всё она делала быстро, ловко.

Скоро обед поспел. Поднялась Черепаха на поверхность и сказала пауку, который от нетерпения так и сновал, так и бегал взад и вперёд, туда и сюда.

— Всё готово! Давай спустимся вниз и покушаем.

С этими словами Черепаха ушла под воду и поплыла на дно — гостю дорогу показывать.

А паук был так голоден, что не раздумывая прыгнул в воду. Он хотел нырнуть вслед за Черепахой, но куда там: тело его было настолько лёгким, что он так и остался на своих тонких ножках на поверхности. Сколько Ананси ни шлёпал лапками, сколько ни брызгал — всё тщетно: он никак не уходил под воду.

А Черепаха вынырнула и, облизываясь, спросила:

— Неужто ты не проголодался за дорогу? Знай, что закуска получилась отменная. Мой тебе совет — поторопись!

И она опять ушла под воду.

Снова попробовал паучок последовать за ней, но безуспешно. Тогда — о, тогда он не был бы паук Ананси, если бы не нашёл выход из трудного положения! — он быстро набрал камней и — раз-два! — рассовал их по своим карманам. Теперь он стал таким тяжёлым, что еле передвигал ноги: они у него даже подгибались от тяжести. Ананси с трудом сполз в воду и наконец быстро опустился на самое дно. Как раз туда, где сидела Черепаха.

Ну, скажем прямо, она даром времени не теряла. Она уже съела половину обеда. Паук чуть не трясся, вот до чего он хотел есть. Он только было решился наброситься на еду, как вдруг Черепаха сказала ему бархатным голосом:

— Прости меня, дорогой гость, но у нас такой обычай: мы никогда не садимся за стол в верхней одежде. Сними её, пожалуйста, и тогда уж принимайся за дело — ешь вволю! — С этими словами Черепаха набила полный рот и начала жевать, жевать, жевать и причмокивать, и похрустывать!

С тоской оглядел Ананси стол, где еды оставалось всё меньше и меньше.

«Ещё немного, и она всё съест!» — подумал он и, решившись, вылез из своей одежды, в карманах которой лежали тяжёлые камни. И только он освободился от неё, как — вж-ж-ж-ж-ж! — взлетел кверху и очутился на самой поверхности воды.

А Черепаха и вкусный обед остались далеко, на дне.

Вылез паучок Ананси на берег тощий, голодный и поплёлся домой.

Вот так. Недаром в народе говорят, что одно угощение всегда достойно другого.

ВАСТУН **АРАМБА**

Сказка народа фульбе, Гвинея

Жили три приятеля. Звали их всех одинаково — Самба. Только первого звали Самба Бимбири Барамба, второго — Самба Карланкаана, а третьего — Самба Дунгуонооту.

Пошли они на охоту. Забрались в самую чащу, каждый убил свою дюжину слонов, и всё, что добыли на охоте, в тот же день и съели.

Вернулись в деревню, давай хвастаться:

— Самые сильные мы! Никому на свете не победить нас! По двенадцать слонов мы убили и по двенадцать слонов съели!

Громче всех бахвалился Самба Бимбири Барамба:

— Мы самые сильные, а из нас сильнейший — я!

Так они хвастались.

Самба Бимбири Барамба встретил молодую девушку. Её звали Кумба Гвинея, потому что была она гвинейская девушка. Увидел Барамба её красоту, увидел, что она большая, что таких больших среди обыкновенных девушек не бывает никогда, и сказал ей:

— Я тебя люблю!

Кумба Гвинея его тоже полюбила, сразу полюбила.

Вот и поженились.

Пошли они в лес. Жарко было. Кумба говорит:

— Пить хочется.

Нашёл Самба Бимбири Барамба ручей, схватил его, словно канарейку, словно простой кувшинчик за горлышко, и давай наливать воду в одну чашку, в другую.

А когда напилась Кумба вволю, закинул ручеёк за спину и как ни в чём не бывало пошёл дальше.

Идёт и перед женой хвастается:

— Я, Самба Бимбири Барамба,— повелитель леса! Я — повелитель гор! Я — хозяин вод! Никого нет, кто бы больше меня был, сильнее был!

А Кумба Гвинея была умная. Она мужу так сказала:

— Ты силён — хорошо, только хвалиться, что ты самый сильный, стоит ли? Ты говоришь, а ты не знаешь. А чтобы знал, пойдём к моим родителям, своими глазами ты увидишь и убедишься, кто прав.

— Ладно! — сказал Самба Бимбири Барамба.— Давай пошли!

И они отправились в путь.

Вышли — только светать начало, а глубокой ночью увидел Барамба впереди гору.

— Смотри, жена,— сказал Самба Бимбири Барамба.— Я вблизи этих мест давно-давно охотился, этой горы не видал.

— Ты взглядишь хорошо, долго-долго гляди,— сказала Кумба Гвинея.— Не гора это: мой отец на спине лежит, ногу в колене согнул. Вот и гора, что тебе померещилась.

Ещё долго они шли, до рассвета, пока наконец не пришли в ту деревню, где спал отец Кумбы.

Увидел Самба Бимбири Барамба, как огромен его тесть, и стало страшно ему. Заметила это Кумба, поняла, что у мужа одно желание — уйти потихоньку. Сказала:

— Там мои братья с охоты возвращаются. Пошёл бы ты их встретил, добычу помог принести.

Обрадовался сильнейший в мире Самба Бимбири Барамба, что уйти может.

— Хорошо, я пойду им навстречу,— говорит.

Кумба объясняет:

— Старшего брата зовут Гаммади, второго Деело, а самого маленького,— как тебя, Самба! Видишь, как хорошо?

Пошёл Барамба. Первым Гаммади встретил. Идёт парень — пятьсот слонов убил, в одну связку связал, на спину закинул, тащит.

Барамба сам не знает что говорит:

— Давай я тебе помогу донести.

А Гаммади тряхнул плечом:

— Тут и нести-то нечего. Ты лучше вперёд пройди: там средний мой брат, Деело, он послабее, ему поможешь.

Встретил Барамба среднего брата, Деело. Этот четыреста слонов убил, в одну связку связал, на плече несёт.

— Нет уж, мне помощи не надо,— говорит,— ты лучше вперёд пройди: там Самба, наш третий брат, ему помоги. Он маленький.

Пошёл Барамба дальше и видит: идёт навстречу молодой парень, этот всего только триста слонов убил, в одну связку связал, на одном плече несёт.

— Я Самба Бимбири Барамба! А ты Самба, брат Кумбы?

— Я и есть Самба, Самба Гвинейский, самый маленький брат Кумбы! — сказал парень и на Барамбу посмотрел сверху вниз.

— Я пошёл тебя встречать,— сказал Барамба,— помочь тебе ношу донести.

— А тут и нести-то нечего,— сказал Самба Гвинейский и повёл плечом, на котором триста слонов в одной связке лежали.— На вот лучше возьми мою сандалию, ремень у неё порвался, с ноги валится.

И он сбросил сандалию на плечи великому Самбе Бимбири Барамбе, и она накрыла его целиком, так что он выбраться из-под неё не мог, не мог, не мог!

А Самба Гвинейский того и не заметил, пошёл вслед за своими братьями.

Поглядел отец на слонов, которых братья принесли, кричит:

— Как! К нам гость пришёл, муж моей дочери! Из чужих земель пришёл, и это вот всё мясо, что вы мне принесли! Тут и есть-то нечего! Хорошо, если на похлёбку хватит! — Огляделся вокруг.— А где же мой зять? — говорит.

— Повстречался мне,— сказал Гаммади,— да я его навстречу Деело послал.

— И мне повстречался,— сказал Деело,— да я его навстречу Самбе послал.

— А у меня ремень лопнул, я и попросил его сандалию донести.

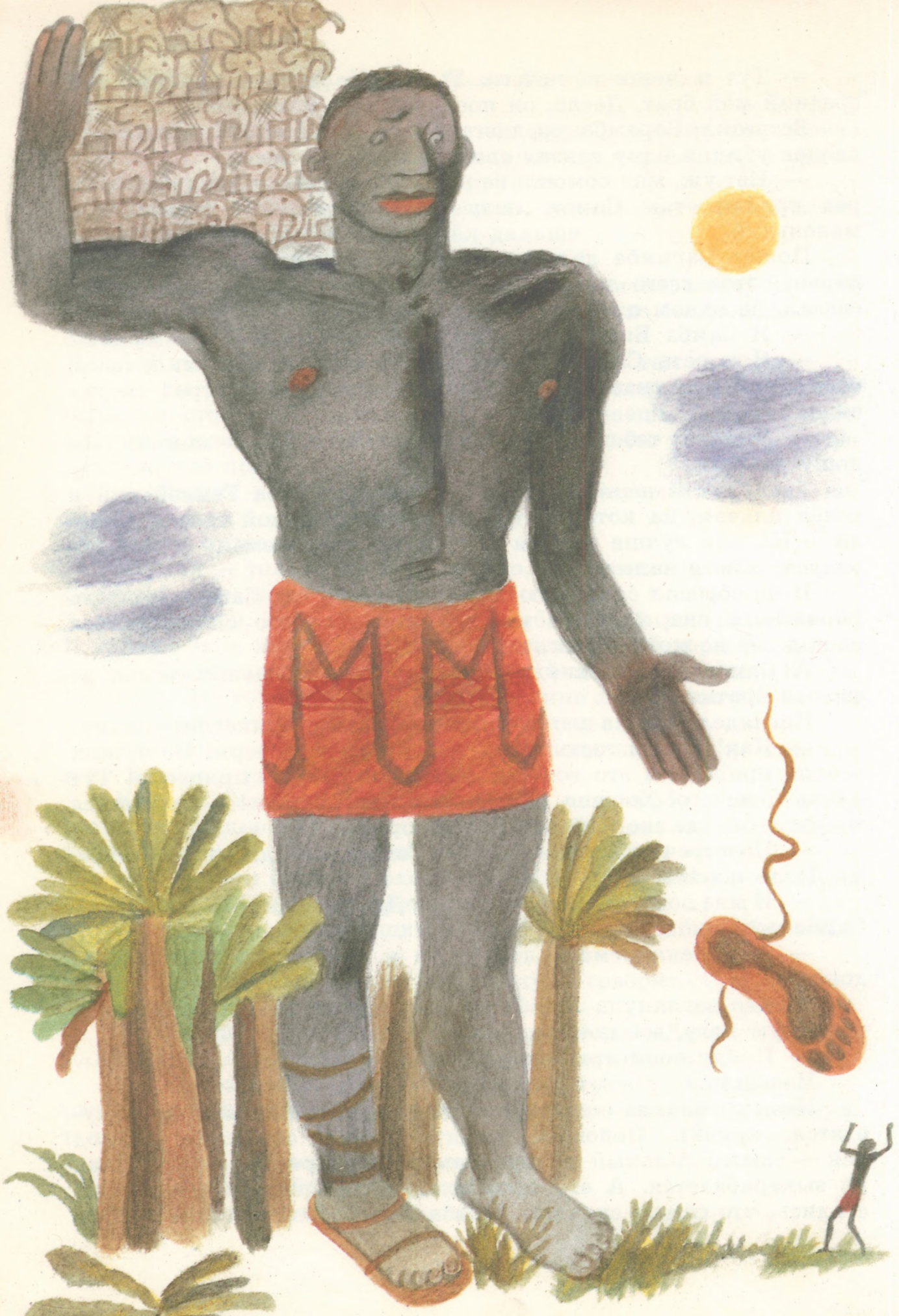
Только взглянула Кумба на ногу своего маленького брата, огромную ногу, всё поняла.

— Пойду посмотрю,— сказала.

И пошла.

Искала, искала — смотрит: два парня на одном месте суетятся, кричат. Подошла, видит: лежит сандалия, а под ней — самый сильный в мире Самба Бимбири Барамба. Никак не выкарабкается. А его приятели, те, что вместе с ним хвастались, что самые сильные, Самба Карланкаана и Самба Дун-

гуонооту, ухватились за сандалию, на месте топчутся, не то что приподнять, сдвинуть её вдвоём не могут.

— Вы что тут делаете? — спросила.

— Охотились близко-близко, увидели Барамбу, никак выручить не можем.

Усмехнулась Кумба, взяла сандалию, за свой передник заткнула, говорит:

— Пошли!

— Ну, пошли! — говорит Самба Бимбири Барамба.

А тех двоих оставим, Самбу Карланкаана и Самбу Дунгуонооту, — не о них ведь рассказ, — пускай охотятся. Мы вместе с Самбой Бимбири Барамбой пойдём. Посмотрим, что было, когда он с женой своей Кумбой в деревню к её отцу вернулся.

А было вот что: сварилась похлёбка. Позвали Самбу, сильнейшего в мире Самбу Бимбири Барамбу, к угощению.

Тыквенный горшок стоит, возле отец Кумбы, её братья сидят. А Самба Бимбири Барамба с этого боку подойдёт — не достанет, с другого — до края не дотянется: высока тыквенная посуда. Велика.

Увидел тесть, пожалел зятя. Поднял, посадил на колено.

Ухватился Самба Бимбири Барамба за ложку, но она перетянула сильнейшего в мире, и он свалился прямо в тыквенный горшок, в похлёбку.

Старший брат Кумбы, Гаммади, его за кусок мяса принял и в рот отправил.

Барамба полетел к нему в желудок.

Второй брат, Деело, спрашивает:

— Где же наш гость Самба Бимбири Барамба? Ведь только что похлёбку мы вместе ели, а его нет!

А в это время Самба Бимбири Барамба в желудке у Гаммади огляделся, видит: вроде в доме он в большом, над головой — крыша, высокая, как во дворце... Расстелил циновку и давай молиться!

Услышал Гаммади голос Барамбы, сказал:

— Эй, ты, чего раскричался! Не хижина это, не дом, а мой желудок. Выходи оттуда, да поживее.

Стал Барамба карабкаться. Лез, лез, до самого верха долез, за зубами, как за высоким частоколом, остановился. Тут во рту у Гаммади защекотало, он чихнул — Самба Бимбири Барамба, сильнейший в мире, стрелой вылетел.

Кумба Гвинейская его водой обмыла, муж всё-таки, стала образумливать.

— А ещё хвастался, что сильнее всех на свете, выше всех на земле! Видишь, — говорит, — как плохо ты говорил. Да и это не всё. Поживёшь — почище увидишь.

У Кумбы, кроме братьев, ещё младшая сестра была. Сира её звали. Ещё красивее, ещё больше Кумбы. Вот какая. Если ей воды пить захочется, так она в понедельник начинала и до следующего понедельника пила, вот такая она большая была: ей напиться — целую неделю в себя воду лить нужно было.

Два парня из другой, чужой деревни пошли свататься. Идут, кричат.

— Я хозяин вод! — один кричит.

— Я хозяин лесов! — другой кричит.

Один реку оседлал: идёт одной ногой по одному берегу, другой ногой по другому берегу, река под ним, как верёвка, извивается. Парень нагнётся, руки в воду запустит, всё, что в горсти попадёт — и рыб, и крокодилов, и бегемотов, — всё заграбастает, потом выпрямится, руки кверху поднимет и прямо в небе, на солнце, словно на костре, добычу жарит.

Поджарит и съест.

Другой парень по джунглям идёт, деревья ему пятки щекочут, вот какой он.

Идёт, руками между деревьями, как по траве, шарит, всё, что сгребёт: и дичь, и леопардов, и слонов, — прямо в руках к небу поднимет, на солнце, как на костре, жарит и ест.

Пришли женихи в деревню, спорить стали, кому Сира, сестра Кумбы, достанется.

Молчит Самба, молчит Деело, молчит Гаммади, и отец их старый молчит. Что скажешь? Парни велики, таких даже и они не видели.

Стали парни спорить, шум подняли. Разбудили старика в другой деревне. Старик-то сидел, поле своё караулил, чтобы птицы посев не поклевали.

Ну, этот старик тоже большой был. Ещё больше. Он со сна-то не разобрался как следует. Это парни кричали, а он думал, птицы или обезьяны в его поле шумят. Взял старик хорошую палку да швырнул её в парней.

Что со старика спрашивать? Старый он, подслеповатый, да и спросонок, ну не попал, промахнулся немного, не в парней угодил, а в край деревни.

Зацепил палкой деревню, взлетела она вся вместе с Барамбой, с Кумбой, Сирой, с тремя её братьями, со стариком отцом, с соседями и теми двумя парнями.

Летит деревня: костры горят, кто ужинает, кто зерно толчёт, кто на охоту собирается, кто сказки рассказывает, а парни те вместе с деревней летят и всё спорят, кому в жёны Сира достанется.

Летела, летела деревня, а там, куда она прилетела, одна молодая мать своё дитя на руках держала, кормить собиралась.

Вот и влетела эта деревня прямо в глаз её дочке.
Заплакала маленькая. Стала пальчиком глаза тереть.
Сказала мать дочке:

— Не плачь, малышка, дай-ка я посмотрю!

А дочка плачет, она ещё совсем-совсем маленькая — говорить не умеет.

Утёрла ей мать глаза, а деревня-то и выпала.

— Ну, вот и всё! — мать сказала. — Ты не плачь, доченька, это соринка была!

И пошла с дочкой.

А деревня опять на земле очутилась, никто и не заметил, что она соринкой в глаз малышке попала.

Парни уже схватились, давай драться. Один от другого отступает, так за горы и убрались. Навсегда.

Тогда-то Кумба и сказала Барамбе.

— Ну, вот и всё! — сказала Кумба. — А вернее, что и это не всё. Мир велик, велик. Кто знает как?

— Давай уйдём отсюда домой, в деревню нашу, — сказал Самба Бимбири Барамба.

Сказал, потому что понял: никто не должен говорить, что нет на земле никого сильнее, чем он сам. Потому что в жизни на всякую силу бóльшая найдётся. Потому что мир велик, велик... Кто знает как?

КАК КРЕСТЬЯНИН СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИСКАЛ

По мотивам немецких сказок

70

Когда-то жил на свете богатый и могущественный граф. Кладовые его замка были полны сокровищ, а сундуки с деньгами стояли в ряд, как солдаты. И все были доверху наполнены одними лишь золотыми монетами. Вот сколько богатства было у этого графа!

Замок его стоял на вершине холма, за высокими стенами, с башнями по углам. Его окружал глубокий ров, наполненный водой.

Свиреп был граф и своенравен.

— Мои кладовые набиты золотом, а мой замок выше всех замков нашего королевства! — говорил граф. — Значит, и я — знатнейший из графов, и всё, чего ни пожелаю, должно тут же исполняться!

Однажды граф объезжал свои владения и увидел в стороне на пригорке хуторок. Весь в зелени стоял маленький крестьянский домик, а возле него — и скотный двор, и сарай, и колодец.

Не торопясь оглядел граф всё кругом: домик, сено, сло-

женное в стог, кур и гусей, которые паслись во дворе, и даже жёлтую весёлую изгородь.

— А хуторок недурён! — сказал граф и подскакал на своём резвом коне к самому дому, где в дверях его встретил хозяин.

— Послушай-ка,— сказал граф,— не продашь ли ты свой хутор? Он мне приглянулся!

— Ах, ваша милость,— ответил крестьянин,— уж не обессудьте, но сделать этого я не могу. Здесь жили мои родители. Здесь жили родители моих родителей, жили прадеды и прапрадеды. Здесь и я хочу провести свою старость, и тут должны жить мои дети и дети моих детей. Скажите сами, как я могу продать вам наш дом?!

— Ах ты, дерзкий мужик! — закричал граф, которому во что бы то ни стало хотелось заполучить этот хуторок.— Да как ты смеешь спорить со мной, со знатнейшим, сиятельным графом! Даю тебе сроку до утра: не исполнишь моего желания — худо тебе будет! — пригрозил граф, заворотил коня и ускакал прочь.

На следующий день, чуть свет, граф снова прискакал к крестьянину и ещё издали прокричал в нетерпении:

— Ну как, деревенщина, одумался? Продашь мне свой дом?

В ответ крестьянин вежливо поклонился и сказал:

— Я ещё вчера ответил, ваша милость: дом этот не продаётся.

— «Не продаётся»! — усмехнулся граф.— Ну, тогда знай, что я получу его даром!..

И, в гневе нахлёстывая коня плетью, во весь опор поскакал к судье.

Знали судьи, что граф богат и знатен. Склонились перед ним до самой земли: мол, не можем в ваши графские глаза своими простыми, несиятельными глазами смотреть!

Но граф на них прикрикнул:

— Не до почестей мне сейчас! — И рассказал всё, как было.

— Это дело пустое! — сказали судьи.— Мы его разом уладим.

Вызвали крестьянина и давай стращать:

— Ты что ж это, дурак, упрямишься? Тебе граф деньги предлагает, а ты отказываешься! Смотри! Пока не поздно, соглашайся.

— Как же я соглашусь,— говорит крестьянин,— когда в этом доме жили мои родители и родители моих родителей, жили и прадеды, и я тут живу и хочу жить до старости, и тут дети мои жить должны и дети их детей. Ну, скажите сами, судьи, учёные люди, как я могу наш дом продать?

— Ну,— сказали судьи,— коли ты, деревенщина, ума ли-

шился и с самим сиятельным графом споришь, придётся тебе с ним судиться! Если граф пожелает, дом у тебя и так заберут, а самого взащей прогонят. Графу всего дороже справедливость, и наказал он нам решить дело по совести. Вот мы и будем твою тяжбу с графом разбирать.

— Какая там тяжба! — сказал крестьянин. — Мне с графом судиться не из-за чего: у него свой дом, у меня свой. Но, коли другого выхода нет, так решайте дело по справедливости.

Принялись судьи судить. День судят, два судят, неделя прошла, а они всё судят. Графу хорошо: он вместо себя верного слугу прислал — тот в суде за него распинается, говорит, рта не закрывает. А крестьянину-то каково? У него хозяйство на руках — землю пахать надо, дров привезти надо, коней ковать надо, за всем сам смотри, своими руками делай. Похудел крестьянин, помрачнел, но не уступает, крепко держится.

Тут ему судьи и говорят:

— Мы тебя столько дней судим, твои дела по справедливости решаем, вот ты и обязан нам за наш суд долгий заплатить сколько положено.

— Как же я вам заплачу? — сказал крестьянин. — У меня денег нет, да и судить-то меня я не просил.

А в это время графский слуга подаёт судьям мешок с деньгами и говорит:

— Это вам за то, что вы столько дней и так справедливо судите.

Ну и присудили хутор «справедливые» судьи графу. А самого крестьянина постановили отправить на все четыре стороны: иди куда хочешь. А не хочешь — всё равно иди.

Тогда крестьянин их попрекнул.

— Эх, судьи, судьи! — сказал он. — Видно, на земле нет больше справедливости, коли вы так дело решили! Но, может, там, на небе, есть судья, который с вас сполна взыщет?

Засмеялись судьи, а самый старый сказал:

— Что ты мелешь, деревенщина! Какая ещё там, на небе, справедливость! Справедливость-то давным-давно умерла!

— Ах, вон как! — сказал крестьянин. — Подумать только, горе-то какое! Была справедливость, и нет её!

— Иди, иди! — сказали судьи. — Да поторапливайся, убирайся из дома, а то у сиятельного графа терпение кончается!

Ничего им не ответил крестьянин. И пошёл прочь. Да только не к дому, а совсем в другую сторону — напрямик в город, где жил король и недалеко от его дворца стояла самая большая церковь в государстве, а возле церкви — маленький домик, всего в одно окошечко.

Вот в это-то окошечко и постучал крестьянин, потому что

в домике жил тот, кто ему был нужнее всех,— звонарь.

— Здравствуй, звонарь! — сказал ему крестьянин и поклонился.

— Здравствуй! — отвечал тот.— Какая радость заставила тебя постучать в моё окно? Может, ты сына женишь или дочь замуж выдаёшь и хочешь, чтобы я весело звонил к свадьбе?

Покачал головой крестьянин и отвечал с грустью:

— Нет, не радость привела меня к тебе, дорогой звонарь, а печаль!

И без утайки рассказал всё, как было.

— Осталось у меня немного денег,— сказал крестьянин,— как раз столько, сколько нужно. Вот возьми их, а взамен сослужи мне службу: ударь-ка во все колокола! Да звони так, будто скончалась самая важная особа в государстве. Звони, звонарь, отходную по справедливости!

Как ударил звонарь в колокола — в большие, в средние, в малые, в самые маленькие!..

Бомм! Бомм! Бом! — загудели колокола, залились, заплакали, застонали на весь город, на всё королевство.

Люди на улицах остановились, а кто был в домах — вон повыскакивали:

— Что случилось? Кто умер? Кого хоронят?

И никто не знал, что случилось, кто умер, кого хоронят.

А звонарь всё звонит, и гудят колокола, стонут, плачут...

Побежали люди по улицам, прямо на площадь.

Звон этот сам король услышал. Спрашивает:

— Кто умер, по ком звонят?

А министры только руками разводят: мол, не знаем, не ведаем.

Приказал король скорохода к церкви послать и спросить, почему звонят.

Побежал скороход. А уж на площади народу видимо-невидимо, по всем улицам валом валит.

Еле пробился к колокольне скороход. Смотрит: навстречу крестьянин идёт.

Закричал скороход:

— Говори скорее, кто умер! Кого хоронят?

— Справедливость умерла! Звонарь по ней отходную вызванивает,— отвечает крестьянин.

Зашумела, загудела толпа — колоколов не слышно стало! Вот до чего дело дошло: народ разгневался и повалил через площадь прямо к дворцу.

Вбежал скороход во дворец, докладывает:

— Справедливость умерла! По ней и звонят! А народ к дворцу идёт!

Испугался король; что делать, не знает.

А народный гнев всё ближе, ближе, ближе!..

Бросились министры окна закрывать, двери запирать.

А главный министр поумнее был и сказал:

— Тут, ваше величество, не запрёшься, не отгородишься. И средство есть только одно, выбрать не приходится.

Пошептал министр королю на ухо свой хитрый план. Надел король мантию и вышел из дворца к народу навстречу.

Никто и слова сказать не успел, а король уж говорит:

— Люди добрые! Ваш старый король обо всём знает! Неверно, что умерла справедливость! Она только спала! И я сам разбуду её! Вот моё королевское слово!

И приказал вернуть крестьянину его хуторок, а надменного графа и подкупленных судей велел повесить.

После этого люди по домам разошлись, крестьянин к себе уехал, а король отправился во дворец царствовать.

Много ли прошло времени, мало ли, только страх у короля прошёл. Да и как того крестьянина по имени звали, никто уже не помнил.

И пошло всё по-старому: король во дворце, граф в замке, судьи в суде, а вот для справедливости у них места не нашлось.

ЫШИВАЛЬЩИЦА ПТИЦ

Греческая сказка

Жил в далёкой-далёкой деревушке бедный юноша. Его звали Манолис. Родители у него умерли, и всё, что осталось ему в наследство,— это старая скрипка. Она-то и утешала в дни невзгод его и таких же бедняков, каким был Манолис. Ведь каждому известно, что бедному человеку жить ой как трудно. А добрая песня, идущая от чистого сердца, для многих была утешением.

Вот и любили Манолиса и его скрипку в округе все, у кого дождливых дней в году больше, чем ясных, холодных ночей больше, чем тёплых, кому горести привычней, чем радость.

Однажды вечером возвращался Манолис из соседней деревни и вдруг услышал в чаще кустарника какой-то шум. Раздвинул Манолис ветви и увидел волчицу-мать, попавшую в капкан. Капкан крепко сжимал своими железными челюстями её лапу.

Пожалел Манолис попавшую в беду волчицу, её маленьких деток, пожалел и выпустил зверя на свободу.

И волчица тут же исчезла, а Манолис пошёл дальше, к своему одинокому дому.

Ночью его разбудил стук. Едва он отодвинул засов, как дверь с шумом распахнулась и в хижину вошёл огромный волк.

— Не бойся меня, Манолис! — сказал волк. — Я пришёл к тебе как друг. Ты спас моих малышей, подарив свободу вол-

чице-матери. И, хотя люди нас считают злодеями, я докажу тебе, что за добро и волк может отплатить добром. Я отведу тебя в никому не ведомое место: там, за тремя дверьми, скрыты несметные богатства и живёт прекрасная, как весенний день, принцесса.

Удивился Манолис словам волка, но спорить не стал. Взял скрипку, с которой никогда не расставался, и пошёл за волком.

Была глухая, тёмная ночь. Дорога предстояла дальняя, а поспеть нужно было до восхода солнца.

— Не отставай, Манолис! Торопись! — то и дело говорил волк, оглядываясь и поджидая юношу.

И глаза волка сверкали, как два горящих угля в ночи!

Так они шли и шли. А когда забрезжил рассвет, увидел Манолис вдали великолепный дворец. Окна его так и светились стёклами из хрусталя, а дверь из чистого серебра сверкала ещё сильнее. Она была выше больших деревьев! Теперь вы представляете себе, каким высоким был сам дворец.

Волк толкнул серебряную дверь, она беззвучно открылась, и они оказались в серебряном зале. Здесь всё: и стены, и пол, и потолок — было из чистого серебра! И только в глубине зала горела, словно солнце, золотая дверь.

И золотая дверь открылась, словно невидимая рука отворила её. И за ней была золотая комната: и стены, и пол, потолок — всё в ней было из чистого золота! И только в глубине сверкала и переливалась мириадами разноцветных огней самая маленькая брильянтовая дверь. Манолис даже зажмурился, чтобы не ослепнуть.

И эта дверь тихо и медленно открылась. И путники увидели сверкающий драгоценными камнями высокий зал. В глубине его, на троне, сидела юная принцесса. Она была прекрасна, как первый день весны.

Манолис от восхищения замер.

Волк приблизился к трону и, поклонившись, сказал:

— Приветствую тебя, принцесса! Видишь, я исполнил твоё желание, привёл к тебе того, кто совершил бескорыстный поступок.

И он поведал принцессе о том, как Манолис отпустил волчицу на свободу.

— Поверь, принцесса, только чистый и добрый сердцем человек мог быть таким! — сказал волк.

— Ты прав! — сказала принцесса. — Манолис — смелый и добрый юноша. Как раз такой человек мне и нужен. Ему я смогу доверить все мои богатства и свой трон!

Тотчас по её приказу двенадцать служанок принесли Манолису шитые золотом и усыпанные драгоценностями одежды.

Дворец украсили гирляндами цветов и разноцветными фонариками. Зазвучала музыка, зазвонили колокольчики.

Принцесса тут же объявила, что выходит замуж за Манолиса.

А он? Он был так восхищён её красотой, что впервые в жизни забыл о своей скрипке. Ещё бы! Ведь принцесса была так богата и так счастлива, что вряд ли кому могло прийти в голову утешать её игрой на скрипке!

Когда Манолиса одели в золотые одежды и повели к принцессе, она, улыбаясь, сказала ему:

— Завтра ты станешь королём. Поэтому уже сегодня тебе следует осмотреть все сокровища, хранящиеся во дворце. Пойдём со мной, я покажу тебе их.

И она взяла его за руку.

Они обошли весь дворец, все залы и комнаты его, все лестницы и закоулки, самые дальние и потаённые уголки. С каждым шагом росло удивление Манолиса — так богат, так прекрасен был дворец. Но вот они очутились возле высокой башни.

Принцесса сказала:

— В этой башне нет ничего ценного, и заходить в неё не стоит...

Но юношу вдруг охватило непонятное волнение. Он почувствовал непреодолимое желание войти в башню.

Сам не зная почему, он сказал:

— Нет, я должен подняться туда! — и показал на самый верх зубчатой башни.

Нехотя уступила ему принцесса, и они стали медленно подниматься по крутой лестнице.

В башне действительно не было ничего примечательного. И не было никаких богатств. В единственной комнатке, находившейся на самом верху, возле окна, сидела девушка за пальцами и вышивала. Манолис взглянул на неё и чуть не отшатнулся — до того она была безобразна. Только большие голубые глаза её светились таким прекрасным светом, что, раз увидев, уже невозможно было их забыть.

— Кто эта девушка? — шёпотом спросил Манолис.

— Это моя бедная родственница, — сказала принцесса. — Я приютила её из жалости. Она поселилась в башне и никуда не выходит, чтобы не встречать людей. Даже завтра, в день нашей свадьбы, она не покинет башню: она может испугать гостей. Ведь она так безобразна!..

Пока принцесса нашёптывала всё это Манолису, девушка, склонившись над пальцами, продолжала, не останавливаясь ни на мгновение, вышивать. Казалось, она ничего не видела и не

слышала. Под её проворными пальцами на шёлке возникала удивительной красоты птица. Но, когда девушка сделала последний стежок, птица вспорхнула и улетела в окно.

Тогда девушка в гóре заломила руки и с отчаянием воскликнула:

— И эта улетела, как другие!.. И так будет всегда!..

Услышав эти слова и видя, как удивлён Манолис, принцесса взяла его за руку и повела вниз, по лестнице.

— Эта несчастная заколдована! — сказала принцесса.— День за днём она терпеливо вышивает, потому что чары спадут с неё тогда, когда она вышьёт сто птиц... А они все с последним стежком улетают! — И, видя, что Манолис поражён услышанным, принцесса добавила: — Но что тебе до всего этого? Лучше вернёмся скорее во дворец и посмотрим, как идут приготовления к свадьбе.

Всю ночь не мог уснуть Манолис. Всю ночь мысль о несчастной девушке не выходила у него из головы. Рано утром, когда принцесса и её слуги спали, юноша незаметно выскользнул из дворца и прокрался в башню.

Тихо открыв дверь в маленькую комнату, Манолис долго стоял и молча смотрел на девушку. Она уже сидела за пяльцами и вышивала.

Смущаясь, Манолис спросил её:

— Ты не устала всё время вышивать?

— О нет! — ответила девушка.— Я готова вышивать сколько угодно. Терпению моему нет конца. Лишь бы птицы не улетали. Но стоит мне сделать последний стежок, как все они оживают и летят прочь!

...Красногрудая птичка, щебетавшая на ветке за окном, была той самой, которую только что вышила девушка. И соловей, так переливчато и нежно распевавший у реки, был вышит ею. И ворон, степенно прохаживавшийся вдоль дорожки, был вышит ею, и ласточки, и все, все птицы были вышиты девушкой. Сады и леса заселились птицами, они летали в поднебесье, пели свои песни, наполняя свистом и трелями всю округу, они были веселы, свободны, и лишь она одна, заколдованная, оставалась пленницей башни.

Поражённый, стоял Манолис, слушая её печальный рассказ. Но что он мог сделать, чем мог помочь несчастной? Ведь колдовские силы были неподвластны ему. И всё же он спрашивал себя: если нельзя ей помочь, то, быть может, найдётся средство, способное облегчить её страдания?

И он вспомнил о скрипке. О той самой скрипке, с которой никогда не расставался и о которой впервые забыл в этом дворце, полном роскоши и сокровищ.

О, как он торопился, как бежал Манолис за своей скрипкой! Не теряя ни минуты, он тут же вернулся с ней в башню.

Манолис поднял смычок и заиграл...

Никогда он так не играл. Никогда так не звучала его скрипка.

Всю свою добрую душу, всю силу смелого, нежного сердца вложил Манолис в песню, которая лилась из-под смычка. Ведь он так хотел помочь бедной девушке, так мечтал облегчить её участь!

И — о чудо! — птицы умолкли за стенами башни. Сначала они прислушались к звукам скрипки, потом подлетели к окну, потом вспорхнули в комнату и... стали садиться на вышивание.

А Манолис всё играл. Заворожённые звуками скрипки, слетались птицы одна за другой и, складывая крылышки, садились именно на те места вышивки, с которых они когда-то улетели.

А Манолис всё играл, играл...

Безобразное лицо заколдованной девушки озарилось каким-то странным светом: ведь при виде вернувшихся птиц в сердце её зажглась надежда.

И в это самое время снизу раздался голос принцессы. Она звала Манолиса. Она звала его потому, что наступило утро и должна была начаться свадьба.

Принцесса звала Манолиса нежно, а он продолжал играть. Она стала звать его тревожно, а он продолжал играть.

Тогда в смятении принцесса побежала к башне. Она звала, она кричала:

— Манолис! Манолис!

Она уже была в гневе, и в голосе её слышалась угроза.

А Манолис продолжал играть. Он слышал принцессу, но он видел, как в нетерпении склонилась над своим вышиванием девушка, как её лицо озаряет надежда.

А птицы всё влетали и влетали в комнату...

Всё скорее, скорее мелькает в руках девушки иголка с цветными нитками. Всё скорее...

Всё громче, всё призывнее поёт в руках Манолиса скрипка.

Но уже слышны шаги на лестнице. Это принцесса бежит по ступеням вверх. Уже её каблучки стучат у самой двери, ещё мгновение — и она ворвётся в комнату. Дверь с шумом распахнулась, последний громкий стон издала скрипка. С яростью вырвала её принцесса из рук юноши — и одновременно в башне раздался другой крик, полный счастья и радости. Это был голос Манолиса. Он увидел, как вдруг изменилась бедная вышивальщица.

Блестя красотой, она поднялась со своего места и протянула принцессе платье. Сто птиц украшали его.

— Возьми это платье! — сказала она принцессе.— По приказу твоего отца-колдуна я вышивала его уже много лет. Разве мог подумать он, человек с чёрным сердцем и чёрной душой, что найдётся юноша, который согласится пренебречь богатством, властью, троном и даже твоей красотой ради бедной уродливой вышивальщицы! Твоему отцу было мало того, что он захватил все мои богатства, ему надо было ещё отнять у меня и красоту и отдать её тебе!

И тут Манолис увидел, что принцесса стала вдруг такой безобразной, какой и вышивальщица не была, потому что глаза принцессы, несмотря на её былую красоту, всегда были злые, как и её душа, исполненная ненависти.

Счастливый юноша взял за руку вышивальщицу, и они спустились в зал, где уже всё было готово к свадьбе.

Вот и отпраздновали свадьбу.

А лучшей песней, украсившей праздник, была песня, которую пропела скрипка Манолиса в утренний час в бедной комнате на самом верху одинокой башни.

СВЭН, НЕ УМЕВШИЙ ЛГАТЬ

Датская сказка

Жил в Дании когда-то крестьянин, и было у него три сына. Два старших уговорили отца завещать им всё имущество. Но перед смертью старик вспомнил всё-таки и младшего сына, Свэна: ведь о нём-то он и не подумал!

Отец призвал к себе Свэна и сказал ему:

— Дорогой мой сыночек Свэн, я тебя немножко обидел: всё, что у меня было, я отдал двум старшим моим сыновьям. А тебе я могу завещать только своё благословение да старые рукавицы.

— Что ж делать, батюшка,— ответил Свэн.— Спасибо и за это. Рукавицы пригодятся мне зимой, а родительское благословение дороже золота!

Вскоре отец умер.

Свэн закинул на плечо лук, к поясу привесил меч, положил в карман флейту, сунул за пазуху старые отцовские рукавицы, попрощался с братьями и ушёл из дому искать счастья.

Едва он вышел из родного селения, как между старшими братьями уже начались ссоры и драки из-за полученного наследства. А Свэн в это время шёл да шёл по городам и долинам, распевая песни.

Началась весна, снег таял, ручьи с шумом бежали с гор,

а между солнечным небом и землёй весело заливались первые жаворонки.

— Пожалуй, и я смогу сыграть на флейте такие трели! — сказал себе Свэн, усаживаясь на камень у ручья.

Он поднёс флейту к губам и заиграл. Тотчас под музыку Свэна затанцевали форели в ручье, а птицы слетались со всех сторон, садились к нему на плечи и на шапку и с удовольствием слушали его игру.

Когда голод давал о себе знать, Свэн стрелял из лука зайцев и жарил их на костре. Попадая в чащу леса, Свэн мечом прорубал себе дорогу и шёл всё дальше.

Вечерами он заглядывал в крестьянские дворы и играл для девушек и парней. Там угощали его яблочным вином — сидром — и пивом и оставляли на ночлег.

Так шёл он и шёл всё к югу, весёлый, бодрый, с песнями и смехом. Каждый, кто встречал Свэна, смотрел ему вслед и говорил с завистью:

— Ну и весельчак этот парень!

И дошёл Свэн до столицы королевства. Тут узнал он, что у короля умер его главный слуга. Всякий, желавший занять его место, мог обращаться в королевский дворец.

Свэн тоже решил попытать счастья и прошёл прямо в тронный зал дворца.

Король восседал на троне усталый: у него побывали уже сотни разных людей, которые хотели занять место главного слуги. Рядом с королём, на узеньком высоком троне, сидела его дочь. У неё на коленях была серебряная корзиночка с вишнями.

Свэн поздоровался с королём.

— Здравствуй! — ответил король. — Зачем пришёл?

— Хочу занять место главного слуги! — сказал Свэн.

— А пригоден ли ты на такую важную должность? — спросил Свэна король, поглаживая бороду.

— Когда попробую, тогда скажу! — ответил Свэн.

Король взглянул на принцессу, а принцесса поглядела на короля и выплюнула на пол вишнёвую косточку.

— Нельзя так делать, — строго сказал Свэн. — На полу будут пятна.

— Не твоё дело, мужик! — сердито возразила принцесса и отвернулась от Свэна, продолжая есть вишни.

— Я вижу, что ты стрелок, — промолвил король. — Но хорошо ли ты стреляешь из лука и всегда ли попадаешь в цель?

— Может быть, на свете есть стрелки и лучше меня, но я берусь из того вон угла сбить стрелой вишнёвую косточку с ладони принцессы.

Король что-то шепнул дочери, и та положила на ладонь вишнёвую косточку.

Свэн отошёл в угол, натянул тетиву; стрела просвистела и сшибла косточку, не поранив руки принцессы.

— Ах! — вздохнула принцесса, покраснев, как вишня.— Я измучилась, дожидаясь стрелы!

Король улыбнулся и спросил:

— Ну-ка, так ли хорошо ты владеешь мечом, как стрелой и луком?

— Один владеет мечом хорошо, а другой ещё лучше!

— Ты удивительный парень! — сказал король.— Все те, которые приходили ко мне, хвастались, что они будто бы всё могут делать, а тебя послушать, так ты ничего не умеешь.

— Что я ничего не умею, этого я не говорил,— ответил Свэн,— но я не умею лгать.

— Ты лжёшь! — воскликнул король.— Всякий сумеет солгать, когда нужда заставит.

— Это ты так думаешь,— ответил Свэн,— а я никогда не солгу, не такой я человек!

В эту минуту Свэн увидел пробежавшую мимо трона чёрную кошку, любимицу принцессы. Он выхватил свой меч и отрубил последний волос на кончике кошачьего хвоста.

— Ах! — воскликнула в ужасе принцесса.— Бедная моя китсонька! Тебя убил злой человек!

И она закрыла глаза, а когда открыла их, то увидела, что её любимая чёрная кошка преспокойно уселась на золочёном стуле, на солнышке, и стала усердно умываться лапкой.

Свэн показал королю волос с кончика кошачьего хвоста, и король воскликнул:

— И с мечом ты мастер управляться! Но я вижу у тебя флейту — видно, ты музыкант хороший?

— Что ж, песенку могу вам сыграть,— скромно ответил Свэн.

Вынул из-за пазухи флейту и заиграл. На его песню со всего королевского сада стали слетаться птицы. Они усаживались на плечи и на голову Свэна и с наслаждением слушали его игру. Кошка принцессы начала жмуриться, качать в такт песне головой и притопывать лапками, как бы собираясь танцевать.

А принцесса замерла, держа в пальцах вишню, которую никак не могла донести до рта.

Когда Свэн окончил песенку, король сказал удивлённо:

— Ну, по игре на флейте ты второй Орфей!

На что Свэн отвечал ему:

— Я не знаю этого человека, государь, я просто играю что мне в голову придёт.

А принцесса сказала задумчиво:

— Когда ты играл, мне казалось, что я вижу солнечную зелёную долину, весёлые танцы форелей в сверкающем ручье и слышу радостные трели жаворонков между небом и землёй.

— Об этом как раз и рассказывала песня! — отозвался Свэн. Принцесса была в таком восторге, что на глазах её показались слёзы.

— Ну, а как ты находишь принцессу? — спросил король. — Она красива, не правда ли?

— Ничего себе! — ответил Свэн. — Но я видел на своём пути девушек и покрасивее!

Тут принцесса вскочила и, опрокинув серебряную корзину с вишнями, стремительно выбежала из зала. А король расхохотался.

— Я оставляю тебя на королевской службе! — сказал он Свэну. — Ночью ты будешь часовым в карауле... А теперь пойдёмте ужинать. Я так проголодался!

Король приказал Свэну следовать за собой. Все вошли в просторную королевскую столовую, золотую, с малахитовыми колоннами. Свэна усадили со слугами, в последнем ряду.

Придворные и слуги с презрением смотрели на его бедную крестьянскую одежду, называли его выскочкой, старались всячески унижить его и быстро опустошали блюда, чтобы Свэну ничего не оставалось.

— Ну, как тебе понравился мой ужин? — спросил Свэна подошедший король.

— Об этом надо спрашивать у тех, кто его ел! — ответил Свэн. — А мне доставались только вылизанные тарелки да пустые кубки.

— Э, так не годится, мой добрый слуга, я это сейчас же исправлю! — произнёс король.

Он сам поднёс Свэну лучшие кушанья на золотом блюде, сам налил превосходного вина в драгоценный кубок.

Все придворные со злобой и завистью смотрели на Свэна.

А тот принялся уплетать за обе щеки вкусные кушанья и запивать их дорогим вином.

Когда король поднялся из-за стола, то приказал Свэну стать часовым на всю ночь возле двери королевской спальни.

— Смотри не засни! — предупредил его король. — Кто уснёт на посту, тот будет казнён без суда!

Король запер большую дверь в сад, положил на стол перед Свэном свою золотую корону и золотую нашейную цепь и удалился в спальню. Вскоре оттуда донёсся его храп.

Свэн решил не садиться, чтобы как-нибудь нечаянно не

заснуть. Он стоял неподвижно, как статуя, не отводя глаз от короны и золотой цепи короля.

Небо всё больше темнело, и уже засверкали звёзды.

И вдруг Свэну так сильно захотелось спать, как никогда ещё в жизни. Ноги у него так и подкашивались. Голова будто налилась свинцом, а веки словно закрывал кто-то железной рукой. И какие-то разноцветные искры запрыгали перед глазами.

Корона на столе превратилась в принцессу, и принцесса говорила ему:

— Засни, мой милый Свэн, тогда я тебя поцелую!

И она обнимала его и целовала, чтобы он крепче заснул.

— Отстань ты от меня! — бормотал Свэн.

Он вздрогнул, выпрямился, но никакой принцессы не было. Ему это пригрезилось.

— Я не должен спать! Я не должен спать! — повторял он самому себе.

И вдруг он свалился и заснул на полу как убитый...

Проснулся Свэн, когда солнце ещё едва поднялось. В первую минуту он не мог сообразить, спал он или не спал.

В ужасе стал оглядываться вокруг.

Всё было по-прежнему. Только со стола исчезли и корона и золотая цепь короля. Дверь в сад была открыта настежь.

Свэн понял, что его ожидает казнь. Пожалуй, он может спастись бегством через дверь в сад. Он раздумывал недолго и

решил остаться на своём посту, чтобы самому рассказать обо всём королю.

— Доброе утро! — сказал, входя, король. — Дай-ка мне корону!

— Короны нет, — ответил Свэн.

— Как — «нет»? Да ты что, шутишь?

— Мне совсем не до шуток, государь!

— Тогда дай мне мою золотую цепь!

— И цепи нет, — с тоской ответил Свэн.

— Этого не может быть! — гневно крикнул король.

— Всё может быть на свете, — отозвался Свэн. — Я заснул, стоя в карауле.

— Но ты же знал, что тебя ждёт за это смерть! — сказал король. — Почему же ты не бежал?

— Если бы я убежал, то как бы вы мне тогда отрубили голову? — спросил Свэн. — А теперь я готов идти на смерть.

В эту минуту вошла принцесса. Она слышала последние слова Свэна и спросила разгневанного отца:

— За что ты хочешь казнить Свэна?

— Он заснул сегодня ночью на посту, и воры украли мою корону и золотую цепь. За это сегодня мы отрубим ему голову!

Услышала это принцесса, горько разрыдалась, упала на колени перед королём и стала просить его:

— Я уверена, что Свэн ни в чём не виноват! Он не мог заснуть на посту, это проделки какого-нибудь злого придворного. Клянусь, что Свэн не виновен!

— Перестань, не клянись, — сказал ей Свэн. — Ты ничего не знаешь, и это будет ложная клятва. Я ведь и вправду заснул ночью на посту и заслужил смерть.

Но тут король сказал:

— А ты честный, славный парень, Свэн! Ах, если б у меня были такие министры, а то они все мошенники и дураки! Теперь я убедился в том, что ты действительно можешь называться «Свэн, не умеющий лгать». Ведь это я сам дал тебе вчера за ужином снотворного питья в кубке, а когда ты заснул, то я взял и корону и золотую цепь и отпер дверь в сад. Но ты не убежал, ты пожелал лучше остаться, как честный солдат, на своём посту и сказать правду, хотя это и грозило тебе смертью!

— Ну, совсем нехорошо так было вам поступать со мной, государь! — ответил Свэн недовольно. — За это вас следует хорошенько наказать!

Король расхохотался:

— Ах, Свэн, Свэн, чем же ты хотел бы меня наказать? Не хочешь ли взять себе в жёны мою единственную дочь? Я ведь вижу, что она полюбила тебя!

— Благодарю, государь! Не могу отказаться от этого предложения, потому что я и сам полюбил принцессу! — сказал Свэн.

— А была бы она тебе так же мила, если бы она была простой нищенкой? — спросил улыбаясь король.

— Почём знать? — почесал в затылке Свэн. — Жениться на дочери короля куда приятней, чем на нищенке.

— Молодец, Свэн! Ты вовсе не умеешь лгать, и я полюбил тебя за это. Ты будешь моим наследником!

На другой день король устроил пир на всё королевство. Свадьба была очень торжественная. День и ночь играла музыка, и королевский дворец был весь в разноцветных огнях. На свадьбу были приглашены сорок тысяч людей.

За праздничным столом принцесса не сводила глаз со своего жениха — такой он был красивый в вышитом золотом платье и в красном бархатном плаще. Над столом, на почётном месте, висели на стене лук, меч и флейта Свэна.

— Я должен был сделать тебе свадебный подарок, дорогая моя, — обратился Свэн к своей невесте, — но мне нечего подарить тебе, кроме вот этих старых рукавиц, которые вместе с благословением достались мне в наследство от отца. Эти рукавицы, наверно, волшебные, если они помогли мне взять тебя в жены. Только тебе придётся заштопать их — видишь, сколько на них дыр!..

ПЯТЬ ХЛЕБОВ

Индийская сказка

Один человек ходил каждый день на базар и покупал пять хлебов.

Как-то встретил он своего друга, тот его и спрашивает:

— Скажи, зачем ты пять хлебов покупаешь?

А он отвечает:

— Один я сам ем, два взаймы даю, двумя долг плачу.

— Не понимаю, — говорит друг. — Объясни мне, чтобы я тебя понял.

— Ну как же: один хлеб я сам ем, два хлеба детям даю, два — отцу с матерью.

89

КУПЕЦ И ПОПУГАЙ

Индийская сказка

Жил-был один купец. Как-то собрался он по торговым делам в далёкие страны; созвал всех своих домочадцев и сказал:

— Я уезжаю. Говорите, что вам привезти в подарок.

Каждый сказал, что желал бы он получить. Купец распрощался со всеми и хотел уже уходить. Но тут сидевший в клетке попугай, которого хозяин всегда кормил и поил из своих рук, подозвал его к себе и сказал:

— У меня тоже есть к тебе просьба!

— Что же это за просьба? — спросил купец. — Если возможно, постараюсь её исполнить.

Тогда попугай сказал:

— В той стране, куда ты едешь торговать, растёт одно большое дерево, на котором живёт множество попугаев. Если ты доберёшься до этого дерева, передашь попугаям мой привет — салам — и привезёшь ответ, то окажешь мне большую услугу! — И попугай объяснил купцу, как найти дерево.

Купец засмеялся и сказал:

— Ладно! Исполню твою просьбу.

После долгого и опасного путешествия купец прибыл в да-

лёкую страну, продал свои товары и накупил всяких заморских диковинок. Закончив дела, он отправился к тому месту, о котором ему говорил попугай. Смотрит — и верно: растёт огромное старое дерево, а на нём множество попугаев. Купец закричал: — Эй, попугаи! Мой попугай шлёт вам салам!

Едва успел он вымолвить эти слова, как один из попугаев свалился с дерева на землю и умер. Купец был поражён.

«Наверно, этот дикий попугай был прежде большим другом моему попугаю, если он умер, едва услышав от него салам», — подумал купец.

Поглядев ещё раз на пёстрых, ярких птиц, купец возвратился в город и стал собираться в дорогу.

Здоровый и невредимый, купец вернулся домой и оделил своих домочадцев подарками. Но он не привёз своему попугаю ответа на его салам и, боясь огорчить его известием о смерти дикого попугая, ничего ему не сказал.

Тогда попугай спросил его:

— Должно быть, ты, хозяин, не передал моего салама?

— Салам-то твой попугаям я передал, но ответа никакого не получил, — ответил купец.

Попугай очень огорчился и попросил:

— Расскажи мне тогда, что ты там видел.

Делать нечего, стал купец рассказывать:

— Пришёл я на то место, о котором ты говорил, увидел попугаев, но едва успел я передать им твой салам, как вдруг один из них замятво упал на землю. Поэтому мне нечего передать тебе!

Едва успел он это сказать, как попугай пошатнулся, свалился с жёрдочки и мёртвый упал на дно клетки.

Купцу было очень жаль попугая, и он подумал: «Зря рассказал я ему о смерти друга!» Затем он взял попугая за лапки и выбросил в окно.

И вдруг попугай вспорхнул и улетел.

Только тогда купец понял, что попугай, упавший с дерева, лишь притворился мёртвым, чтобы научить попугая, сидевшего в клетке, как ему вырваться на свободу.

РИ ЗОЛОТЫЕ СТАТУЭТКИ

Индийская сказка

Говорят, что один раджа послал в подарок султану соседней с ним страны три совершенно одинаковые золотые статуэтки и велел сказать, что они имеют разную цену. Он сделал это, чтобы узнать, насколько мудры подданные султана.

Получив такой странный подарок, султан очень удивился и, обратившись к придворным, повелел найти разницу между статуэтками. Но придворные разницы не нашли.

Вскоре слухи об этом подарке распространились по всему городу: о статуэтках узнал и стар и млад. И вот какой-то бедный юноша, сидевший в тюрьме, попросил передать султану, что он узнает, какое между ними отличие.

Султан повелел доставить юношу во дворец, принести статуэтки и поставить их перед ним. Тот, рассмотрев их со всех сторон, заметил, что у всех трёх в ушах просверлены отверстия. Когда он сунул соломинку в ухо одной статуэтки, кончик соломинки вылез из рта; когда он то же самое проделал со второй статуэткой, то кончик соломинки вышел из другого уха, а у третьей статуэтки вся соломинка ушла в живот.

Тогда юноша сказал:

— Ваше величество! У этих статуэток те же особенности, что и у людей. Первая статуэтка похожа на человека, который, услышав что-нибудь, тотчас всем рассказывает об услышанном. На такого человека нельзя положиться. Поэтому цена этой статуэтки невелика. Вторая схожа с человеком, который слушает слова одним ухом, а из другого они у него вылетают. Это пустой и бесполезный человек. А третья статуэтка похожа на человека, который всё, что услышит, словно проглотит. Поэтому цена её самая высокая.

Выслушал юношу султан и остался очень доволен. Он повелел написать на каждой статуэтке её ценность и отправить радже. А юношу того он выпустил из тюрьмы и возвеличил.

КАЧ ИЗ АХИЛАРОПЬИ

Индийская сказка

В городе Махиларопья, на юге Индии, жил ткач по имени Сагарадатта.

Он умел ткать очень красивые ковры, но делал их слишком медленно — по одному ковру в год — и зарабатывал мало денег.

Однажды, когда Сагарадатта заканчивал ткать самый красивый ковёр, сломался его станок.

Человек он был бедный и потому не стал долго сокрушаться и жаловаться на судьбу, а взял топор и пошёл искать дерево покрепче для своего нового станка.

Много деревьев осмотрел он, пока, наконец, не увидел высокий самшит, росший на самом берегу моря.

— Вот такое дерево мне и надо! — обрадовался ткач.

Но только взмахнул Сагарадатта своим топором, как услышал чей-то голос:

— Пощади это дерево, друг Сагарадатта!

— Кто это со мной разговаривает? — удивился ткач.

— Это я, лесной волшебник. Самшитовое дерево — мой дом. Зачем ты хочешь рубить его?

Сагарадатта очень испугался, но, вспомнив о своём поломанном станке, сказал лесному волшебнику:

— Если я не достану хорошего дерева для нового станка, мне не закончить ковёр и не продать его. И тогда моя семья будет

голодать. Лучше ты уходи в другое место, а я срублю этот самшит.

— Нет, не трогай ты это дерево! Мне здесь так хорошо! Ветер с моря дует прямо сюда, и даже в самый жаркий день мне прохладно. Лучше попроси у меня что хочешь, и я исполню твою просьбу! — предложил лесной волшебник.

Сагарадатта подумал и согласился, но сказал, что сначала пойдёт посоветоваться с женой.

По дороге Сагарадатта встретил знакомого цирюльника.

— Куда спешишь, мой друг? — спросил его цирюльник.

— Ах, не задерживай меня, пожалуйста! Я лесного волшебника покорил. Спешу к жене посоветоваться, что попросить у него.

— О, если так, попроси у него царство! Тогда ты станешь царём, а я твоим советником, и мы вдвоём насладимся всеми радостями этого мира.

— Может быть, ты и прав, — ответил ткач, — но сначала мне всё же надо посоветоваться с женой.

— Что ты, мой друг! Разве можно спрашивать совета у женщины?

— Может быть, ты и прав, но всё же я пойду с ней посоветоваться.

С этими словами Сагарадатта поспешил к себе домой.

— Что нам попросить у лесного волшебника, моя милая? — спросил Сагарадатта у жены. — Мой друг цирюльник говорит: «Попроси царство».

— Как же глуп твой цирюльник! Не слушай его! Разве ты не знаешь, что жизнь царя полна забот? Ведь его окружают лесть и предательство. Нет радости в такой жизни!

— Ты хорошо сказала, жена моя. Но что же мне тогда попросить?

— Что ты любишь больше всего и даже больше меня? Ткать свои узоры на ковре, не так ли?

— Да, да, ты права, моя милая!

— Все хвалят твою работу и с радостью покупают твои ковры. Но больше одного ковра в год ты не можешь вы ткать. Поэтому мы очень бедны. Вот ты и попроси у лесного волшебника такой станок, который делал бы ковров сколько ты захочешь и ткал бы на них самые красивые узоры.

Сагарадатта согласился с женой и пошёл к морю, где был дом лесного волшебника. Но чем дальше шёл Сагарадатта, тем тяжелее становилось у него на сердце.

«Ну что ж, даст мне лесной волшебник чудесный станок, — думал он. — И ткать будет станок, и узор делать, а мне что же останется? Продавать ковры да деньги копить?»

И так ему горько стало, что, придя к лесному волшебнику, Сагаратта сказал:

— Ничего мне от тебя не надо! Если не разрешаешь срубить это дерево, помоги починить мой старый станок.

— Будь по-твоему. Я исполню твою просьбу,— ответил лесной волшебник.

Как только Сагаратта вернулся домой, он сразу же бросился к своему станку. Станок был в полной исправности.

Сагаратта сел ткать и забыл обо всём на свете. Он ткал день и ночь, пока не закончил свой ковёр. Не слышал он, как подходила жена, не видел, как приходил к нему цирюльник.

Закончив работу, Сагаратта долго смотрел на свой новый ковёр, а потом вдруг засмеялся и воскликнул:

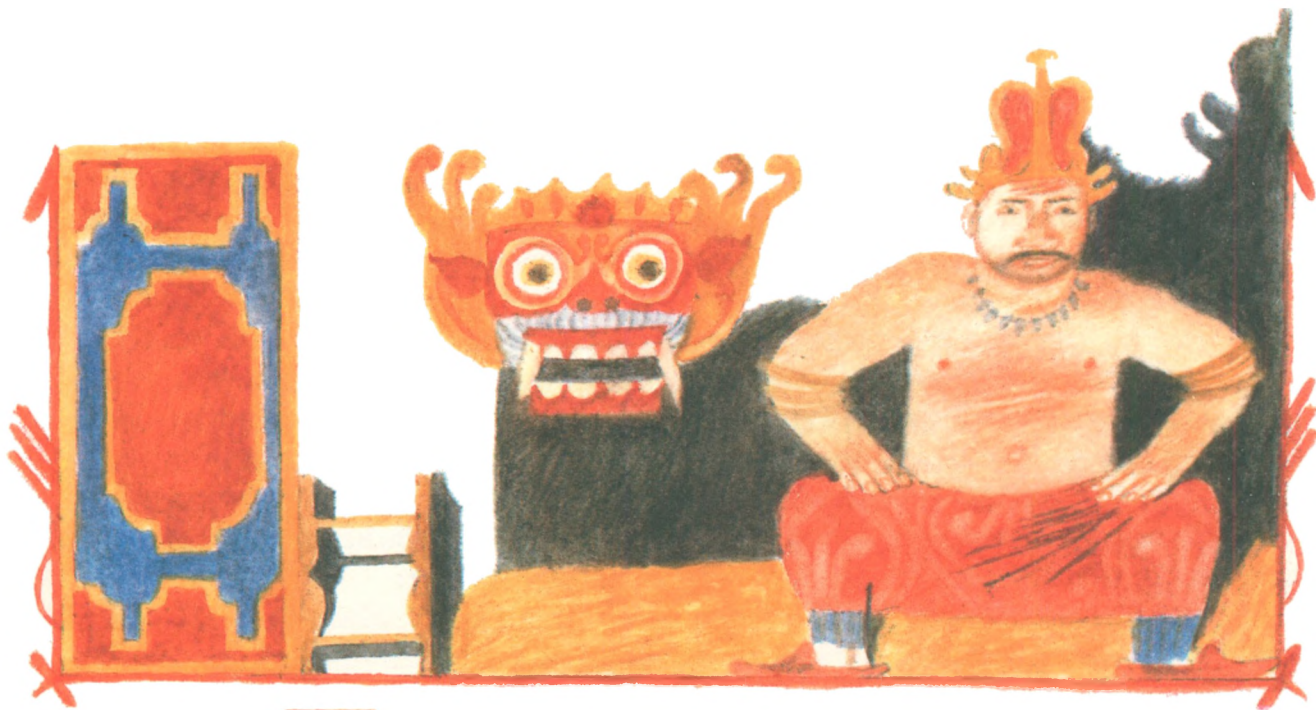
— Кто поймёт, как я теперь счастлив! Я мог бы стать царём — тогда у меня были бы огромные богатства, много покорных рабов и льстецов, но ни одного истинного друга. Лесной волшебник мог сделать меня богачом, но тогда я лишился бы покоя от страха потерять своё богатство. Чьё счастье сравнится с моим, когда я вижу прекрасные узоры моих ковров и слышу, как хвалят мою работу? Недаром народная мудрость говорит:

Трудом лишь может человек
осуществить свои желанья.

И что судьбою звали век —
людские были то деянья!

Много лет прожил ткач Сагаратта. Богатства он так и не нажил. Но он был счастлив, потому что ковры, которые он ткал, были прекраснее золотых монет, которыми ему платили за них, и, любуясь своими коврами, он забывал, что беден. Слава о его искусстве пошла по всей стране, и даже после его смерти долго вспоминали в народе, какие красивые и прочные ковры умел делать ткач из Махиларопьи.

ПАРА ДОМАШНИХ ТУФЕЛЬ

Индонезийская сказка

Жила-была пара стоптанных домашних туфель: туфля-муж и туфля-жена. Если бы вы взглянули на них повнимательней, то сразу заметили бы разницу между ними: туфля с правой ноги была побольше и потолще, чем туфля с левой ноги. Это и понятно: ведь левая туфля была жена, а правая — муж.

Сделаны они были из буйловой кожи и принадлежали радже, который правил страной Сасак, что на острове Ломбок. Раджа очень любил свои туфли и носил их каждый день — с раннего утра и до позднего вечера. А когда ложился спать, то всегда ставил их на полочку — он очень любил чистоту и порядок.

Но стоило радже заснуть, как из-под пола вылезали мыши. Сверкая круглыми чёрными глазками, они обшаривали всю комнату в поисках пищи. Но в спальне раджи поживиться было нечем, и мыши стали поглядывать на туфли. Буйволова кожа пахла до того вкусно, что у бедных мышей текли слюнки!

Обе туфли трусили не на шутку, но, чтобы отпугнуть мышей, принимали свирепый вид и грозно посматривали на них. Мышам и в самом деле становилось не по себе. Однако запах буйволового кожи был настолько привлекателен, что с каждой ночью мыши подкрадывались к туфлям всё ближе и ближе. А туфли тряслись от страха.

И вот однажды ночью мыши подобрались к ним совсем

близко и обнюхали их со всех сторон. На рассвете туфля-муж сказал своей жене:

— Похоже на то, что мыши всерьёз задумали нас съесть. Сейчас-то они забились в свои норки, потому что начало светать, а когда опять стемнеет, они снова вылезут и...

Муж тяжело вздохнул, и жена тоже вздохнула. После недолгого раздумья муж сказал:

— Мыши, конечно, сильнее, чем беззащитные домашние туфли, которые даже не могут спастись бегством. Эх, как было бы хорошо, если бы мы стали мышами! Не попросить ли нам аллаха, чтобы он превратил нас в мышей?

Туфля-жена ответила:

— Я — твоя жена, и мы с тобой всегда вместе. Я пойду за тобой, куда бы ты ни пошёл и кем бы ты ни был — туфлей или мышью; это мне всё равно!

Тогда муж стал просить аллаха, чтобы он разрешил им стать мышами. Аллах не остался глухим к этой просьбе. Они тотчас же превратились в мышей, прыгнули с полочки, где стояли по ночам, и спрятались в мышиной норе.

А когда раджа проснулся и захотел надеть свои любимые туфли, то нигде не мог найти их: они бесследно исчезли. Раджа очень рассердился на своих стражников — они, конечно, заснули и не заметили, как во дворец забрался вор. Те клялись, что ни на секунду не смыкали глаз и не подпускали ни одного человека. Но раджа не поверил. Куда же, в таком случае, могли подеваться туфли?

А туфли, превратившись в мышей, жили теперь под полом. Им было всё-таки немного грустно: больше они уже не могли сопровождать раджу во время его прогулок. Но зато, когда наступила ночь, они были счастливы: ведь теперь они не боялись, что их съедят мыши.

Вместе с другими мышами они бегали по комнатам дворца в поисках пищи.

Но вот как-то раз на них ринулась огромная кошка. К счастью, мужу и жене удалось вовремя юркнуть в норку и избежать верной смерти. Ах, как у них колотилось от страха сердце, когда они услышали жалобный писк мыши, попавшей в кошачьи когти! До чего же страшно быть мышью!

Муж тяжело вздохнул, и жена тоже вздохнула. Муж и говорит:

— Такая большая кошка, конечно, гораздо сильнее, чем мы, бедные мыши. Вот было бы хорошо, если бы мы стали кошками!

Мышь-жена ответила:

— Я — твоя жена, и мы с тобой всегда вместе. Я пойду за

тобой, куда бы ты ни пошёл и кем бы ты ни был — туфлей, мышью или кошкой; мне это всё равно!

И тогда муж стал просить, чтобы аллах превратил его в кота, а жену его — в кошку.

И вот они стали кошками. По ночам они ловили мышей, а днём отсыпались и грелись на солнышке.

Однажды за ними погналась большая, страшная собака. Но они успели вскарабкаться на дерево и, прижавшись к ветке, зафыркали и зашипели. Собака продолжала лаять, а кот и кошка дрожали от страха, уцепившись за ветку. Где уж тут нежиться на солнышке!

Кот глубоко вздохнул, и кошка тоже вздохнула.

— Видно, собака сильнее, чем мы, несчастные кошки, — сказал кот. — До чего же хорошо быть собакой!

Кошка ответила:

— Я — твоя жена, и мы с тобой всегда вместе. Я пойду за тобой, куда бы ты ни пошёл и кем бы ты ни был — туфлей или мышью, котом или псом; мне это всё равно!

И тогда кот снова обратился к аллаху и попросил, чтобы он превратил их в собак.

И вот они стали собаками. Как им было весело! Весь день напролёт они резвились. Хорошо быть собакой!

А в это время во дворе крестьяне толкли рис. Собаки очень любят играть с человеком, вот они и подошли поближе, виляя хвостами. Но не тут-то было! Люди побили их палками. Поджав хвосты, обе собаки с жалобным воем бросились наутёк. Теперь они уже совсем не были рады тому, что стали собаками.

— Человек, видно, гораздо сильнее, чем мы, бедные собаки, — сказал пёс с глубоким вздохом.

Жена его тоже вздохнула.

— Что, если нам попросить аллаха, чтобы он превратил нас в людей? Тогда уже мы никого не будем бояться, — сказал пёс.

— Я — твоя жена, и мы с тобой всегда вместе. Я пойду за тобой, куда бы ты ни пошёл и кем бы ты ни был — туфлей или мышью, котом или псом, или человеком.

И тогда пёс стал просить аллаха, чтобы он превратил их в людей. И они стали крестьянами.

До чего же они были рады! Теперь они могли избить любую собаку палкой, крикнуть брысь любой кошке. Ну, а если в мышеловку попадалась мышь, то они топили её в ведре. А по праздничным дням они разгуливали повсюду в туфлях. Очень приятно быть человеком!

Но хорошей жизни скоро пришёл конец. Сельский староста созвал всех жителей деревни и приказал им прокладывать новую дорогу.

От зари до зари крестьянин трудился теперь, не разгибая спины, под палящими лучами солнца. Его жена таскала тяжёлые камни, а он раскалывал их молотком. От усталости он едва дышал, и пот катился с него градом. Так прошёл первый день, второй день, третий день, четвёртый день — тяжёлой работе не было конца.

Они изнывали от жары и выбивались из сил, а к ним то и дело подъезжал верхом на лошади сельский староста и покрикивал на них и ругал за нерасторопность.

Крестьянин тяжело вздохнул, и жена его тоже вздохнула.

— Хорошо живётся сельскому старосте! — сказал муж. — Знай себе разъезжает на лошади, да и только. Ему небось не приходится гнуть спину в такую жару. А что, если мы попросим аллаха, чтобы он превратил меня в сельского старосту?

— Я — твоя жена, и мы с тобой всегда вместе. Я пойду за тобой, куда бы ты ни пошёл и кем бы ты ни был — туфлей или мышью, котом или псом, крестьянином или сельским старостой, — ответила верная жена.

И тогда муж стал просить аллаха, чтобы он превратил его в сельского старосту, потому что жить так дальше им уже было совсем невмоготу.

И в тот же день крестьянин стал старостой.

Теперь он поживёт в своё удовольствие! К его услугам — быстроногий конь, на котором он может разъезжать с утра до ночи. А когда он возвращается домой, заботливая жена угощает его сладким кофе и вкусными пирогами. Вечером, ложась спать, супруги совсем размечтались: не жизнь теперь пойдёт, а сплошной праздник.

Но не успели они заснуть, как раздался стук в дверь. Вошёл посланник раджи и сказал:

— Всем сельским старостам велено срочно явиться во дворец.

Быстро одевшись, сельский староста оседлал своего коня и всю ночь провёл в пути, чтобы к утру предстать перед раджей. Несколько часов подряд простоял он в тронном зале, почтительно склонившись, выслушивая гневные речи раджи и робко оправдываясь. Он страшно устал, и его охватила тоска. Домой он вернулся поздно ночью, расстроенный и огорчённый.

И так повторялось много раз... Сельский староста тяжело вздыхал, и жена его тоже вздыхала. Сладкий кофе и вкусные пироги их уже не радовали.

— Да, видно, раджа сильнее, чем все сельские старосты, — сказал муж. — Я думаю, мы должны попросить аллаха, чтобы он превратил меня в раджу. Вот тогда мы достигнем вершины блаженства!

А жена его тихо ответила:

— Я — твоя жена, и мы с тобой всегда вместе. И я пойду за тобой, куда бы ты ни пошёл и кем бы ты ни был — туфлей или мышью, котом или псом, крестьянином или сельским старостой, или раджой.

И тогда сельский староста стал просить аллаха, чтобы он превратил его в раджу, потому что жить по-прежнему они уже были не в состоянии.

Муж и жена легли спать, а когда проснулись — смотрят: они уже во дворце. До чего же хорошо живётся радже с его супругой! Едят и пьют самое вкусное, ни в чём себе не отказывают. «Теперь нам никто не помешает!» — думают они.

Да не тут-то было!

На острове Ломбок, кроме этого раджи, были ещё и другие. И когда разразилась война с соседним государством, наш раджа потерпел поражение. Ведь он только кутил и развлекался, а об армии своей нисколько не думал. Вот его солдаты и разбежались врассыпную во время первого же сражения.

И когда вражеское войско окружило со всех сторон его дворец, он понял, что рассчитывать ему не на что. Вот-вот его вместе с женой возьмут в плен, и тогда — в лучшем случае — он станет служить конюхом у своего врага. Но это было бы ужасно!

— Во всём мире нет существа, которое было бы избавлено от чувства страха, — сказал раджа и тяжело вздохнул.

Жена его тоже вздохнула.

— Один только аллах никого не боится, — продолжал раджа. — А не попросить ли нам, чтобы я превратился в аллаха?..

Но не успел он выговорить эти слова, как муж с женой превратились... в стоптанные домашние туфли.

В это мгновение раджа-победитель вошёл во дворец, увидел пару туфель и тотчас же надел их.

— А ведь эти туфли очень похожи на те, что у меня украли! — воскликнул он и начал горделиво прохаживаться по комнате, как и подобает радже, выигравшему войну.

И, разумеется, он даже не услышал, как туфля на его левой ноге говорила, обращаясь к туфле с правой ноги:

— Я — твоя жена, и мы с тобой всегда вместе. И я пойду за тобой, куда бы ты ни пошёл...

ЛИННОШЕЯЯ ТЁТУШКА

Из иранских сказок

Давным-давно жил золотых дел мастер. Жена у него умом не отличалась, а глупостью часто приводила мужа в отчаяние.

Как-то раз отправился мастер на базар, купил там кипу хлопка, принёс домой и сказал жене:

— Спряди-ка нитки.

— Как это делается? Я что-то никак не могу вспомнить! — сказала жена.

Удивился мастер:

— А кто должен об этом помнить, если не ты?

— Да кто знает! — ответила жена и занялась своими делами.

Однажды в жаркий день лёг мастер отдохнуть в прохладный подвал, а жена его забралась в бассейн.

Не успела она доплыть и до середины водоёма, как принялась звать мужа.

Проснулся мастер от крика, выскочил из подвала и спрашивает:

— Что случилось?

А жена отвечает:

— Память ко мне вернулась. Принеси скорей хлопок, я буду прясть.

Рассердился мастер, схватил палку, побил жену и приказал до заката солнца из хлопка натянуть ниток.

Вечером возвратился домой и попросил жену показать пряжу.

— А я выбросила хлопок в канаву к тётушке лягушке. Пусть она прядёт! — отвечала жена.

Тут мастер не выдержал и выгнал лентяйку из дому. Ушла жена далеко за городские ворота, выбрала себе местечко по-

удобнее и уселась отдохнуть. Смотрит по сторонам и видит: идёт кошка.

— Тётушка Мя-Мяу! Тебя, верно, мой муж прислал сюда? Так походи скажи ему: не вернусь я домой.

Только кошка убежала, смотрит женщина: ослица мимо идёт. Она и у неё спрашивает:

— Тётушка Йок-Йок, тебя, верно, мой муж прислал сюда? Так походи скажи ему: не вернусь я домой.

Вдруг видит женщина: идёт прямо к ней верблюдица. Обрадовалась женщина, бросилась навстречу верблюдице и спрашивает:

— Длинношеяя тётушка, тебя, верно, мой муж прислал сюда? Мне так не хочется домой! Но только из уважения к тебе я, так и быть, послушаюсь.

С этими словами женщина уселась на верблюдицу и погнала её к себе домой.

А когда увидела свой дом, ещё издали принялась кричать:

— Посмотри-ка, муженёк! Тётушку Мя-Мяу ты посылал — я не пришла. Тётушку Йок-Йок посылал — тоже не пришла. Вот только Длинношеюю тётушку пришлось послушаться.

Но мастер и сам был рад, что жена вернулась. Он помог ей сойти на землю, а потом подошёл к верблюдице и начал её разглядывать. Тронул мастер груз, чувствует — тяжёлый; заглянул в корзину, а там одни слитки золота. Взял он золото, зарыл в землю, а верблюдицу отвёл в сарай. Вот теперь они счастливо заживут.

Да не так вышло, как думалось!

На другой день явился на базар глашатай и объявил, что пропала шахская верблюдица, нагруженная золотом. И тот, кто найдёт её, получит большую награду.

Тогда подошла к глашатаю жена мастера и начала подробно рассказывать, что верблюдицы шаха она, правда, не видала, но что вчера, когда муж выгнал её из дому, повстречалась ей Длинношеяя тётушка, привезла домой и помирила с мужем.

Глашатай выслушал глупую женщину, посмеялся над ней и пошёл во дворец рассказать шаху обо всём, что сам слышал.

— Длинношеяя тётушка — это и есть моя верблюдица! — догадался шах и велел схватить и привести к нему золотых дел мастера и его жену.

Когда слуги привели их во дворец, шах сказал мастеру:

— Я хотел тебе голову отрубить, но помилую, если ты из того золота, что у тебя спрятано, отольёшь памятник, равного которому нет на свете.

Пришлось мастеру тут же приняться за дело. Дни и ночи он работал. А в награду за тяжкий труд мастер каждый день

отламывал по маленькому кусочку золота и уносил его домой.

И вот наступил день, когда работа была закончена. Шах и визирь явились осматривать памятник. Долго любовался шах искусной работой, а потом спросил визиря:

— Скажи, на этот памятник ушло всё золото, что было у мастера?

— Чтобы ответить на этот вопрос,— сказал визирь,— надо взвесить памятник. Нужны большие весы, а их у нас нет.

Тут шах рассердился и приказал визирю в течение сорока дней узнать, как взвесить памятник. Но сколько визирь ни думал, а придумать ничего не мог. Тогда пустился он на хитрость: послал слугу за женой мастера.

Когда та пришла, визирь сказал:

— Жаль мне тебя! Ты такая красивая, а всего-навсего жена ремесленника. Хочу выдать тебя замуж за моего сына. Но сначала узнай у мастера, как взвесить памятник. Как только увидишь, что муж твой в хорошем настроении, спроси у него об этом.

И вот как-то вечером жена спросила у мужа:

— Ты в хорошем настроении?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — удивился мастер.

— Хочу спросить тебя, как взвесить памятник, который ты построил.

— Очень просто,— сказал мастер.— Сначала надо поставить памятник в лодку, а потом отметить, насколько она погрузилась в воду. Вот тогда памятник надо снять и натаскать в лодку камни, пока вода не дойдёт до отметины. Взвесить камни легко. А они будут весить столько, сколько весит памятник.

На следующий день жена мастера передала визирю всё, что узнала от мужа.

Обрадовался визирь и рассказал шаху, как взвесить памятник.

Шах послал слуг за мастером. А когда тот явился, приказал ему взвесить памятник так, как было сказано. Тут мастер понял, что шах обо всём знает, и вернул ему золото.

Шах приказал отвести мастера в высокую башню и вход туда замуровать, чтобы он умер там от голода и жажды.

Вот сидит мастер в башне и думает, как ему выбраться отсюда. И вдруг слышит — жена кричит, надрывается:

— Иди сюда скорей! На мне женится сын визиря! Если ты согласен, дай развод!

— Ладно,— ответил мастер.— Развод я дам, только ты сделай то, о чём я тебя попрошу.

— А что опять делать нужно? — недовольно спросила жена.

— Найди большого муравья,— сказал мастер,— к ножке его

привяжи нитку и пусти его вверх по стене башни. Когда муравей доберётся до меня, привяжи к концу нитки шнурок. А когда я достану шнурок, привяжи к концу его толстую верёвку. Я подтяну верёвку к себе, а ты другим её концом обвяжи себя вокруг пояса. Я подниму тебя наверх и тут тебе дам развод.

Жена сделала всё, как ей было сказано. А когда она очутилась на верху башни, мастер сказал:

— Теперь ты держи верёвку, а я спущусь вниз и принесу бумажку о разводе.

Но, спустившись на землю, он сейчас же пошёл к своему другу и спрятался в его доме.

На следующий день шах снова пришёл полюбоваться памятник, задумался и сказал:

— Человека погубить никогда не поздно. А такой мастер ещё не раз может нам пригодиться.

И он послал слуг ломать дверь башни и привести к нему мастера.

Слуги взломали дверь и видят: мастера нет, а сидит в башне его жена.

Рассказали об этом шаху. Поразился шах ловкости мастера и велел визирю не более чем в сорок дней найти золотых дел мастера и привести к нему живым.

Все дома обыскал визирь, но найти мастера нигде не мог. Тогда повелел визирь поместить в каждый дом по ягнёнку и объявил, что по царскому указу каждый хозяин обязан кормить ягнёнка так, чтобы в течение двадцати дней он и не похудел и не растолстел. Иначе — голова с плеч долой.

Хозяин дома, где спрятался мастер, трясась от страха, спросил своего друга:

— Разве можно сделать так, чтобы ягнёнок не похудел и не растолстел?

— Ну, это проще простого, — успокоил его мастер. — С утра до вечера корми ягнёнка, и он будет жиреть, а на закате покажи ему волчонка — и он сразу отощает. Делай так каждый день, и ягнёнок каков был, таков и останется.

Хозяин дома все двадцать дней так и делал. А когда настал срок и визирь собрал ягнят, все увидели: только ягнёнок хозяина дома, где спрятался мастер, не прибавил и не убавил в весе.

Тут все догадались, что это мог придумать только хитрый на выдумки мастер, и стража схватила его. Связали ему руки, ноги и приволокли во дворец.

Но шах сказал:

— Прощаю тебя и назначаю визирем. А ты прости свою жену.

КОНАЛЬ, ДОНАЛЬ И ТЭГ

Ирландская сказка

Жили в ирландском королевстве три брата: Кональ, Дональ и Тэг. Жили они дружно, но всё же стали однажды судиться из-за зелёного луга.

Каждый из трёх братьев имел одинаковое право на этот луг, и ни один судья не мог решить, кому же им владеть.

Один судья считался самым умным и был знаменит на всю Ирландию. Братья пришли к нему и стали рассказывать своё дело. Судья, сидя в кресле, терпеливо слушал их. Когда они кончили, судья объявил им, что берёт себе на размышление один день и одну ночь.

Наутро он вызвал братьев в суд.

— Ну, ребята,— сказал судья,— я взвесил все доказательства со всех сторон, раздумывал и так и этак и убедился, что никто из вас не имеет на луг больше прав, чем другой или третий. Первый раз встречаю такой тяжёлый случай. Но для меня нет неразрешимых дел. Сейчас я решу, кому из вас владеть

лугом. Вы все трое по виду порядочные лежебоки, и вот я присужу луг тому, кто ленивей всех.

— Ну, если так, господин судья,— сказал Конопаль,— то луг останется за мной — ведь я самый ленивый!

— А как же ты ленив, Конопаль? — спросил судья.

— А так,— ответил Конопаль,— если я лёг посреди дороги, то пусть мчится на меня целый кавалерийский полк — я скорее дам ему растоптать себя, чем сдвинусь с места!

— Да, ты и вправду отчаянно ленив! Наверно, твои братья Дональ и Тэг с тобой не сравняются в лени,— сказал удивлённый судья.

— Что вы, господин судья! Такого лентяя, как я, едва ли найдёшь на земле! — воскликнул Дональ.

— В самом деле? А как же ты ленив? — любопытно спросил судья.

— Да так, что если бы я сидел у костра, а люди со всей округи накидали бы в тот костёр дров, то скорее мой мозг закипит в костях и вытечет вон, чем я сдвинусь с места! — сказал Дональ.

— Вот это, чёрт побери, лень! — изумился судья.— Ну, Тэг, тебе невозможно перецеголять их в лени.

— Нет ничего проще, господин судья! Я по лени дам им сто очков вперёд,— ответил спокойно Тэг.

— Как так? — спросил судья.

— Да так, что если бы я лежал на спине, раскрыв глаза, а с потолка валилась большущими хлопьями сажа, то я скорее ослепну, чем потружусь прикрыть веки! — сказал Тэг.

— Ах! — сказал судья.— Я в таком же затруднении, как и раньше. Вижу, что вы все трое — отчаяннейшие лентяи. Ну, а кто из вас ленивей, никто в мире не решит. Ну, вот что: я отдам луг старейшему из вас,— решил судья.

— Ну, тогда луг мой! — уверенно сказал Конопаль.

— А сколько же тебе лет? — спросил его судья.

— На двадцать первом году я купил себе три воза шильев, ни одного не сломал за это время и только вчера иступил последнее шило, когда чинил соседу сапоги,— отвечал Конопаль.

— Да, ты очень стар. Твои два брата, наверно, значительно моложе?

— Ну, нет уж, господин судья! — возразил Дональ.— Когда мне было двадцать лет, я купил целый корабль иголок, ни одной не сломал и вчера иступил последнюю на бабкиной одежде.

— Да, глубокие вы оба старики. Наверно, Тэг перед вами совсем молокосос!

— Ну, нет! Я годами не уступлю! — воскликнул Тэг.

— Как? Разве ты старше их? — удивился судья.

— А как же! Девятнадцать лет от роду я купил два корабля бритв и вчера только иступил последнюю, брившись перед судом,— заявил Тэг.

— Ну, такого старца не видел никто с тех пор, как залаяла первая собака на земле! — изумился судья.— Кто из вас старше, никак не могу решить. Так вот что: пожалуй, я отдам луг тому из вас, у кого самая лучшая память.

— А если так, господин судья,— произнёс Кональ,— то пишите луг на меня: я помню те времена, когда человек, наступив кошке на хвост, не имел ещё обыкновения утешать её хорошим пинком ноги.

— Ха-ха, да ты воистину помнишь незапамятные времена! — засмеялся судья.— Пожалуй, луг останется за тобой.

— Поторопились, господин судья,— возразил Дональ.— Я помню времена, когда люди ещё не говорили ни одного дурного слова о своих лучших друзьях.

— Удивительная у тебя память, Дональ, если ты помнишь такую старину!.. Ну, а твоя память, Тэг, наверно, много слабее, чем у твоих братьев? — обратился судья к Тэгу.

— Как бы не так! — вскричал Тэг.— Я помню времена, когда в десятке людей не набиралось и девяти лгунов.

— Ого-го! Да у тебя единственная в мире память! Не знаю, что мне и делать с вами... Так хорошо же: я присужу луг тому, кто из вас самый зоркий,— придумал судья.

— Если всё дело в этом, тогда луг мой! — заявил Ко-
наль.— На вершине вон той горы, что в пятнадцати милях
отсюда, сидит муха: я могу точно сказать, когда она моргает
глазами и когда нет.

— У тебя небывалое зрение, Кональ! Кажется, луг за то-
бой,— задумчиво промолвил судья.

— Не спешите так, господин судья,— сказал Дональ.—
У меня глаза получше: я могу вам сказать, моргает эта муха
от соринки в глазу, от смеха или от слёз.

— Ну, брат, такого зрения я ещё не видывал!.. Жаль тебя,
Тэг: не видать тебе зелёного луга как ушей своих,— сказал
судья.

— Ничего подобного,— возразил Тэг.— Хотите, скажу, здо-
рова эта муха или нет: я могу сосчитать удары её сердца.

— Эге, да вы опять меня поставили в тупик! Вы — самые
удивительные люди на земле, я ещё не встречал таких! Ну, вот
что я придумал: я присужу луг самому ловкому из вас.

— Спасибо, я считаю луг моим,— сказал Кональ.

— Каким образом? — спросил судья.

— А вот каким: напустите в этот проклятый луг тысячу
зайцев, в середину посадите меня и привяжите мою левую ногу
к спине — я всё-таки не дам ни одному зайцу удрать! — заявил
Кональ.

— Пожалуй, луг за тобой!

— Прошу прощения, господин судья, рановато присуждать
ему луг! — возразил Дональ.

— Как, Дональ, неужели ты так же ловок? — изумился
судья.

— Я-то ловок ли? Вы видите вон тот большой сарай? В нём
все двери сняты и крыша сорвана,— показал Дональ.

— Вижу. Ну, и что ж из того?

— А вот что. Набейте его доверху пухом, и в самый бурный,
самый ветреный день я не выпущу из этого сарая ни одной
пушинки. А если какая и вылетит, то я не дам ей отлететь
и на четверть фута — вмиг я её поймаю и положу на место.

— Задал ж ты мне задачу, Дональ! — задумался судья.—
Вот уж кто ловок, так это ты!.. Ну, Тэг, плохи твои дела!

— Да не совсем, господин судья,— спокойно промолвил Тэг.

— Как? Ты ещё намерен с ними соревноваться? — спросил
судья.

— А что ж? Я берусь подковать самого быстрого в мире
коня на полном скаку: буду вгонять по гвоздю в копыто каждый
раз, когда он поднимет ногу! — гордо заявил Тэг.

— Да, это называется ловкость! Вы не люди, а прямо вол-
шебники! Таких, как вы, на свете до сих пор не было, да,

наверно, и не будет после вас. Ну что ж, остаётся ещё одно испытание. Я отдам луг самому сообразительному из вас.

— В таком случае давайте мне луг без лишних слов! — заявил Кональ.

— Это почему же? Чем ты так сообразителен?

— А вот чем. Я могу сшить платье человеку, узнав лишь цвет его волос, и платье будет сидеть на нём как влитое, — сказал Кональ.

— Ну, ребята, я думаю, вопрос решён?

— Ещё не решён, господин судья, — возразил Дональ.

— Да можно ли, Дональ, быть ещё более сообразительным?

— Можно. Я вот берусь сшить платье человеку без всякой мерки, а только услышав, как он кашляет, — ответил Дональ.

— Вот это чудеса! Клянусь, твоя сообразительность выше всякого воображения!.. А ты, бедный мой Тэг, прощайся с лугом.

— Ну нет, я скажу лужку: «Здравствуй!» — воскликнул Тэг.

— Неужели ты сообразительнее, чем эти двое? — спросил судья.

— Да. Я сообразителен настолько, что будь я таким глупым судьёй, то лучше прикинулся бы умником и как-нибудь да решил бы такое простое дело! — ухмыльнулся Тэг.

После долгого раздумья судья сказал:

— Ну, ребята, я это дело рассудил и вот что по правде и по совести постановил: луг должен принадлежать Тэгу!

ПОП И ОСЁЛ

Испанская сказка

Жил-был поп. У него был огород, а в огороде колодец. К колодцу поп привязал осла и заставлял его день и ночь вертеть ворот и качать воду. А чтобы ослу не вздумалось отдыхать, поп привесил к вороту колокольчики. Когда осёл вертел ворот, колокольчики звенели. Как только осёл останавливался, они умолкали. И тогда поп высовывался из окна, кричал на осла и снова заставлял его работать.

Однажды мимо поповского дома шли три парня. Они были очень голодны, но в кармане у них не было ни гроша. Вот они и решили украсть у попа осла.

Но как это сделать незаметно, чтобы и поп не услышал и колокольчики не перестали звенеть?

Думали они, думали и решили так: один останется у колодца и будет вертеть ворот до тех пор, пока его приятели не уйдут далеко. Так и сделали.

Тот, который остался, всю ночь вертел ворот и звенел колокольчиками. Наконец он устал и остановился.

Колокольчики замолкли, и поп тут же высунулся из окна. Он увидел вместо осла какого-то человека, схватил большой нож и побежал к колодцу.

Бедный парень очень испугался, но у него уже заранее был готов ответ.

— Не удивляйся, дорогой хозяин! — обратился он к попу. — Я — твой осёл! Двадцать лет назад злая колдунья превратила меня в осла, и я должен был всю жизнь вертеть ворот колодца. Но мои молитвы не пропали даром: господь снова превратил меня в человека! Отпусти меня, добрый хозяин!

Поп был очень удивлён. Он отпустил парня на все четыре стороны и велел ему каждый день молиться богу, чтобы опять не стать ослом.

На следующий день поп отправился покупать нового осла.

Пришёл поп на базар и сразу увидел, что на продажу вывели его собственного осла. Поп испугался, бросился в сторону и воскликнул:

— С меня хватит! Теперь меня не проведёшь! Пусть тебя купит тот, кто тебя не знает!

ЕДРО-ШУТНИК

Испанская сказка

У одного отца было двое сыновей. Старший был тихого нрава, а младший — весёлый, вечно шутил. Имя его было Педро, а люди звали Педро-шутник.

Однажды отец позвал сыновей и сказал:

— Сынки, придётся одному из вас пойти батрачить. Мы очень бедны.

Так сказал отец и послал старшего сына в услужение к помещику.

Помещик с женой занимали вдвоём целый дом.

В первый же день хозяева заставили парня работать от рассвета до захода солнца.

На завтрак ему дали ломоть хлеба. А помещик с женой ели ветчину, колбасу и всякую всячину. На обед работнику снова дали кусочек хлеба. То же самое он получил и на ужин.

— Карамба! — сказал бедняк. — Этак я умру с голоду. Вместо обеда дают только по кусочку хлеба! Я не выживу!

Несколько дней он терпел, а потом вернулся к отцу.

Отец спросил, как ему жилось. Парень рассказал, как над ним издевался помещик.

Подошёл младший сын, Педро-шутник.

— Дурака ты сваял,— сказал он.— Пустите-ка меня к этому помещику работать — и увидите, посмеют ли меня кормить одним кусочком хлеба!

— Хорошо,— сказал отец,— иди.

Пошёл работать к помещику Педро. И с ним поступили так же, как и со старшим братом. В первый же день отработал он до зари, а на завтрак дали ему кусочек хлеба. Помещик отпер большой ларь и вынул оттуда ветчину, колбасу и другие яства. Педро съел свой хлеб и уселся на ларь. Помещик дал ему сброу и велел починить.

Вот сидит Педро на ларе — работает и молчит. Пришло время обедать. Помещик и говорит:

— Иди сюда, Педро, пообедай — поешь хлеба.

А Педро отвечает:

— Нет, хозяин, никуда я не пойду. Уж я так привык: всегда ем там, где работаю.

И не встал с ларя.

Что тут делать? Думали-думали с женой — не придумали: так и не смогли ничего из ларя достать. И остались без обеда.

Вечером помещик опять обратился к Педро:

— Ну, теперь ты можешь пойти на кухню. Там тебе уже приготовлен хлеб.

— Нет, хозяин,— ответил Педро,— я всегда ем на том месте, где работаю. Так что этот кусок будет за вами.

Хозяева не знали, что делать: Педро сидел на ларе. Достать себе оттуда еду при нём они могли бы, но тогда пришлось бы с батраком поделиться, а вот именно этого им и не хотелось. Они просто умирали с голоду. Наконец помещик нашёлся.

— Ладно, парень,— сказал он Педро,— хватит работать, пора спать. Вот твоя кровать.

— Нет, хозяин,— возразил Педро,— я привык спать там, где ем и работаю.

Улеглись хозяева спать голодные. Не хотели они, чтобы Педро видел, сколько вкусных вещей хранится в ларе. Но голод всё сильнее мучил их. Они лежали и только и думали, как бы достать чего-нибудь из ларя, но так, чтобы Педро об этом не узнал.

Однако Педро крепко спал на ларе, и в течение всей ночи помещику с женой так и не пришлось поесть.

На рассвете хозяева Педро поднялись.

— Послушай,— сказала помещику жена,— я вспомнила, что наверху, на чердаке, у меня в горшке есть немного гороху.

Она принесла горшок с горохом и поставила его варить. Тогда Педро улучил минуту и бросил в горшок горсть золы.

Хозяйка подошла помешать горох, увидела, что в нём полно

золы, и вылила всё на помойку. Она рассказала об этом мужу.

— Ах, до того есть хочется,— сказала помещица,— что я бы сейчас от ломтя хлеба не отказалась!

— Подожди! — сказал помещик.— Сейчас я его выпровожу, тогда и поедим досыта.

— Послушай-ка, Педро,— сказал помещик, обратившись к батраку.— Утро пришло, тебе пора приниматься за работу: надо скотину выгонять.

— Какое утро? — сказал Педро.— Я ещё не ужинал. Значит, и ночи не было. А раз ночи не было, значит, утро не наступило. А раз утро не наступило, значит, можно ещё поспать.

И он лёг на ларь и захрапел.

Поглядел жадный помещик на свою жену, она на него, и оба вздохнули.

— Этот бродяга,— сказала помещица,— привык натошак спать. А нам-то каково?

— Педро! — сказал помещик, растолкав батрака.— Вставай, Педро! Поедим, и начинай работать!

— А вечер? А ужин? — спросил Педро.

— О-о! — простонал помещик, скрипя зубами.— И вечер, и ужин, и завтрак — всё здесь! Только не томи, слезай с ларя!

— Вот это дело! — сказал Педро.— Давно бы так: ветчина на ужин, колбаса к завтраку!

ЕЛЬНИК

Итальянская сказка

Жил-был однажды на свете мельник, и были у него две красивые дочери. Одну звали Рота (колесо), а другую — Трамоджиа (жёрнов).

Люди, приходя на мельницу молоть муку, весело спрашивали мельника:

— Кум, когда дочек замуж выдавать станете?

— А когда найдётся, кто их замуж возьмёт! — отвечал мельник.

— Какое же вы им приданое дадите?

— Да никакого! Роту я подарю, а Трамоджию даром отдам.

— И ловкач же вы, кум!

Каждое утро на восходе солнца мельник брал в руки большую морскую раковину, которая играла, как труба, и принимался дудеть, а потом распевать громким голосом:

Пум-пум-пум...

Приходите, кому надо

Молоть зерно!

Радо солнышко работе

И давно взошло.
Тум-тум-тум...
А кто первый придёт,
Тот подарок найдёт!
Пум-пум-пум...

В одно прекрасное утро пришёл на мельницу дворцовый прислужник и привёл мула, нагруженного зерном. Кончился помол, прислужник стоит дожидается. Спрашивает его мельник:

— Ты чего ждёшь?

— Да король приказал обещанный подарок получить.

— Ладно. Отведи-ка вот эту к нему.

И отправил с прислужником старшую дочь свою Роту. А король ему девушку обратно отослал с таким ответом: король-де такого подарка, который есть-пить просит, не желает.

— И то ладно! — говорит мельник. — Ну, отнеси ему тогда вот эту штуку. — И дал прислужнику бычий рог.

Король обиделся на мельника и намотал себе на ус отомстить ему.

На следующее утро мельник опять на раковине играет и поёт:

Пум-пум-пум...
Приходите, кому надо
Молоть зерно!
Радо солнышко работе
И давно взошло.
Тум-тум-тум...
А кто первый придёт,
Тот подарок найдёт!
Пум-пум-пум...

Опять к нему тот же королевский прислужник пришёл, привёл на этот раз двух мулов, нагруженных зерном. Кончился помол, опять прислужник стоит дожидается. Снова спрашивает его мельник:

— Ты чего ждёшь?

— Да король приказал подарок получить.

— Ладно. Отведи-ка вот эту к нему.

И отправил с прислужником вторую свою дочку, Трамоджию. А король ему девушку обратно отослал с таким ответом: король-де такого подарка, который есть-пить просит, не желает.

— И то ладно! — не унывая, отвечает мельник. — Ну, отнеси ему тогда вот эту вещицу.

И дал прислужнику второй бычий рог.

Пуще прежнего король обиделся, рассердился и приказал мельника арестовать. Привели мельника к королю. Спрашивает его король:

— Ты что, подарив мне бычьи рога, под этим разумеешь?

— Хотел вашему величеству рога изобилия поднести. Ну, а коли они вам не по вкусу, я их назад взять могу.

— Вот и бери! — закричал король.

Отпустил король мельника на свободу; идёт мельник домой, люди по дороге спрашивают его:

— Это чьи же у вас рога, мельник?

— Мои! — отвечал он. — Один из них я подарю, другой даром отдам.

И вернулся к себе на мельницу с рогами под мышкой.

Ходят люди на мельницу муку молотъ, шутят, спрашивают мельника:

— Кум, когда дочек замуж отдавать станете?

— А когда найдётся, кто их замуж возьмёт.

— Сколько же за ними приданого дадите?

— Да вот эти рога, один — Роте, другой — Трамоджии.

— И ловкач же вы, куманёк! Ведь рога-то парами на лбу растут.

— Этакого рога и одного вдосталь хватит! Тем хуже тому, кто не верит в это.

А тем временем король, подумав хорошенько над ответом мельника, раскаялся в том, что отдал ему рога. Посылает к нему своих слуг с приказом:

— Его величество требует себе обратно ваши подарки!

— Никак не могу! Уж я их дочкам в приданое обещал; теперь пусть на одной из них женится, чтобы получить хотя бы один рог.

Пошли слуги с таким ответом к королю, а тот ещё больше призадумался: «А вдруг эти рога и впрямь рога изобилия?»

Снова шлёт на мельницу слуг.

— Его величество, мол, прежде чем жениться, желает знать верно, что ваши рога — рога изобилия.

Отвечает слугам мельник:

— Тем хуже тому, кто в это не верит.

Между нами говоря, дети, королю показалось, что мельник говорит сущую правду, и, хотя у этого короля денег было сколько угодно, ему очень хотелось иметь рога изобилия. Но жениться на мельниковой дочке, вечно обсыпанной мукою, король считал ниже своего достоинства... Думал король об этих рогах днём и ночью, даже во сне их стал видеть! Снится ему, что стóит только сказать рогу: «Рог, дай мне того или этого» — и всё, чего ни пожелаешь, тотчас сыплется из рога. Чудеса, да и только!

«Вот кабы и наяву так-то!» — думал король и не мог отказать от этой мысли. Созвал государственный совет, говорит сановникам:

— Хочу я жениться на мельниковой дочке.

Отвечают ему сановники:

— Ваше величество, король может жениться только на особе королевской крови.

— Когда у меня в руках будет рог изобилия, уж я знаю, как тогда поступить!

Склонили сановники свои седые и лысые головы пред королём, а один из них отправился к мельнику:

— Мельник! Король желает взять в жёны одну из твоих дочерей!

— Ну что ж, Роту я ему подарить могу, Трамоджию даром отдать, а эти рога пойдут им в приданое.

Женился король на старшей дочери мельника, получил за нею в приданое один из рогов. Вечером, в самый день свадьбы, король говорит Роте, жене своей:

— Пойдём, я покажу тебе твою комнату.

И повёл её по лестнице вниз. С каждым поворотом лестница шла всё круче, становилась темнее и, наконец, привела в под-земелье, куда не проникало ни одного луча света. Толкнул король девушку, захлопнул за нею двери и повесил на них многое множество замков.

Рота только крикнуть успела:

— Ваше величество, какое предательство!

А король бегом поднялся в свои апартаменты, запер за собой двери, взял в руки рог и приказал:

— Жемчугу и брильянтов!

И сию же минуту из рога высыпалась целая куча бриль-янтов и жемчуга.

На следующее утро пришёл мельник дочку проведать, а ему говорят:

— Приходи завтра: дочь твоя спит.

Пришёл на другое утро, снова говорят ему:

— Приходи завтра: дочь твоя кушает.

Пришёл мельник в третий раз, говорят:

— Умерла твоя дочь, уж и похоронить её успели. Денёк один довелось ей побыть королевой.

Заплакал бедный мельник и пошёл домой.

А король тем временем решил так:

— Если бы у меня было два таких рога, это было бы много лучше...

И послал к мельнику просить:

— Его величество хочет жениться на второй сестре.

— Ну что ж! — сказал мельник. — Роту я ему подарил, Тра-моджию даром отдам. Второй рог пусть пойдёт ей в приданое!

Женился король на Трамоджии. В тот же вечер, как от-праздновали свадьбу, повёл её по той же лестнице, что и сестру,

столкнул в подземелье и крепко-накрепко запер тяжёлыми замками. Девушка только крикнуть ему успела:

— Ах, ваше величество, какое предательство!

Король снова поднялся наверх, прошёл в свою комнату, взял второй рог в руки и приказал:

— Золота и серебра!

И тотчас из рога высыпалась большая куча того и другого.

Пришёл утром мельник дочь свою проведать, а ему говорят:

— Умерла твоя дочь, уж и похоронить её успели! Одну ночь всего пробыла королевой.

Пошёл бедный мельник домой, горько плачет.

Наутро встал, видит, что помольщиков никого нету, взялся за раковину и снова громко поёт:

Пум-пум-пум...
Приходите, кому надо
Молоть зерно!
Работе солнышко радо
И давно взошло.
Тум-тум-тум...
А кто первый придёт,
Тот подарок найдёт!
Пум-пум-пум...

Снова первым на мельницу явился всё тот же королевский прислужник с зерном для помола. Получил муку, стоит дожидается. Спрашивает его мельник:

— Ты чего же ждёшь?

— Король приказал подарок получить.

— Отнеси ему вот это.

И дал прислужнику старый башмак, весь в заплатах.

Получил король подарок и подумал:

«Должно быть, в этом башмаке что-нибудь хитрое кроется. Попробую сначала второй заполучить».

И только услышал с балкона дворца призыв мельника, на следующее утро послал к нему слугу с зерном, получил к первому башмаку пару и, довольный, заперся в своей комнате, взял с собой и рога и старые башмаки. Захотелось попробовать, что из всего этого выйдет. Начал с рогов, взял их в обе руки, приказывает:

— Жемчугу и брильянтов! Золота и серебра!

Посыпалось и то и другое, да прямо в старые башмаки! Насыпались башмаки полным-полнёненьки и точно помешались: принялись короля пинать да толкать. И что ни пинок — у короля то синяк нальётся, то шишка вскочит.

Отпер король двери, бросился из комнаты вон, а башмаки за ним! Бегает король по всему дворцу, министры кинулись

помогать ему, хотят схватить башмаки, но не тут-то было! Башмаки никому не даются; бегают за ними все сановники, солдаты, прислужники, а они знай себе короля колотят да дубасят. Побежал, спасаясь от них, король вниз по лестнице, поскользнулся и растянулся во весь рост, а башмаки вспрыгнули ему на спину и придавили его к земле.

— Зовите скорее мельника! Зовите мельника! — хрипит король.

Поскакал за мельником солдат на лошади — для скорости. А мельник говорит:

— Никак не могу пойти: колесо у меня на мельнице остановилось, жёрнов не действует... Будь со мною мои дочери, ну тогда я пошёл бы...

А король, лёжа на земле, еле дышит под тяжестью, чувствует — конец его подходит, приказывает:

— Спуститесь поскорее в подземелье, выведите оттуда Роту и Трамоджию. Я их там запер, вот теперь за это несу наказание! Поторопитесь же...

Не кончил ещё король последнее слово, как башмаки со спины у него свалились — один по одну, другой по другую сторону. Поднялся король на ноги, больно ему, стонет:

— Ай!.. Ой!..

А министры поспешно возвращаются.

— Ваше величество, они говорят: «Король нас тут запер, пусть король нас и выведет!»

Неловко было королю обеим сёстрам на глаза показываться, но башмаки снова так угрожающе зашевелились, что он, обеими руками за избитую спину держась, поплёлся, охая, вниз, в подземелье.

В той комнате, где сидела Рота, стены прежде были закопчённые, плесенью покрытые, а теперь оказалось, что и стены, и потолок — всё чисто-начисто мукою выбелено.

— Пожалуйста, ваше величество, — говорит ему Рота, — я давно уже вас поджидаю.

Схватила неожиданно короля за руку и давай с ним по комнате вертеться, точно и впрямь мельничное колесо; у короля только ноги по воздуху летают. Кричит король: «Ай! Ой!» — задыхается. Наконец отпустила его Рота, король вылетел за дверь, а девушка как ни в чём не бывало уселась на полу со словами:

— Теперь пойдите и позовите моего отца.

В той комнате, где сидела Трамоджия, заплесневелые и закопчённые стены, пол и потолок покрылись золотом от зерна. Увидела Трамоджия короля и приглашает:

— Войдите, ваше величество, я давно вас поджидаю.

Но король, наученный горьким опытом, опасается войти

в комнату... Тогда Трамоджиа схватила его за руки и давай трясти и подкидывать его, точно настоящий жёрнов. Заохал король, закричал, но всё напрасно! Наконец Трамоджиа выбросила его вон за дверь, промолвив:

— Пойдите и позовите теперь моего отца.

Неторопливо, вялой, разбитой походкой приплёлся во дворец мельник, спрашивает:

— Что прикажете, ваше величество?

— Убери ты от меня, прошу тебя, и Роту, и Трамоджию, и рога изобилия, и башмаки — словом, всё!

— Ладно. Только если, ваше величество, вы желаете впредь жить мирно и спокойно, то вам придётся кой-что проделать ещё. Я могу сказать вам, что именно.

— А что такое я должен сделать?

— Целый год, один месяц и один день я буду королём, а вы должны стать на этот срок мельником. За это время дочери мои станут настоящими королевами, а уж вашему величеству в наказание придётся остаться с пустыми руками: и без жены, и без приданого.

Что было делать королю? Пришлось покориться — отдал мельнику свою корону, королевскую мантию и скипетр, а сам переделался в мельниково платье и отправился на мельницу.

Побоялись люди молоть муку на королевской мельнице! Напрасно вставал он до зари, брался за раковину, дудел и выкликал:

Пум-пум-пум...
Приходите, кому надо
Молоть зерно!
Работе солнце радо
И взошло давно.
Тум-тум-тум...
А кто первый придёт,
Тот подарок найдёт!
Пум-пум-пум...

Неподвижно застыло в воде мельничное колесо, в жёрнове копошились мучные черви, а король сидел у порога сложа руки, зевал от скуки с утра до вечера, а помольщиков всё нет как нет! Пришлось ему лягушек да раков ловить и есть, чтобы не умереть с голоду.

Пройдёт, бывало, кто-нибудь мимо мельницы, король спрашивает:

— Не скажете ли чего новенького, кум?

— Да вот, пожалуй, новенькое — Рота замуж вышла! — сказали ему однажды.

— Тем лучше, куманёк! — обрадовался король.

А к этому времени прошло уже шесть месяцев из срока, назначенного мельником.

Сидит король на пороге мельницы сложив руки, зевает от скуки, ждёт-пождёт — никто к нему муку молоть не идёт. Чтобы с голоду не умереть, ловит раков да лягушек, тем только и питается. Похудел, бедняга, одна кожа да кости остались.

Пройдёт, бывало, кто-нибудь мимо, король спрашивает: — Не скажете ли мне чего новенького, куманёк?

— Да вот Трамоджиа за португальского короля замуж вышла, — сказали ему в другой раз, спустя ещё шесть месяцев.

— Слава богу! — обрадовался король.

И снова ждёт.

Когда оставалось всего несколько дней до срока, пришёл мельник, одетый в королевские одежды, в сопровождении всей свиты и придворных к настоящему королю на мельницу.

— Что же это, — говорит король-мельник настоящему королю, — колесо мельничное остановилось, жёрнов червями источен, надо всё это починить, а то испытание сызнова начнётся.

Пришлось всё починить.

В последний день срока король-мельник снова пришёл на мельницу в сопровождении всего двора и министров, но бедный настоящий король, целый год, один месяц и день питавшийся только раками да лягушками, лежал при последнем издыхании.

— Поделом мне! — сказал настоящий король, обернувшись к королю-мельнику. — Ну, а уж так как ты теперь значишься королём, так королём и оставайся.

Сказал и умер.

РАТЬЯ Ю

Китайская сказка

Давным-давно жила на берегу моря одна добрая женщина. У неё было пять сыновей, пять братьев Лю: Лю-первый, Лю-второй, Лю-третий, Лю-четвёртый и Лю-пятый. Они были так похожи, что никто не мог отличить их друг от друга. Даже мать иногда путала.

Но у каждого из братьев была своя особенность. Старший брат, Лю-первый, мог выпить целое море, а потом выпустить его обратно. Лю-второй не боялся огня. Лю-третий мог вытягивать свои ноги на любую длину. У Лю-четвёртого тело было крепче самого крепкого железа. А самый младший, Лю-пятый, понимал язык птиц и зверей.

Они жили счастливо и безбедно. Лю-первый ловил рыбу. Лю-второй поддерживал в доме огонь. Лю-третий и Лю-четвёртый работали в поле. А Лю-пятый пас гусей и овец.

Однажды в те места, где жили братья Лю, приехал на охоту богатый и злой правитель области. На опушке леса он увидел: маленький мальчик пасёт стадо. Это был Лю-пятый. Рядом с ним спала красивая горная козочка. Правитель схватил свой лук и прицелился в неё. Испуганный Лю крикнул — козочка одним прыжком скрылась в лесу. Из чащи выглянул олень. Лю закричал ему на оленьем языке: «Спасайся!» — и олень исчез. На поляну выскочили весёлые зайцы. Лю крикнул на заячьем языке — и зайцы ускакали. Все звери попрятались. Правитель ос-

тался в опустевшем лесу, растерянный и озлобленный. А добрый Лю радовался, что успел помочь своим лесным друзьям.

Тогда злой правитель приказал схватить Лю-пятого. Его отвезли в город и бросили в клетку к голодному тигру. Правитель думал, что тигр разорвёт смелого бедняка, но Лю-пятый заговорил с тигром на тигрином языке, и свирепый зверь не тронул его.

Узнав об этом, правитель озлобился ещё больше. Он приказал отрубить Лю-пятому голову. Но тогда в тюрьму пробрался Лю-четвёртый, у которого тело было крепче самого крепкого железа. Он остался в тюрьме вместо своего брата. А Лю-пятый спокойно вышел и отправился домой. Они были так похожи друг на друга, что никто ничего не заметил.

На следующее утро Лю-четвёртого вывели на городскую площадь. Палач хотел отрубить ему голову, но самый тяжёлый и крепкий меч ударился о шею Лю-четвёртого и разлетелся на куски. Тогда правитель пришёл в ярость и приказал сбросить дерзкого бедняка с высокой скалы.

Ночью в тюрьму проник Лю-третий, который мог вытягивать ноги на любую длину, и остался там вместо своего брата. И опять никто ни о чём не догадался.

На заре Лю-третьего отвезли на высокую скалу. Если человека бросали с этой скалы, он разбивался насмерть. Вот палачи столкнули вниз Лю-третьего, а он спокойно вытянул свои чудесные ноги и встал на них как ни в чём не бывало. Вне себя от злости жестокий правитель ускакал в свой дворец и в тот же день приказал сжечь непокорного Лю на костре.

Палачи сложили на площади перед дворцом правителя огромный костёр. Стража с луками и копьями окружила площадь. Толпы народа собрались со всех сторон.

Тем временем Лю-второй, который не боялся огня, пробрался в тюрьму и незаметно подменил Лю-третьего. Едва успел он это сделать, правитель подал знак начинать казнь.

Палачи схватили Лю-второго и бросили его в середину огромного костра. Пламя поднялось выше домов. Лю-второй исчез в чёрном дыму. Народ заплакал от жалости. А жестокий правитель злобно смеялся.

Но скоро дым рассеялся, и все увидели: посреди огня стоит Лю-второй и улыбается как ни в чём не бывало. Правитель чуть не задохнулся от ярости.

— Что это за человек? — закричал он. — В огне не горит, о скалы не разбивается, меч его не берёт, и даже свирепый тигр его не трогает! Так нет же, быть того не может, чтобы я, могущественный правитель, не справился с простым крестьянином!

И жестокий правитель решил отвезти Лю далеко в море, привязать ему на шею тяжёлый камень и утопить.

«Может быть, он не боится и воды? — подумал правитель. — Всё равно камень не даст ему всплыть. Пусть остаётся на дне морском!» И вечером того же дня он приказал совершить казнь.

С большим трудом пробрался в тюрьму Лю-первый, который мог выпить всё море. Он занял место своего брата и стал ждать.

Вечером его отвели на корабль. Правитель со своей свитой поместился на другом корабле. Корабли уплыли далеко в море. На самом глубоком месте Лю-первому привязали на шею огромный камень и по знаку жестокого правителя бросили в морские волны.

Как только Лю-первый скрылся под водой, он сейчас же начал пить море. Правитель увидел: море исчезает куда-то — и пожелтел от страха. Вскоре морское дно обнажилось. Корабли опрокинулись. Правитель и его свита увязли в морском иле.

Тем временем Лю-первый отвязал камень и спокойно вышел на берег. Тогда он выпустил море обратно. Жестокий правитель и его свита так и остались на дне.

А народ радовался гибели злобного правителя и прославлял непобедимых братьев Лю.

МА ЛЯН И ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ

Китайская сказка

Рассказывают, что давным-давно жил мальчик по имени Ма Лян. Отец и мать у него умерли рано. Он собирал хворост, рвал траву — этим и жил. Мальчик с детства хотел научиться рисовать, но был так беден, что не мог купить даже кисть.

Однажды, проходя мимо дверей школы, Ма Лян увидел, как учитель рисует что-то интересное. Мальчик вошёл и сказал учителю:

— Я очень хочу научиться рисовать. Не могли бы вы одолжить мне кисточку?

Учитель в ответ закричал со злостью:

— Ты, оборвыш, хочешь научиться рисовать? И не мечтай! И выгнал его за ворота.

«Как же так? — подумал Ма Лян.— Бедный мальчик не имеет права учиться рисовать?»

Но Ма Лян был настойчив. Каждый день, собирая в горах хворост, он веточкой рисовал на песке летящих птиц; на берегу реки, где рвал траву, обмакнув палец в воду, рисовал на скале плывущих рыб; вернувшись в пещеру, где жил, рисовал на стенах утварь и посуду — все четыре стены пещеры были сплошь покрыты рисунками.

Так год за годом, не пропуская ни одного дня, Ма Лян

учился рисовать и делал очень большие успехи: птицы, нарисованные им, казалось, вот-вот запоют, рыбы вот-вот поплывут...

Однажды вечером Ма Лян лёг на циновку и сейчас же заснул: он целый день работал и очень устал. И вдруг перед ним предстал седобородый старик, протянул кисть и сказал:

— Это волшебная кисть, рисуй ею.

Ма Лян взглянул на кисть — она сияла золотым светом. Мальчик обрадовался: «Какая хорошая кисть!» Он вскочил и сказал:

— Спасибо тебе, дедушка...

Не успел он договорить, как седобородый старик исчез. Ма Лян так удивился, что даже проснулся. Да, это был сон. Но и не совсем сон: в руках у него была волшебная кисть!

Этой кистью Ма Лян нарисовал птицу — она сразу же взмахнула крыльями, поднялась в небо и запела песню. Нарисовал рыбку — она вильнула хвостом, нырнула в воду и стала плескаться и играть. Уж как мальчик радовался!

Теперь Ма Лян каждый день рисовал для бедняков: у кого не было плуга, для тех рисовал плуг; у кого не было мотыги, для тех — мотыгу; у кого не было светильника, для тех — светильник; у кого не было ведра, для тех — ведро...

«Нет такого плетня, который не продувался бы ветром», — говорят в народе. Весть о волшебной кисти Ма Ляна дошла до ушей местного богача. Он приказал своим прислужникам схватить и привести мальчика.

Ма Лян обладал твёрдым характером и знал, что у богатых жестокие сердца. Как богач ни запугивал, ни уговаривал, он отказался рисовать. Тогда богач запер Ма Ляна в конюшню и велел не давать ему еды.

Прошло три дня. Повалил густой снег и покрыл землю толстым слоем. Богач подумал: если Ма Лян не умер от голода, то, наверно, замёрз. Пошёл посмотреть. Сквозь щели конюшни пробивался красный свет и доносился вкусный запах. Заглянул богач в щёлку и увидел, что Ма Лян топит печь и ест жареные лепёшки. Богач удивился: откуда взялись в конюшне печь и лепёшки?

«Не иначе как мальчик нарисовал их волшебной кистью», — подумал он.

В сильном гневе он призвал своих слуг, велел им убить Ма Ляна и завладеть волшебной кистью.

Десять свирепых слуг ворвались в конюшню, но мальчика там не оказалось. У восточной стены они увидели лестницу и Ма Ляна, который взбирался по ней всё выше и выше. Богач бросился по лестнице вслед за ним, но не успел сделать и трёх

шагов, как рухнул вниз. Поднялся с земли, а лестница уже исчезла.

Мальчик знал, что в деревне не спрячешься — только доставишь людям хлопот; лучше всего укрыться в другом месте. Он помахал в сторону своей деревни рукой и с печалью сказал: — До свидания, дорогие друзья.

Потом нарисовал волшебной кистью коня, вскочил на него и поскакал вперёд.

Проскакав немного, он услышал топот копыт, обернулся и в красном свете факелов увидел богача на быстром коне, со стальным мечом в руке и человек десять — двенадцать слуг.

Ма Лян не торопясь нарисовал лук и стрелу. Как только

стрела коснулась тетивы, раздался свист — и богач упал с коня. Ма Лян ударил своего скакуна хлыстом, и тот, словно на крыльях, помчался вперёд.

Несколько дней и ночей напролёт скакал Ма Лян и очутился в небольшом городке. Ма Лян решил остаться здесь. Делать ему было нечего, и он рисовал картинки и продавал их на улицах. Он боялся, как бы его не узнали, и, чтобы картинки не оживали, рисовал животных или без рта, или со сросшимися ногами.

Однажды нарисовал аиста без глаз и нечаянно капнул тушью на голову птицы. Аист моргнул глазом, захлопал крыльями и улетел. Это всполошило весь городок. Завистники донесли императору, император послал чиновников, чтобы они привезли мальчика в столицу. Ма Лян не хотел ехать, но чиновникам всё-таки удалось его увезти.

Ма Лян слышал много историй о том, как император обманывает бедных людей, и эти рассказы запали ему в душу. Разве можно рисовать для такого человека!

Император велел ему нарисовать дракона — он нарисовал жабу; велел нарисовать феникса — нарисовал ощипанную курицу. Жаба и курица вышли страшные и грязные. Они запрыгали вокруг императора, распространяя ужасное зловоние. Скоро во дворце стало нечем дышать. Император разгневался, приказал стражникам отнять у Ма Ляна волшебную кисть, а его самого бросить в тюрьму.

Овладев волшебной кистью, император стал сам рисовать ею. Прежде всего он нарисовал золотую гору. Нарисовав одну золотую гору, жадный император стал рисовать множество золотых гор. Но разве это золотые горы? Это просто кучи больших камней. Один из них, сорвавшись с самого верха, упал императору прямо на ногу.

Император был очень жадный. «Раз не получают золотые горы,— подумал он,— буду рисовать золотые кирпичи!»

Нарисовал маленький кирпич, потом — побольше, и наконец — длинный-длинный. А тот вдруг превратился в длинно-длинного удава, который, раскрыв пасть, бросился на императора. И, если бы император не отпустил Ма Ляна и не отдал ему волшебную кисть, удав проглотил бы императора.

«Чем рисовать горы, где водятся дикие звери, лучше уж рисовать воду»,— решил император и приказал Ма Ляну нарисовать море.

Ма Лян усмехнулся и с охотой принялся за дело. Он взмахнул кистью — и перед императором появилось безбрежное прозрачное море. Голубая вода сверкала, как зеркало. Император спросил:

— А почему в море нет рыб?

Ма Лян поставил волшебной кистью несколько точек, и в море появилось множество рыб. Виляя хвостами, играя, они медленно уплыли в глубины моря.

Император ещё больше обрадовался и торопливо сказал Ма Ляну.

— Скорее рисуй корабль! Я хочу выехать в море.

Ма Лян нарисовал большой деревянный корабль, и император вместе со своими жёнами, сыновьями, дочерьми и множеством чиновников взошёл на него. Ма Лян несколькими взмахами кисти нарисовал ветерок, по морю пошли волны, и корабль поплыл.

Император стоял на носу корабля и, видя, что корабль плывёт медленно, закричал:

— Больше ветра! Больше ветра!

Ма Лян сделал несколько резких мазков кистью — подул ветер, море взволновалось, паруса надулись, и корабль понёсся в открытое море.

Ма Лян взмахнул кистью ещё несколько раз — ветер стал сильнее, море забурлило, заходили волны, корабль накренился.

— Хватит ветра, хватит ветра! — закричал император во всё горло.

Не слушая его, Ма Лян добавил ещё ветра — и волны захлестнули корабль, стали окатывать императора с головы до ног. Император ухватился за мачту, кричал и махал рукой Ма Ляну.

Ма Лян притворился, что не слышит его, и продолжал рисовать. Ветер стал ещё сильнее, появились тучи и закрыли небо и землю; разбушевались волны; они вставали, как стены, и обрушивались на корабль. Корабль перевернулся, рассыпался на куски; император и все чиновники пошли ко дну.

С тех пор как утонул император, из уст в уста стала передаваться сказка о волшебной кисти Ма Ляна. Но куда подевался Ма Лян, никто не знает.

Некоторые говорят, что он вернулся в свою деревню и живёт вместе с крестьянами.

ЧЕЙ ПОДАРОК ЛУЧШЕ

Корейская сказка

У самого Восточного моря, в Долине роз, возле города Вонсана, жила очень красивая и умная девушка. Звали её Ан Ран Дю. Полюбили её трое юношей, трое друзей.

Ан Ран Дю долго думала, за кого же выходить ей замуж. Пошла она к старому мудрецу. Тот дал ей три золотые монеты и велел отдать их юношам. Пусть они купят ей подарки, и чей подарок будет лучше, тот и будет её избранником.

Ан Ран Дю возвратилась домой, позвала юношей, вручила каждому по золотой монете и сказала:

— Купите свадебные подарки. Чей будет лучше, за того я выйду замуж. Ждать буду год. Возвратиться вы должны все вместе, в один день.

Ушли они все трое далеко — за Великую Китайскую стену, за монгольские пустыни и степи.

Один купил чудесное зеркало. Если пожелаешь кого увидеть, посмотришь в зеркало — и в тот же миг увидишь кого хочешь и узнаешь, что он делает.

«Всегда буду видеть Ан Ран Дю, а потом и она будет всегда видеть меня, где бы я ни находился», — думал юноша.

Другой юноша купил волшебного верблюда. Стоило только сесть на этого верблюда — сразу очутишься там, где пожелаешь. Юноша решил, что лучшего подарка и не надо: ведь стоит только пожелать — будешь около красавицы Ан Ран Дю.

А третий юноша купил волшебное яблоко. Если заболеешь, съешь это яблоко — и сразу будешь здоров.

«Вдруг заболевет Ан Ран Дю,— думал он.— Тогда и пригодится мой подарок».

Собрались все юноши в условленном месте, рассказали друг другу о своих подарках. А как раз исполнился год с тех пор, как они ушли из родной страны. Юноши тосковали о красавице Ан Ран Дю и решили поглядеть в зеркало, увидеть её и узнать, что она делает. Посмотрели и побледнели: Ан Ран Дю умирала.

Сели они все трое на верблюда и в тот же миг очутились у дома Ан Ран Дю. Вошли в дом и стали у её постели. Слёзы потекли из глаз Ан Ран Дю, когда она увидела юношей.

— Принесли подарки, а зачем они мне теперь? — сказала она.

Тогда третий юноша подал ей яблоко и просил, чтобы она его быстро съела. Ан Ран Дю съела яблоко и сразу выздоровела. Попросила она каждого рассказать о себе и о своём подарке.

Выслушала рассказы Ан Ран Дю и спросила юношей:

— За кого же мне выходить замуж? Все вы одинаково помогли мне своими подарками. Решайте сами.

Три дня и три ночи думали юноши... И ничего не решили. Ведь не будь яблока, как бы они спасли девушке жизнь? Но не будь зеркала, как бы они узнали о страшной болезни Ан Ран Дю? А не будь так быстро бегающего верблюда, как бы они прибыли вовремя?

Тогда Ан Ран Дю решила сама.

— Если я сделаю выбор правильно,— сказала она,— то древний колокол, в который всегда звонили, когда надо было решать важное дело, зазвонит сам. Вы настоящие товарищи и друзья, вы все это доказали своими подарками, и лишь вместе, благодаря дружбе вы смогли спасти меня. Но я выйду за того, кто подарил мне волшебное яблоко. Вы, выбирая подарки, думали о себе, а владелец чудесного яблока думал только обо мне. Ваши подарки остались у вас, а он утратил своё яблочко. И я должна выйти замуж за него.

В тот же миг послышался в воздухе звон древнего колокола. И красавица вышла замуж за юношу, подарившего ей яблоко.

ЖАДНЫЙ ПАК

Корейская сказка

В давние времена жил в Алмазных горах жадный Пак. На что ни взглянет — всё себе хочет взять, и всё ему кажется мало. Попался раз в его капкан бурундук, да не простой, а с серебряной шерстью.

Обрадовался Пак. Хотел убить бурундука. Вдруг тот заговорил человеческим голосом:

— Не убивай, выпусти меня! Дам тебе взамен серебра сколько ты попросишь.

— Сколько попрошу? Сделай так, чтобы всё, к чему я приронусь, становилось серебром и чтобы никто, кроме меня, не мог это серебро взять, — тогда отпущу, — сказал жадный Пак.

— Будет по-твоему, — ответил бурундук.

Жадный Пак схватил капкан — стал капкан серебряным. Выпустил тогда Пак бурундука, домой поспешил. Бежит — себя не помнит от радости.

К двери дома притронулся — перед ним зазвенела серебряная дверь. В дом вошёл, ковшик для воды схватил — стал и он серебряным. Снял башмаки, хотел их поставить у порога — и башмаки стали серебряными. Циновка на полу и та под рукой Пака в серебро превратилась. Жадный Пак совсем с ума сошёл от такого богатства. Бегает по дому, по двору да всё трогает. Бегал, бегал — устал, есть захотел. Да вот беда: вся еда в серебро превратилась. Чашечку с рисом взял — и чашечка, и рис, и палочки для еды сразу серебряными стали. Хочет Пак есть, да не может.

«Как-нибудь потерплю, — думает жадный Пак, — зато богатство-то у меня какое! Все мне теперь завидовать будут».

И верно — нашлись такие люди, что Паку завидовали, но только недолго.

Стали замечать, что толстый Пак превращается в Пака тонкого: день за днём всё тоньше да тоньше становится. Скоро совсем отощал. Слёг жадный Пак в свою холодную, жёсткую серебряную постель да и умер от голода и холода.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ РАБ

Корейская сказка

Не теперь это было, а в седой древности.

У одного корейского крестьянина родился в счастливый час мальчик. Он рос не по дням, а по часам, и уже в семь лет стал известен на всю страну своими талантами. Дошла весть и до императора Японии, что в Корее маленький мальчик умеет читать, писать, сочинять стихи и отгадывать самые трудные загадки.

Не поверил этому император Японии и послал в Корею своих придворных мудрецов.

— Найдите этого мальчишку, — приказал император, — и проверьте, точно ли он так умён и догадлив, как об этом говорит молва.

Склонились перед императором мудрецы и вышли из дворца, сели на корабль и отправились в путь. На море дул попутный ветер, и вскоре японский корабль пристал к берегам Кореи. Едва японские мудрецы сделали несколько шагов, как увидели маленького мальчика. Мальчик сидел на камне и читал стихи.

Самый старый мудрец, послушав мальчика, сказал:

— Это очень хорошие стихи. Кто их сочинил?

Мальчик ответил:

— Я сам сложил эти стихи.

Мудрецы не поверили ему.

Но мальчик сказал:

— Можете проверить, умею ли я сочинять стихи. Скажите мне какую-нибудь фразу.

Тогда один из японцев произнёс:

— Гляди, наши вёсла пронзают луну под волнами...

Мальчик сейчас же подхватил:

— И звёздное небо простёрлось высоко над нами...

Японцы были удивлены таким быстрым ответом мальчика. Старейший из мудрецов решил проверить его ещё раз и произнёс:

— Стрела летит чрез океан безбрежный, пенный...

Мальчик закончил:

— Но слово мудреца сильней: летит на край Вселенной!

Когда послы японского императора убедились, что мальчик действительно сам слагает прекрасные стихи, они решили испытать его находчивость.

— Скажи,— спросил его один из мудрецов,— почему птицы и крысы издают звук: цвик-чуик, цвик-чуик?

Мальчик не задумываясь ответил:

— Потому же, почему свиньи и собаки рычат: рвау-рвау!

Тут японские мудрецы засмеялись:

— Да ты, оказывается, глупый: рвау-рвау — это рык собаки, а свиньи никогда не издают такого звука.

Тогда рассмеялся и мальчик:

— Свиньи хрюкают рвау-рвау тогда же, когда крысы щебечут цвик-чуик, цвик-чуик.

Находчивость мальчика очень понравилась мудрецам.

— Сколько тебе лет и как тебя зовут? — спросили японцы.

— Меня зовут Чой Чун Куан, и мне десять лет.

Смутились японцы:

— Если в Корее столь умны маленькие дети, то как же мудры в этой стране взрослые! Нет, уж лучше нам не позориться и скорее возвратиться к себе на острова.

И послы японского императора сели на корабль и поплыли в Японию.

Долго качали волны океана их корабль. Наконец прибыли японцы домой и поспешили во дворец к императору.

Увидел император послов, нахмурил брови и грозно спросил:

— Ну, рассказывайте: какие в Корее живут люди? Правда ли, что там дети умнее наших стариков?

Испугались послы: они ведь никого в Корее не видели и ни с кем, кроме мальчика, не разговаривали. Что же они могли ответить императору?

Тогда самый хитрый из них произнёс:

— Ослепительный сын солнца! В Корее живут отчаянные и непокорные люди. Они даже не знают, что ты существуешь на свете, и никто при упоминании твоего имени не падал ниц и не касался лбом земли.

Рассердился император и закричал:

— Я пойду на них войной!

И вся свита закричала:

— Мы пойдём на них войной!

А когда император немного успокоился, он сказал:

— Принесите мне из серебряного зала янтарный ларец.

Слуги внесли ларец. Тогда император поднял вверх руку, и по этому знаку все, кто был в зале, распростёрлись на полу. Придворные лежали, боясь поднять голову. Они знали, что их повелитель поднимает вверх руку перед тем, как приговорить кого-нибудь к смертной казни. Но на этот раз всё обошлось хорошо. Когда придворные распростёрлись на полу и уткнулись носом в пол, император завернул какую-то вещь в вату, положил её в ларец и запечатал его своими печатями.

После этого он приказал придворным встать с пола и сказал главному советнику:

— Ты отвезёшь этот ларец корейскому королю и скажешь ему, что, если он не узнает до наступления осени, что спрятано в моём ларце, значит, он самый глупый король на земле.

Передохнув немного, император продолжал:

— Я напишу загадку на крышке ларца, и пусть корейский правитель напишет отгадку ниже моих строк.

И, взяв золотую тушь и кисточку, император написал на крышке ларца:

Оболочка его и бела и прозрачна,
Сердцевина желта, точно золота шар.
Угадай, что хранит этот маленький ящик,
Что прислал император правителю в дар?

Советник в точности исполнил приказание своего владыки. Он доставил королю Кореи янтарный ларец и передал слова японского императора.

Собрал король всех своих министров и учёных и сказал:

— Кто разгадает содержимое этого ящика, тот спасёт честь своего короля и честь своей страны.

Напрасно старались королевские учёные узнать, что спрятано в ларце. Они перечитывали без конца написанную императором загадку, ходили вокруг ларца, рассматривали его в увеличительное стекло, даже нюхали янтарную крышку, но никто из них так и не мог понять, что же спрятал в ларце японский император.

А в это время Чой Чун Куан пришёл в Сеул искать себе работы.

Он ходил по дворам и выкрикивал:

— Чищу медные зеркала! Чищу медные зеркала!

Этот крик услышала дочь первого министра и приказала вынести мальчику своё большое медное зеркало. Его нужно было отполировать.

Чой Чун Куан принялся за работу. Но он так старательно тёр зеркало, что оно треснуло.

И как раз в это время во двор вошёл первый министр. Он увидел, что мальчик сломал любимое зеркало его дочери, и закричал:

— Разбойник! Это зеркало стоит тысячу лян! Плати сейчас же деньги!

— Господин мой,— сказал Чой Чун Куан,— если бы у меня было столько денег, я не ходил бы по дворам полировать зеркала.

— Ладно же! — закричал опять министр.— Ты останешься у меня в рабстве, пока не уплатишь за разбитое зеркало. И называть тебя отныне будут Зеркальный раб.

С этого дня Чой Чун Куан стал рабом.

Однажды, прислуживая министру за столом, Зеркальный раб услышал, как министр говорил жене:

— Если через десять дней король не разгадает тайны янтарного ларца, честь нашего королевства будет посрамлена.

Услышав такие слова, Зеркальный раб сказал:

— Нет на свете тайны, которую нельзя было бы разгадать. Пусть король покажет мне ларец, и, может быть, я узнаю, что хранится в нём.

— Ах ты, собака! — рассердился министр.— Я сам не мог узнать, что спрятано в ларце, а ты — нищий, раб — хочешь быть мудрее министров! За такую дерзость ты будешь наказан палками.

Но министру не удалось наказать мальчика. Не успел он схватить палку, как в комнату вошёл королевский слуга. Слуга поклонился министру и сказал:

— Король повелел передать тебе: первый министр должен быть самым умным, самым догадливым и самым хитрым подданным короля. И потому, если через восемь дней тайна ларца не будет разгадана, палач отрубит первому министру уши и нос и бросит их на съедение бездомным собакам.

Сказав так, слуга поставил ларец и удалился.

В горести и страхе министр бегал по комнате и рвал на себе одежды. Он понимал, что ему никогда не узнать тайны ларца, и уже видел, как палач точит свой меч, чтобы отрубить ему нос и уши.

Тогда Зеркальный раб сказал опять:

— Нет на свете такой загадки, которую нельзя отгадать.

Теперь уже министр не кричал. Он стоял на коленях и молил своего раба:

— Если ты узнаешь, что спрятано в этом ларце, я подарю тебе восьмикомнатный дом и десять тысяч лян.

— Не нужны мне ни дом, ни деньги. Обещайте только одно: отпустить на волю меня и всех своих рабов.

— Согласен! — закричал министр.— Обещаю тебе!

Тогда Зеркальный раб подошёл к ларцу и прочёл начертанные на нём слова:

Оболочка его и бела и прозрачна,
Сердцевина желта, точно золота шар.
Угадай, что хранит этот маленький ящик,
Что прислал император правителю в дар?

Зеркальный раб сказал:

— У нас ещё есть время. Пусть этот ларец простоит шесть дней на очаге. Через шесть дней я скажу, что в нём хранится.

Так и сделали, как сказал Зеркальный раб. А на седьмой день он подошёл к ларцу, приложил к нему ухо, затем взял кисточку и, обмакнув её в тушь, написал ниже строк японского императора отгадку:

Любой корейский мальчик знает:
Здесь существо, что утро предвещает!

— Вот ответ на загадку, — сказал Зеркальный раб. — Можете отправлять ларец обратно японскому императору.

— Что же всё-таки в этом ларце? — воскликнул министр. — Из твоих строк я ничего не понял.

— Это не моя вина, — ответил мальчик. — Большого я сказать не могу.

— Значит, ты обманул меня! Ладно же! Никуда я тебя не отпущу, и до конца дней своих ты будешь моим рабом.

Когда министр поставил перед королём ларец, король прочёл написанные мальчиком строки и в гневе воскликнул:

— Где же ответ на загадку? Ты не выполнил моего приказа. Эй, палач! Отрубить этому глупцу уши и нос.

Министр упал перед правителем на колени и признался, что надпись на ларце сделал его раб.

Тогда король сказал:

— Я придумал этому рабу хорошее наказание. Пусть он сам отвезёт ларец японскому императору. Гнев императора падёт на его голову, и тогда быть ему без головы.

Как приказал король, так и сделали.

Посадили Зеркального раба на корабль и привезли в Японию. В назначенный день предстал он перед грозным японским императором и протянул ему янтарный ларец.

Император взглянул на ларец, потом на Зеркального раба и в гневе схватился за свой меч:

— Где же ответ на мою загадку? Почему передо мной стоит глупый мальчишка, а не первый министр короля? Отвечай мне!

И он приставил меч к груди Зеркального раба.

Зеркальный раб показал на надпись, которую он начертал под загадкой короля:

— Вот ответ на твой вопрос, повелитель.

Император прочёл и злобно засмеялся:

— Корейский король не смог отгадать моей загадки! В ларце нет никакого живого существа! Весь мир теперь будет знать, что самый глупый король на земле — это король Кореи.

По знаку императора палач направился к Зеркальному рабу. Но Зеркальный раб и на этот раз сказал без боязни и страха:

— Загадка твоя, о мудрейший из императоров, столь проста, что её разгадал даже я.

— Лжёшь! — закричал император. — В ларце нет никакого живого существа!

— Если я ошибся, пусть мне отрубят голову, — сказал Зеркальный раб.

— Хорошо, — усмехнулся повелитель Японии. — Через две минуты ты будешь без головы. Знай же, что в ларце было спрятано самое обыкновенное куриное яйцо.

И довольный император приказал раскрыть ларец. Слуги сорвали с ларца печати, подняли его крышку и от изумления чуть не выронили ларец из рук. В нём оказался... цыплёнок, маленький жёлтый петушок.

Как только Зеркальный раб посадил петушка на ладонь, он вытянул тонкую шейку и закричал: «Ку-ку-ре-ку!»

Тут только император догадался, что означает надпись на ларце, сделанная Зеркальным рабом.

Так простой корейский мальчик, сын бедного крестьянина, оказался умнее своего короля, королевских министров и японского императора.

А японский император боялся с тех пор и подумать о войне с Кореей. Ещё бы! Уж если в Корее даже мальчики такие умные и смелые, то как же мудры и храбры там мужчины!

САМОЕ ЛУЧШЕЕ И САМОЕ ХУДШЕЕ

Кубинская сказка

Было время, всем в мире повелевал могущественный хозяин Обатала. Какой бы ты ни был мудрый, великий, а без помощника не обойтись: разве за всем углядишь? Вот и решил Обатала подыскать себе опору, найти того, кто мог бы вместо него землёй править.

Только решил так, сразу Орулу вспомнил. Пожалуй, ему довериться можно. Но молод Орула, а раз молод, значит, опыта у него для такого дела не хватит — землёй владеть, народом править.

«Испытать надо мудрость его,— подумал Обатала.— А там видно будет!»

Послал Обатала за Орулой и, когда тот явился, сказал ему:

— Хочу тебя испытать. Исполни моё желание: накорми ты меня какой хочешь едой — варёной или жареной,— но только она должна быть приготовлена из того, что самое лучшее на свете.

Пошёл Орула на рынок. Ходил, ходил, по всем рядам прошёл. И плоды чудесные видел. Не купил. И на сладости поглядел. Не купил. И на овощи взглянул. Не купил. И на рыб всевозможных любовался. Не купил. И на птиц подивился, на

дичь всякую. Не купил. Мясо было, туши висели целые: бычьи, бараньи. Не купил.

Купил Орула язык. Обыкновенный, говяжий. Принёс домой, травами, перцем, лавровым листом приправил. Такое блюдо приготовил — не стыдно Обатале нести.

Отведал Обатала говяжьего языка и говорит:

— Вкусно!

И всё съел до последнего кусочка.

А Орула стоит помалкивает.

— Вкусно-то вкусно,— говорит Обатала,— да ведь тут ничего такого нет, что бы самым лучшим на свете было? Может, это ты, Орула, самый лучший повар на свете, так разве я тебя о том просил?

А Орула помалкивает.

— Ты ходил по рынку? — сказал Обатала.— Чего-чего там только нет: и пряности, и сладости, диковины заморские. Неужели простой язык — самое лучшее из того, что там было, из того, что есть на свете?

— Мудрый Обатала! — ответил Орула.— Вижу я, что тебе угодил. Угостил вкусно, сытно. И твой ум дремлет. Неужели не вспомнил ты, что нет на свете ничего, что бы с языком сравниться могло? Язык за добрую работу поблагодарить может, за великие дела похвалу воздать может, в беде посоветовать, в горе утешить. Кто новости людям приносит? Язык. Кто учит, путь указывает? Язык. С его помощью ты можешь и простого человека возвысить,— добавил улыбаясь Орула.

— Всё, что ты сказал,— правда! — ответил Обатала.

А про себя подумал: «Хотя и молод Орула, но преисполнен мудрости».

Однако решил Обатала ещё испытать Орулу.

— Ты приготовил для меня пищу из самого лучшего, что есть на свете,— сказал Обатала.— Наверное, это было тебе не так уж трудно. Теперь я задам тебе задачу действительно нелёгкую. Накорми ты меня какой хочешь едой — хоть варёной, хоть жареной,— но только чтобы она из самого худшего, что есть на свете, приготовлена была. Иди ищи. И не смущайся, если выбирать будешь долго: ведь много в мире плохого.

Пошёл Орула на рынок. Нет, он не ходил по рядам. На плоды не глядел. Ни на горькие, ни на ядовитые. Ни на здешние, ни на заморские. Просто он пошёл и опять купил говяжий язык.

Вернулся домой и с травами, перцем, с листом лавровым, с пряностями разными его приготовил и пошёл к Обатале и перед ним поставил. Удивился Обатала. Сказал:

— В первый раз, когда ты мне принёс эту еду, ты объявил, что она приготовлена из самого лучшего на свете. И я сказал,

что ты прав. Теперь же снова приносишь говяжий язык и объявляешь, что нет на свете ничего хуже языка. Как это объяснить?

Орула ответил:

— Мудрый Обатала! В том, что я утверждаю, нет ничего удивительного. Ведь как это ни печально, а ничем иным, как языком, легче лёгкого опорочить доброе имя человека. Одним словом можно лишить людей последних средств к существованию. Язык может оклеветать и может казнить. Но и это не всё. При помощи языка можно предать страну и её народ обречь на рабство. Что может быть хуже?

Так сказал Орула и, сказав, ждал.

Когда услышал эти слова Обатала, он объявил:

— Всё, что ты сказал,— истина. И в первый раз слова твои были правдой, и теперь ты сказал правду. Я дивился твоей молодости, а теперь преклоняюсь перед твоим умом. Ты будешь тем, кто будет вместо меня.

КАК ЧЕЛОВЕК С ЗЕМЛЁЙ ПОСПОРИЛ

Кубинская сказка

Было это, когда на земле самый первый человек жил. Совсем один жил. Его звали Якара. А землю Энтото звали. Было ещё море, его Калунга звали, и гора была — Чече. А человек один был.

Когда всходило солнце, человек просыпался. Он ходил по земле, её Энтото звали, по берегу моря ходил, его Калунга звали, и пел песни, как птица.

Ходил Якара по земле, сладкие плоды с деревьев срывал, ягоду собирал.

Как-то раз гора, её Чече звали, спросила землю Энтото:

— Кто это там у моего подножия ходит? Я его к себе не пускаю, так он внизу пасётся да ещё по утрам распевает: «Я царь! Я царь!» Гнала бы его прочь, земля Энтото!

— Это человек,— сказала земля.— Его зовут Якара.

Тогда море в разговор вступило:

— Правильно говорит гора Чече. Пусть этот Якара не обманывает тебя, земля Энтото. Какой он царь? Ему ни за что не справиться ни со мной, ни с горой, ни с тобой.

Услыхал человек Якара разговор земли, горы и моря. Подошёл к морю и говорит:

— Я человек — и я повелитель.

А море, его Калунга звали, разгневалось:

— Плевать я хотело на царей и повелителей. Никого не признаю.

Тогда гора Чече сказала:

— Земля Энтото! Зачем ты позволяешь человеку, хотя бы его и Якара звали, твои плоды брать и есть? И ягоды!

Тогда земля Энтото спросила человека Якару:

— Почему ты берёшь себе то, что принадлежит мне?

— Я человек,— сказал Якара.— И я должен брать, чтобы жить.

Усмехнулась земля Энтото.

— Неправильно ты сказал,— проговорила она.— Что мне до того, что ты хочешь брать, хочешь жить!

Тогда человек Якара сказал сам себе:

— Земля не хочет ничего дать мне из своих запасов. Как быть?

А море Калунга и гора Чече молчали.

Тогда человек Якара попросил у земли:

— Дай мне плоды, без которых я не могу жить.

А земля Энтото ему ответила:

— Хорошо. Я дам тебе свои плоды. Они накормят тебя.

А что ты дашь мне взамен?

— Не знаю,— ответил Якара.— У меня ничего нет. И потом ты так велика, что я могу тебе дать?

— Себя! — сказала земля.

Якара был очень голоден. Он сказал:

— Я на всё согласен.

Тогда земля Энтото сказала:

— Возьми палку и разрыхли почву. Возьми зерно и посади в неё. С утра до ночи, от зари до заката ты будешь трудиться: рыхлить почву и сеять. Тогда я тебе дам мои плоды, и ты будешь сыт. А в остальное время можешь ходить по берегу, и петь, и кричать: «Я царь! Я царь!» Это твоё дело.

Так они и договорились.

Потом человек договорился с Огнём. Он был очень страшен, Огонь, пока человек не договорился с ним. Он уничтожал всё вокруг. А потом, потом оказалось, что с ним не так уж трудно договориться.

Ещё бы: если его не поддерживать, то он сам исчезал!

И только море Калунгу и гору Чече человек Якара победить не мог. Помните, когда он жил один в те времена, он сказал: «Я человек — и я повелитель».

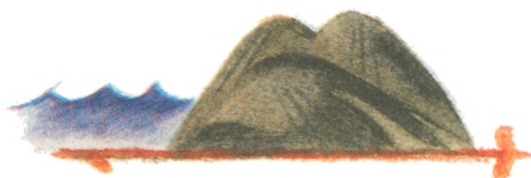
Он так сказал, а море Калунга что ему ответило? Оно ответило: «Плевать я хотело на царей и повелителей! Никого не признаю!»

Но это было давно, когда на земле самый первый человек жил. Совсем один жил. Его звали Якара. А землю Энтото звали. Было ещё море, его Калунга звали, и гора была — Чече. А человек был один.

Мы-то знаем, с тех пор много-много лет прошло. И сосчитать нельзя, сколько лет прошло.

Как думаешь, с тех пор договорился человек с морем Калунгой и горой Чече? Ведь теперь он не один на земле живёт. Договорился?

Прежде чем ответить — подумай. И не забудь, с тех пор, как Якара с землёй спорил, он умнее стал. Теперь человек знает: чтобы жить, надо не только брать, но и отдавать.

ЛЫСТ ИЗ КОРОВЬЕГО ХВОСТА

Из сказок Либерии

Дайте я расскажу вам сказку, и вы узнаете, правда это или ложь. Дайте я расскажу вам сказку, и вы сами ответите, кто заслуживает награды, а кто заслуживает только похвалы. Я расскажу вам сказку, а вы рассудите, велика ли мудрость старого Огалуссы и как он должен был поступить. Вы всё сами скажете, и как вы решите, так будет. Так будет в сказке, и так поведётся впредь.

Слушайте, начинается сказка, начинается то, что было в нашей стране, на нашей земле давно-давно.

На высоком холме, у самой опушки сырого, дремучего леса, стояла деревня Кунди. Она была такая же, как и наша с вами деревня, — круглые глиняные хижины стояли тут и там; в них горели костры, и дым очагов просачивался между пальмовыми листьями, которыми были крыты крыши. В Кунди жили как мы живём: мужчины охотились, мальчишки ловили рыбу в реке, а женщины возле хижин толкли зерно в деревянных ступах.

Ну, разве не похожа та деревня на нашу?

И вот в деревне Кунди, у реки Ковали, жил со своей женой и детьми охотник. Имя его было Огалусса.

Однажды утром снял Огалусса со стены своё оружие и от-

правился в лес на охоту. Жена его пошла в поле, а сыновья погнали скот на пастбище.

Прошёл день — Огалусса не возвращался.

Стали ужинать — Огалуссы нет.

Съели лепёшки из маниоки, съели рыбу — Огалуссы всё не было.

День прошёл, и другой прошёл — нет Огалуссы.

Где Огалусса? Что с ним случилось? Какая беда? Молчит сырой, тёмный лес.

Неделя прошла, месяц прошёл. По-прежнему мать работала в поле, толкла зерно в деревянной ступе, но теперь её сыновья уже не только ловили рыбу, но вместо отца ходили на охоту. И всё реже вспоминали того, кто ушёл, — Огалуссу.

В то время у жены Огалуссы и родился сын. Его называли Пули.

Стал Пули расти. Вот он начал сидеть. Потом начал ползать. Наконец пришло время, и он заговорил. Сейчас я спрошу вас: какие слова, начав говорить, он сказал впервые? Вы ответите: он сказал «мама», он сказал «дай».

Он так говорил? Нет! Он так не говорил. Его первые слова были: «Где мой отец?»

— Где мой отец? — спросил Пули и услышал, что кругом все молчат.

— Где мой отец? — сказал он.

И его братья посмотрели на рисовые поля и на реку посмотрели и ничего не сказали.

И тогда он снова сказал, но теперь уже вот так сказал:

— ГДЕ МОЙ ОТЕЦ?

И тогда братья посмотрели на сырой, тёмный лес, друг на друга посмотрели, и старший сказал:

— Он остался там.

— Он давно должен был вернуться, — сказал второй брат.

— С ним что-то случилось, — сказал третий.

— Он погиб, — сказал четвёртый.

— Иначе бы он пришёл домой, — сказал пятый.

— Если бы его можно было найти! — сказал шестой.

— Лес велик, где искать? — сказал седьмой.

Тогда старший брат сказал:

— Я видел, как он уходил. Я помню, он шёл вон той дорогой. Давайте попытаем счастья, пойдём по его следам.

И семь сыновей Огалуссы взяли своё оружие и отправились в путь — искать своего отца.

А самый младший из сыновей, Пули, не пошёл со своими братьями искать отца, потому что он был мал и ещё только начал говорить.

Братья вошли в сырой, дремучий лес. Кругом стояли такие высокие деревья, что они подпирали своими ветвями небо, и листья у них были так густы, что солнце не пробивалось к земле, от которой шёл пар, как дым от костра.

Братья шли под ветвями деревьев, точно под крышей. Они теряли тропинку, и старший вновь находил её. Они снова теряли её, и он снова находил.

Так шли они долго-долго, не зная, сколько шли, потому что кругом было темно и никто из них не мог сказать, сколько раз ночь сменяла день и сколько раз день сменял ночь.

Наконец они увидели вдали среди деревьев просвет. Они пришли туда, и там была поляна. Там, на поляне, разбросанные по земле, лежали кости Огалуссы. А кругом валялось его заржавевшее оружие.

Тогда братья предались горю и гневу. Но кому отомстить за отца?

Старший из братьев сказал:

— Лес велик, но я привёл вас сюда. Пусть теперь каждый сделает то, что в его силах!

Тогда второй брат сказал:

— Я знаю, как надо сложить кости умершего.

И он собрал все кости Огалуссы и составил их так, что каждая кость стала на своё место и все они собрались в один скелет.

Третий брат сказал:

— Я облеку кости отца плотью и мускулами.

И он сделал так и отошёл в сторону, предоставив место четвёртому брату.

— А я наполню его жилы горячей кровью,— сказал четвёртый брат. И, сказав, влил кровь в его жилы.

Тогда пятый брат сказал:

— Я могу заставить его дышать.

И он вдохнул дыхание в безжизненное тело, и братья увидели, как грудь Огалуссы поднялась, потом опустилась, и он стал дышать.

— А я могу заставить его тело двигаться,— сказал шестой брат.

И он придал отцу силу движения, и Огалусса сел и открыл глаза.

Огалусса сидел, открыв глаза, и был как живой и неживой.

И тогда седьмой брат сказал:

— Теперь, когда наш отец живой и неживой, я могу вернуть ему дар речи.

Он вернул ему дар речи и отошёл в сторону.

Тогда Огалусса огляделся вокруг и встал. Он встал и по-

смотрел на своих сыновей. Семь сыновей стояли перед ним. Семь его сыновей.

Он был настоящий охотник, Огалусса, и он ничего не сказал лишнего. Он оглядел своих любимых сыновей и только спросил:
— Где моё оружие?

Сыновья подняли его заржавевшее оружие и подали отцу. Потом они пустились в обратный путь. Через лес, через лес, через лес.

Они прошли рисовые поля и наконец вернулись в свою деревню.

Огалусса вошёл в дом. Жена приготовила ему умыться и сварила ужин.

Четыре дня сидел Огалусса дома. На пятый день он побрил себе голову, как это делали те, кто возвращался из царства мёртвых, и вышел на улицу.

Все жители деревни радовались, что Огалусса вернулся. И тогда он зарезал корову для большого праздника.

Огалусса взял коровий хвост, заплёл его в косичку и искусно украсил бусами, ракушками, резьбой, кусочками блестящего металла.

Если бы вы только знали, если бы вы только видели, какой получился хлыст! Не у всякого вождя такой хлыст, не каждый, кто распоряжается священными танцами, мог носить такой хлыст!

Никто в деревне не видел подобного хлыста. Он получился великолепный, он мог бы принадлежать великому вождю. Так думали все жители деревни, и так бы решили и вы, если бы вам выпало счастье увидеть собственными глазами этот хлыст!

И вот настало утро праздника по случаю возвращения Огалуссы.

Жители деревни оделись в лучшие платья. Музыканты принесли свои инструменты, и начался танец. Барабанщики били в барабаны, а женщины пели.

Какой был пир, какое угощение!

Когда наконец все наелись, когда все устали от танцев и радости, Огалусса встал и начал говорить.

— Давным-давно я ушёл в лес, на охоту,— сказал он.— В сыром, тёмном лесу, далеко-далеко отсюда, на меня напал леопард. Он загрыз меня и кости мои разметал по земле. И оружие моё валялось вокруг. И время шло, и оружие заржавело, а кости мои всё лежали и лежали. Но сыновья отправились меня искать. Они вернули меня из царства мёртвых домой. И вот я здесь. И я дам мой хлыст в награду тому, кто сделал больше всех, чтобы я вернулся!

Тут поднялся спор. Каждый из сыновей Огалуссы совершил

подвиг, а хлыст только один. Подвигов много, а хлыст только один. Вот почему поднялся спор.

А вы что зашумели? Вы тоже спорите? А ну, скажите тогда, кому отдать хлыст. Старшему? Если бы он не нашёл костей отца, то тогда бы никто не мог вернуть из царства мёртвых Огалуссу. Правильно. Но вы говорите, что если бы второй сын не сложил костей отца, то чей бы скелет облёк плотью третий сын? Тоже правильно. Подумать только, здесь спор и там, в деревне Кунди, где жил Огалусса, спор!

— Отец отдаст хлыст мне! — сказал старший сын. — Я нашёл в лесу затерявшуюся тропинку.

— Нет, он отдаст его мне! — сказал второй сын. — Я собрал и составил его кости.

— Всё это верно! — сказал третий сын. — Но я облёк его скелет плотью и мышцами.

— А я наполнил его жилы кровью! — сказал четвёртый сын.

— Я вдохнул в его грудь дыхание! — сказал пятый сын.

— Но я дал ему силу движения! — сказал шестой сын.

— Я вернул ему дар речи! — сказал седьмой сын.

Слушая сыновей Огалуссы, умолкли жители деревни.

«У хорошего отца достойные дети», — подумали они.

И тогда Огалусса сказал им, подобно тому, как говорю я вам, слушающим сказку и спорящим:

— Пусть каждый помолчит. Знайте: я дам награду тому из сыновей, которому более всего обязан жизнью.

Так сказал Огалусса.

Он шагнул вперёд, нагнулся и протянул хлыст из коровьего хвоста Пули, маленькому мальчику, младшему сыну своему.

Когда жители деревни удивились такому его решению, охотник напомнил им, что первые слова ребёнка были: «Где мой отец?»

И тогда все поняли, что Огалусса поступил правильно. Потому что человек не умирает до тех пор, пока живые помнят о нём.

АВТРА И СЕГОДНЯ

Из сказок Малайи

Как-то в дождливый вечер сидели под деревом обезьяна Кра и жаба Раонг и жаловались друг другу на холод.

— Кррх-кррх! — кашляла Кра.

— Хут-хут-хут! — квакала Раонг.

Надоело им мокнуть под дождём и дрожать от холода. Они уговорились на следующий день срубить дерево и из его коры сделать тёплый шалаш.

Но наутро солнце светило так жарко и ласково, что Кра наслаждалась теплом и светом, сидя на вершине дерева, а Раонг расположилась недалеко от его корней и грелась на солнцепёке.

Наконец Кра спустилась с верхушки дерева и воскликнула:

— Ну что, подружка, как ты себя чувствуешь?

— О, прекрасно! — отвечала Раонг.

— Скажи-ка, не заняться ли нам сейчас шалашом? — спросила Кра.

— Что ты! — отвечала Раонг. — Это успеется и завтра. А сейчас мне так тепло и хорошо!

— Конечно, шалаш можно построить и завтра! — согласилась беспечная Кра.

И целый день они радовались солнечному свету.

К вечеру пошёл дождь.

На другой день снова сидели они обе под деревом и жаловались на холод и сырость.

— Кррх! — кашляла обезьяна.

— Хут-хут-хут! — квакала жаба.

И они снова сговорились на следующий день срубить дерево и построить себе тёплый шалаш.

Но наутро солнце опять сияло так ярко, что Кра наслаждалась его теплом на вершине дерева, а Раонг невдалеке от его корней грелась на солнцепёке. Кра напомнила вчерашний уговор, но Раонг опять возразила:

— К чему портить такой прекрасный день? Шалаш можно построить и завтра.

И каждый раз повторялось то же самое.

Так идёт дело и до сегодняшнего дня.

Кра и Раонг всё ещё сидят под деревом и стонут и жалуются на холод:

— Кррх! Кррх!

— Хут-хут-хут!

РЕКРАСНАЯ АРИМАТА

Сказка народа мандинго, Мали

Жила девочка с отцом и мачехой.

Девочку звали Фаримата. Она была такая красивая, такая добрая и приветливая, что нельзя было её не любить.

Кто бы ни приходил в дом, все любовались её красотой. Всем хотелось поговорить с ней, посидеть около неё в часы вечерней беседы, у всех находилась для неё какой-нибудь подарок.

Одна только мачеха невлюбила свою падчерицу. У мачехи тоже была дочка, но такая злая и некрасивая, что никто на неё даже не смотрел. Вот поэтому мачеха и решила избавиться от дочки мужа.

— Убей её,— велела она мужу.— Пока она жива, нам не будет счастья.

Долго не соглашался отец, но мачеха такую власть над ним взяла, что пришлось несчастному убить свою дочку.

И на том месте, где похоронили Фаримату, вырос зелёный бавольник. Он был так прекрасен, что все путники, проходившие мимо, останавливались, чтобы отдохнуть возле этого дерева. Они любовались каждой его веточкой и говорили:

— Такого красивого бавольника нигде во всём свете нет!

И они украшали его ветви яркими бусами, чтобы деревце было ещё красивее, ещё наряднее.

Тогда мачеха велела мужу отрубить все ветки бавольника. Муж обрубил зелёные ветки, один только ствол оставил. Но таким стройным и нежным был этот ствол, что путники, которые проходили мимо, останавливались, чтобы полюбоваться им.

— Это деревце хоть и высохло, а всё равно осталось таким же прекрасным, как было, — говорили они.

И на сухие сучочки они по-прежнему вешали свои ожерелья и бусы, чтобы красота этого деревца стала ещё заметнее.

Тогда мачеха велела мужу сжечь дерево дотла.

Муж и на этот раз послушался.

Только и осталось от бавольника, что небольшая горсть пепла, но такого белого и чистого, словно это была рисовая мука.

И путники, которые шли из страны в страну, останавливались, чтобы полюбоваться этим чудесным пеплом и положить на него свои украшения.

— Даже горсточка пепла может быть прекрасна! — говорили они.

Тогда мачеха велела мужу бросить пепел в источник.

Так он и сделал. Пепел исчез в воде, а вода стала сладкой, как свежее молоко.

И, когда усталые путники проходили через селение, они отказывались от питья, которое выносили им навстречу, и шли к этому чудесному источнику. Они отдыхали здесь, утоляли жажду, и каждый говорил:

— Разве есть что-нибудь прекраснее этой чистой воды?

Тогда мачеха велела мужу засыпать источник.

И на том месте, где он протекал, вырос густой лес. В этом лесу жили весёлые газели.

Каждый день они собирались все вместе. Они кружились по полянке и звонкой песенкой звали одна другую:

Пойдём, газели, танцевать,
Весёлые газели.

Мы будем петь и танцевать,
Весёлые газели.

А позже всех выходила из чащи самая маленькая и самая красивая газель. Она тоже танцевала на зелёной полянке и пела такую песню:

Была я девочкой когда-то,
Весёлые газели.

Отец мой девочку убил,
Весёлые газели.

Бавольником зелёным стала,
Весёлые газели.

Отец мой ветви обрубил,
Весёлые газели.

Засохшим деревцем стояла,
Весёлые газели.

Отец мой дерево спалил,
Весёлые газели.

Отец мой пепел потопил,
Весёлые газели.

Ручьём прохладным зажурчала,
Весёлые газели.

Отец источник заглушил,
Весёлые газели.

Теперь живу среди газелей,
Весёлых, молодых газелей.

Теперь сама газелью стала,
Лесной газелью стала.

Пойдём, газели, танцевать,
Весёлые газели.

Мы будем петь и танцевать,
Весёлые газели.

Однажды через лесные заросли пробирался охотник и услышал песню маленькой газели.

Он пришёл в селение и всем рассказал о том, что он видел и слышал.

Отец погибшей Фариматы сразу понял, что маленькая газель — это его дочка.

На другой день он сам отправился в заросли и спрятался в кустарнике недалеко от полянки.

В полдень на полянку пришли газели.

Они пели, прыгали и резвились, а позже всех пришла маленькая газель и опять запела свою грустную песенку:

Была я девочкой когда-то,
Весёлые газели...

Когда она пропела всю песенку, отец вышел из кустов и бросился к своей бедной дочке, чтобы обнять её и прижать к груди.

Но газели обступили свою сестру тесным кругом.

— Нет, мы не дадим её тебе! — сказали они. — Если ты только притронешься к ней, ты не уйдёшь отсюда живым! Ты убил её, когда она была доброй, весёлой девочкой. Ты не по-

щадил её, когда она была зелёным бавольником. Ты не пожалел её даже тогда, когда она стояла сухим тоненьким деревцем. Ты уничтожил её, когда она лежала горстью белого пепла. Ты засыпал её землёй, когда она стала прохладным ручейком. Теперь мы не дадим тебе погубить её снова! Она навсегда останется с нами, а ты уходи отсюда прочь!

Отец молча выслушал их. От стыда он даже не смел на них смотреть. Только слёзы лились по его щекам.

Он плакал так горько, что газели наконец сжалились над ним. Они расступились, и, когда отец поднял глаза, перед ним снова стояла его девочка, такая же красивая, такая же приветливая, какой была раньше.

Отец от радости слова вымолвить не мог.

А газели танцевали вокруг них, кружились по полянке, пели и одна за другой уходили в глубь леса.

Долго ещё была слышна их песня:

Пойдём, газели, танцевать,
Весёлые газели.

Мы будем петь и танцевать,
Весёлые газели!

Счастливый отец вернулся с дочкой домой и никому больше не давал её в обиду. А злую мачеху и её злую дочку выгнал из дому.

КАК КОЙОТ И КУНС ПЕРЕХИТРИЛИ ДРУГ ДРУГА

Из сказок Мексики

На склоне холма жил в своей норе Койот — луговой волк. Однажды, вернувшись домой после неудачной охоты, он сказал себе:

— Всю ночь я выслеживал цыплят возле курятника, ни одного не поймал, и теперь мне до смерти хочется спать!

И, свернувшись в клубок, он громко захрапел. Проснулся он через несколько часов страшно голодный.

— Как я голоден! — воскликнул он. — Что же делать — снова идти на охоту? Леня, но придётся.

И с этими словами Койот выбежал из норы. Он бежал, пока не увидел маисовое поле. Там он встретил Скунса — зверька, похожего на куницу.

— Эй, ты! — крикнул он Скунсу. — Куда спешишь? Не за добычей ли? Пойдём вместе.

— Хорошо, — ответил Скунс и, подумав о том, что неплохо было бы поживиться за счет Койота, добавил: — Хочешь, побежим наперегонки? Если проиграю я, то отдам тебе свой обед. Если же проиграешь ты, то отдашь мне свой. Идёт?

— Идёт, — сказал Койот и с криком: «Раз, два, три!» — бросился вперёд.

Скунс и не подумал бежать за ним. Он знал, что Койот бежит куда быстрее, поэтому не спешил и нарочно отстал от Койота. Он знал другой, более короткий путь и оказался на месте гораздо раньше Койота.

— Ты победил! — сказал Койот, подбежав к Скунсу. — Не думал я, что скунсы так хорошо бегают!

— Ха-ха! — рассмеялся Скунс. — Подавай живей обед!

— Подожди... Я ведь ещё ничего не успел добыть!

— Ничего? Стыдись! Мы же условились, что победитель обедает за счёт побеждённого.

— Да, но для этого я должен ещё поохотиться. Подожди меня здесь.

И Койот бросился бежать. Скрывшись из виду, он громко расхохотался:

— Пусть Скунс ждёт своего обеда до завтра! Он ничего не получит! Здорово же я его провёл!

Койоту не пришло в голову, что и Скунс тоже его обманул. Так оба хитреца перехитрили друг друга.

ВЕЖЛИВЫЙ КРОЛИК

Из сказок Мексики

Жил-был Кролик, очень скромный и вежливый. Однажды, вдоволь наевшись капусты на крестьянском огороде, он собрался было домой, как вдруг заметил Лисицу. Она возвращалась в лес. Ей не удалось стащить курицу с крестьянского двора, и она была очень сердита и голодна.

У Кролика дрогнуло сердце. Бежать, но куда? И Кролик опрометью бросился к пещере. Он не знал, что там поджидала его другая грозная опасность — в пещере поселилась Змея.

Кролик, однако, был хорошо воспитан и знал, что без разрешения в чужой дом входить не полагается.

«Нужно поздороваться,— подумал он,— но с кем? С пещерой, конечно!»

И, присев на задние лапки, Кролик вежливо сказал:

— Здравствуйте, добрая пещера! Разрешите мне, пожалуйста, войти.

До чего же обрадовалась Змея, услышав голос Кролика! Она очень любила кроличье мясо.

— Входите, входите! — ответила она, желая обмануть Кролика.

Но Кролик по голосу прекрасно понял, с кем имеет дело.

— Простите, что я беспокоил вас,— сказал он.— Я совсем забыл, что меня ждёт Зайчиха! До свидания! — И бросился бежать прочь со всех ног.

Прискакал Кролик в свою нору и подумал о том, что вежливость никогда ещё никому не повредила.

Змея же свернулась в клубок и проворчала:

— Лучше бы я ему не отвечала! Ох, уж эти мне вежливые кролики! Нужно же было ему просить разрешения войти!

НЕ ДЛЯ СЕБЯ ЧЕЛОВЕК РОДИТСЯ

Монгольская сказка

У одного старого человека выросли три сына. Старшие два умными были, а третий глупый считался. Звали его Давадоржи. Может быть, он и не был глуп, только старшие братья всегда над ним потешались. Что Давадоржи ни сделает, над всем смеются. Обронил проезжий кошелёк с деньгами; нашёл его Давадоржи и до заката скакал на лошади, чтобы догнать проезжего и кошелёк ему отдать. А старшие смеются:

— Дурак! Ему счастье привалило, а он лошадь загнал, чтобы от удачи избавиться!

Забрела к их юрте овца чужая. Давадоржи отвёл её хозяину. Старшие братья сердятся:

— Дурак какой! Надо было зарезать овцу, мясо съесть, а он что сделал!

Один раз братья дали Давадоржи серебряную монету и сказали:

— Поезжай на базар, купи себе что нужно.

Поехал Давадоржи на базар. Братья хихикают:

— Посмотрим, что дурак купит себе! Наверно, обёртку от чая старую купит.

К вечеру Давадоржи вернулся. Братья спрашивают:

— Что купил? Показывай!

Давадоржи говорит:

— Ничего не купил. Ходил-ходил по базару — ничего мне не понадобилось. Вот монета, берите её обратно.

Совсем рассердились братья:

— Не хотим жить с таким дураком! Убирайся из нашей юрты куда хочешь!

Жалко стало старому отцу своего Давадоржи:

— Куда вы его гоните из родной юрты? Пропадёт он в чужом месте!

— Может, и не пропаду,— говорит Давадоржи.— Слышал я, на западе один старый Мудрец живёт. Спрошу его, как мне жить без юрты, без скота, без лошади.

Надел шапку, попрощался и отправился в дальний путь.

Скоро пришёл в одно ханство, а там у каждой юрты овцы неподвижно лежат, лошади чуть живые бродят и люди кругом исхудалые, печальные.

Давадоржи спрашивает:

— Что у вас тут случилось?

Отвечают люди:

— Скоро месяц, как иссяк наш ручей. Нет у нас больше воды. Без золота прожить легко, без воды — невозможно! Пройдёт немного времени — и все мы помрём.

Давадоржи говорит:

— Иду я на запад к старому Мудрецу счастья себе искать. Спрошу заодно у него, почему ваш ручей иссяк.

И пошёл дальше.

К закату солнца увидел он на пригорке юрту. Из юрты той вышли красавица девушка и старая женщина. Поклонился Давадоржи старой женщине, и она ему поклонилась. Потом он поклонился молодой красавице, а она ему даже не ответила. Тогда старая женщина сказала:

— Не сердись на мою дочь. Она ведь слепая. Живёт от рождения без радости и света.

Сказала так женщина и заплакала.

— Не плачь! — сказал Давадоржи.— Иду я к старому Мудрецу себе счастья искать, спрошу и о твоей дочери: как ей прозреть?

И опять пошёл на запад. Шёл день, другой, третий... на седьмой увидел пещеру у подножия горы. Здесь и жил старый Мудрец.

Увидел старик Давадоржи, спрашивает:

— Какие беды привели тебя ко мне?

Давадоржи отвечает:

— В одном ханстве иссяк ручей. Гибнет там скот, и люди ходят еле живые. И ещё: живёт с матерью слепая красавица. Шестнадцать лет не видит она света, не знает радости. Скажи: что надо сделать, чтобы потёк ручей, чтобы прозрела слепая красавица?

Сказал Мудрец:

— Пусть жители ханства пойдут к истоку ручья. Там они увидят, как им спастись. Слепая красавица прозреет, когда до левой руки её дотронется юноша, предназначенный ей в мужья. Если успеешь передать им мой ответ завтра до восхода солнца, они будут спасены. Не успеешь — всё так и останется, как было.

Поблагодарил Давадоржи старика и поспешил обратно.

— Эй, — крикнул мудрец, — долог твой путь! Вот тебе конь!

Оглянулся Давадоржи — перед ним конь соловый, осёдланный. Вскочил Давадоржи на него и поскакал. Много времени скакал Давадоржи, как вдруг спохватился: ведь он забыл спросить Мудреца, как прожить без юрты, без скота, без денег! Хотел повернуть обратно, но подумал: «Если вернусь, не успею завтра до восхода солнца передать ответ Мудреца. И тогда останется красавица слепой и много людей умрёт от жажды».

— Ладно, — сказал себе Давадоржи, — в другой раз спрошу.

Подъехал он к юрте на пригорке. Навстречу ему опять старая женщина вышла, за ней слепая красавица идёт.

— Слушай ответ мудреца! — воскликнул Давадоржи. — Прозреет твоя дочь, когда дотронется до её левой руки юноша, предназначенный ей в мужья.

— Спасибо тебе! — сказала старая женщина. — Только не знаю, которая рука у неё левая, а которая — правая.

— А вот эта левая, — показал Давадоржи и дотронулся до левой руки красавицы.

И сразу же девушка радостно закричала:

— Вижу! Вижу! И солнце вижу, и степь, и небо — всё вижу! Ах, какая я счастливая!

Мать бросилась обнимать Давадоржи, потом опомнилась и сказала:

— Значит, тебе и быть её мужем. Оставайся с нами жить. Есть у нас юрта хорошая, коровы, овцы. Каждый день будешь есть жирное мясо!

— Не могу я сейчас остаться. Надо мне до восхода солнца поспеть в соседнее ханство. Иначе погибнет там скот и люди умрут от жажды.

Тогда красавица сказала:

— Не хочу с тобой расставаться! Возьми меня с собой.

Посадил Давадоржи свою невесту позади себя на солового коня и помчался. Приехал в соседнее ханство, а там уже люди и двигаться не могут: лежат в юртах, смерти дожидаются.

Крикнул им Давадоржи:

— Идите к истокам ручья — кончатся тогда ваши несчастья!

Отвечают ему:

— Нет у нас сил подняться. Видно, судьба нам умереть от жажды!

Стегнул Давадоржи солового коня, сам поскакал к истоку ручья.

Как приехал, сразу увидел: там лежит мёртвый слон, загородил хоботом ручеёк, вода вся в сторону течёт. Отодвинул Давадоржи хобот — и вода потекла в царство.

— Теперь поедем к моему отцу, — сказал Давадоржи своей невесте. — Пусть посмотрит, какая у меня будет жена! И братья пусть посмотрят, какая ты добрая и красивая.

Приехали они к реке, перебрались на другой берег и слезли с солового коня отдохнуть. Вдруг видит Давадоржи: на песке серебристая рыбка лежит полуживая, красными пёрышками еле шевелит. Должно быть, её волной вынесло на берег.

Жалко стало Давадоржи рыбку. Взял он её осторожно и пустил в реку.

Отплыла немного рыбка и сказала человеческим голосом:

— Стой на месте, никуда не уходи!

И скрылась под водой.

Совсем немного прошло времени, как вдруг из реки выехал всадник на чалом коне, подъехал к Давадоржи, сказал громко:

— Тебя водяной хан зовёт к себе! Едем быстрее!

— Что ты! — говорит Давадоржи. — Зачем я к нему поеду?

— А ты, оказывается, трус! Водяного хана испугался!

— Чего мне его бояться? — говорит Давадоржи. — Давай поедем. Посмотрю я, как живёт водяной хан.

И сказал он невесте, чтобы на соловом коне ехала она к его отцу и там дожидалась своего жениха. Когда невеста уехала, Давадоржи сел позади всадника, и конь сразу же бросился в воду. Давадоржи оглянуться не успел, а чалый конь уже перед ханским дворцом остановился. Вошёл Давадоржи в подводный дворец, а навстречу ему водяной хан. В руках у него рыбка серебристая с красными пёрышками.

— Здравствуй, друг! — говорит хан. — Спас ты от смерти мою дочь любимую.

Только хан слова эти сказал, превратилась рыбка в девушку с серебристым лицом и с красными, точно золото, волосами.

— Оставайся жить у нас! — говорит хан. — Будет тебе дочь моя женой, юрту дам тебе просторную, табун морских коней подарю! Слуг дам тебе верных и быстрых!

Давадоржи ответил:

— Не могу я у тебя остаться. Ждут меня на земле невеста и отец. Кто его без меня кормить будет, старого?

— Если так, не буду тебя держать, — говорит водяной хан. — Дам я тебе на прощание три подарка, а ты уж сам подумай, что

с ними делать. Вот тебе шапка. Наденешь её — никто тебя не увидит. Вот тебе молоток золотой. Ударишь им семь раз по земле — появится золотая юрта. А вот тебе шуба баранья. Наденешь шубу, тряхнёшь ею три раза — дождь с неба польётся. Три часа ливень идти будет.

И с этими словами приказал хан проводить Давадоржи на берег.

Сел опять Давадоржи на коня — вмиг на берегу оказался.

Слез с коня, а тот — сразу в воду, словно никогда его и не бывало.

Идёт Давадоржи домой, спешит; на плечах шуба баранья накинута, в рукав шапка-невидимка спрятана, за пазухой молоток золотой лежит.

К закату солнца увидел Давадоржи родной дом; надел на себя шапку — стал невидим. Смотрит: рядом с их старой юртой новая стоит. Подошёл Давадоржи к новой юрте, слышит, как старший брат говорит:

— Нельзя больше в этой степи жить! Солнце всю траву выжгло, скот вымер, верблюды и те околели. Остался один соловый конь, на котором невеста дурака к отцу приехала. Давай уедем отсюда!

Другой брат отвечает:

— Разве можно уложить на одного солового коня и нашу юрту и отцовскую? Да ещё посадить на коня невесту дурака?

Рассердился старший брат:

— А зачем нам отца с собой брать? Он уже такой старый, что даже овец пасти не может. И невесту дурака здесь оставим. Вечером, как лягут они спать, мы сядем на солового коня, возьмём свою юрту и откочуем к реке.

Не стал Давадоржи мешать братьям. Украли они ночью солового коня и откочевали. А Давадоржи вошёл неслышно в своей шапке-невидимке в отцовскую юрту, лёг у входа и накрылся бараньей шубой.

Утром, как показалась заря, Давадоржи проснулся и снял с себя шапку-невидимку.

Бросился к нему отец, невеста подбежала. От радости не знают, что и говорить. Обнимают, чаем с молоком угощают.

Давадоржи сел чай пить. Отец говорит:

— Хорошо, что ты приехал! Беда у нас: два месяца дождей нет. Вся трава выгорела. Негде пасть скоту, он и погиб весь. Надо отсюда откочевать скорее. Сейчас пойду братьям твоим скажу, чтобы готовились откочевать.

Давадоржи отца остановил:

— Не ходи! Братья ночью откочевали на моём соловом коне, а вас здесь умирать оставили.

Отец опечалился, потом стал ругать неблагодарных сыновей:

— Хоть бы кусок войлока оставили — юрту починить: вон какая стала ветхая!

— Этой беде помочь можно, — сказал Давадоржи.

Вышел он из юрты, отошёл на семь шагов, вынул золотой молоток, ударил им семь раз по земле. Сразу же на этом месте встала золотая юрта. Так блестит, что глазам больно.

Сначала отец сильно обрадовался золотой юрте, а потом сказал:

— Зачем нам золотая юрта, если все соседи откочуют отсюда? Нельзя здесь оставаться... Видишь, трава вся выгорела — негде скоту пастись.

На эти слова Давадоржи ничего не сказал, надел на себя баранью шубу, потрянул её трижды — и сразу дождь хлынул. Три часа дождь лил не переставая. А когда кончился, травы в степи зазеленели, ожили овцы, замычали громко коровы.

— Эх, — говорит отец, — теперь бы нам лошадь!

Не успел он сказать так, топот конский раздался. Это прибежал соловый конь. Увидел соловый своего хозяина Давадоржи, заржал весело и у юрты золотой остановился.

А на другой день братья вернулись чуть живые. Рассказали, что скинул их соловый конь посреди степи и помчался назад... Пришлось им бросить в степи свою юрту и брести домой пешком. Еле добрались.

Давадоржи говорит:

— Ладно! Живите с нами. Всем места хватит.

Отец нахмурился, однако спорить не стал, а тоже сказал:

— Пусть живут. Только им малость ума добавить надо.

Взял он кнут и принялся за неблагодарных сыновей. Бьёт да приговаривает:

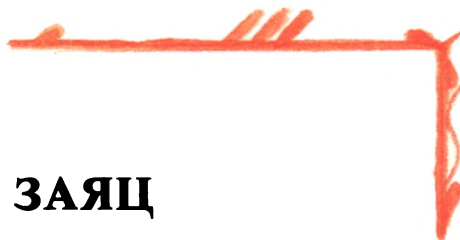
— Не для себя человек рождается, а чтобы другим от него ладно было! Думайте о других, и вам хорошо будет!

УДРЫЙ ЗАЯЦ

Монгольская сказка

Одна овца отбилась как-то от стада, заблудилась и встретила в степи волка. Хотел волк сразу же задрать овцу, а потом рассудил: «Если задеру овцу в степи, мне её придётся тащить на себе до самого логова. Лучше я пригоню её в лес, там и съем».

Погнал волк овцу в лес. Гонит час, гонит два, совсем уже недалеко до логова осталось. Видит овца, что смерть её за хвост хватает, а как спастись — не знает. Вдруг из-за куста выпрыгнул заяц.

— Ах, заяц! — заблеяла овца. — Гонит меня волк к своему логову, съесть собирается.

— Конечно, съем! — зарычал волк. — Видишь вон тот овраг? Там я тебя и задеру!

Заяц почесал лапкой свои длинные уши и молвил:

— Уж раз волк сказал, что съест, значит, съест. Никуда тебе, овца, не деться. А только нет ли за оврагом охотников? Вы подождите, а я сбегаю посмотрю.

— Хорошо придумал! — обрадовался волк. — Сбегай посмотри!

Волк и договорить не успел, а заяц уже исчез. Только помчался заяц не за овраг, а к покинутому стойбищу. Он нашёл кусок войлока и здесь же подобрал красную бумагу от чайной обёртки. Схватил их заяц и поскакал обратно.

— Ну что, — спрашивает волк, — нет там охотников?

— Охотников там нет, — отвечает заяц. — А вот посмотри да послушай, какой я нашёл ханский указ.

Сказав так, заяц уселся на войлок, развернул перед собой красную бумагу и, сделав вид, что читает, зашевелил губами:

— «Приказал великий хан сшить себе шубу из семидесяти семи волчьих шкур. Ныне шуба эта готова. Недостаёт только одной шкуры на воротник. Повелевает великий хан всем, кто знает, где волчье логово, сразу же сказать о том хану».

Прочёл заяц эти слова — и ну бежать! Волк, конечно, подумал, что заяц побежал к хану рассказать, где волчье логово находится, да и понёсся в соседний лес. А когда волк скрылся из виду, заяц вернулся снова к овце.

— Иди, овца, домой! — сказал заяц. — Да помни: не велика хитрость среди овец прожить — велика хитрость зайцу волка бежать заставить!

УЖ И ЖЕНА

Норвежская сказка

Жил один крестьянин. Он всегда сердит был, вечно ворчал. Как-то вечером вернулся муж с сенокоса и принялся кричать на свою жену и всячески её ругать.

Наконец он до того разошёлся, что у жены всякое терпение лопнуло. Она сказала:

— Вечно ты недоволен! Ворчишь, орёшь и ругаешься, как на базаре. Если хочешь, поменяемся работой: я пойду косить сено, а ты оставайся дома и хозяйничай!

Муж ответил:

— Хорошо, это по мне! Давай так и сделаем!

На другой день, на рассвете, жена взяла косу и пошла с косарями на луг косить сено, а муж остался хозяйничать в доме.

— Не забудь принести мне обед в поле! — сказала жена перед уходом.

— Ладно, — сказал муж, принимаясь за дело.

Начал он с того, что стал сбивать масло. Поработав немного, он захотел пить; взял кувшин и пошёл в погреб нацедить себе пива.

Вот вынул он из бочки втулку и поставил кувшин под струю пива. Но в это время услышал, что в дом забрался поросёнок.

Крестьянин со всех ног кинулся из погреба в избу, чтобы не дать поросёнку сожрать всё масло.

Когда крестьянин прибежал, то кадушка с маслом была опрокинута и поросёнок спокойно доедал остатки сметаны.

Рассвирепел муж, забыл о бочке с пивом и бросился за поросёнком. А тот — удирать. У порога крестьянин настиг поросёнка и так хватил его сапогом в ухо, что поросёнок свалился замертво.

Тут только муж заметил, что всё ещё держит втулку в руке. Он помчался обратно в погреб, чтобы заткнуть бочку втулкой, но, оказывается, пиво уже всё вытекло.

В кладовой муж нашёл ещё несколько горшков со сметаной, наполнил ею маслобойку и снова стал сбивать масло.

Вдруг он услышал громкое мычание коровы. Догадался крестьянин, что корова стоит в хлеву до сих пор не кормленная, хотя солнце уже высоко.

Стал мужичок раздумывать: погнать в поле корову — поздно, не погнать — нельзя. И решил он пустить корову на крышу.

крытую дёрном: свежая, сочная трава покрывала всю крышу.

Около избы был небольшой холм. Муж перебросил две доски с этого холмика на крышу и ввёл на неё корову.

«Теперь-то уж я буду поумней! — подумал он. — Не оставлю маслобойку в избе, а то ещё сынишка, ползая по полу, зацепит её и опрокинет».

Поэтому муж привязал маслобойку себе на спину и пошёл с ведром к колодцу, так как он решил напоить корову.

Едва наклонился он за водой, как сметана из маслобойки полилась ему на голову, а потом в колодец!

Что тут делать? Стал он ругаться и проклинать и корову, и жену, и всё на свете. А уж был полдень, и он и жена теперь остались к обеду без масла.

«Сварю-ка я на обед овсянку!» — подумал муж и поставил на огонь котёл с водой.

Но тут ему пришло в голову, что корова может упасть с крыши и сломать себе ноги.

Поэтому муж взобрался на крышу, одним концом верёвки обмотал шею коровы, а другой конец пропустил через трубу. Войдя в избу, он крепко привязал этот конец к своему поясу.

В это время вода в котле уже кипела и пора было засыпать в неё крупу.

Вдруг с крыши донёлся грохот: это свалилась корова и потянула своего хозяина через трубу.

И что же?

Корова, упав с крыши, повисла в воздухе, а мужик висел в трубе над котлом и коптился.

И оба никак не могли освободиться.

На их счастье, пришла с сенокоса жена крестьянина. Она проголодалась и, не дождавшись обеда, решила сама прийти домой и приготовить еду.

Подошла она к дому да так и ахнула: висит корова между небом и землёй, а из печной трубы несутся отчаянные крики мужа.

Вот уж когда она посмеялась, перерезая верёвку, на которой висели и муж и корова!

Корова упала, но поднялась и пошла прихрамывая. А хозяин, весь в саже, выпал из трубы прямо в избу.

Ну ничего — все остались живы и здоровы. Но только муж с тех пор навсегда запомнил, что бывает с сердитыми, ворчливыми людьми, когда они берутся не за своё дело.

КОРОЛЬ-ПОДПАСОК

По мотивам польских сказок

Жил-был когда-то мужичок по имени Бурачок. Не силой силён был, а умом, не хитростью, а справедливостью. Одним словом, из крестьян — крестьянин, из простых — простой, вот он какой. Кто обижен — к нему; кто заносчив — прочь идёт: такому лучше с мужичком Бурачком не встречаться. Он и рассудит, и осадит, а коли надо, и в лужу посадит. Потом народ не забудет, век смеяться будет. Так-то.

Сидел одним праздничным днём мужичок Бурачок в корчме и думал думу. Ещё бы ему не задуматься, если единственная его дочь полюбила королевича и королевич глаз из-за неё не смыкает. А король-отец гневается: королевич — и чтобы на простолюдинке, на крестьянской дочери женился!

— Не бывать тому! — говорит. — Её дело коров доить, рядно ткать, обед готовить, а не в королевском дворце шелками шуршать, красотой блистать, по залам похаживать!

А дочь крестьянская плачет, слезами заливается:

— Отец, помоги!

И королевич от неё не отходит, просит.

— Без неё жить не могу, — говорит. — А отец-король не только жениться не разрешает, ещё в замке запереть за каменные стены грозит.

И народ волнуется. Неужто мужичок Бурачок не поможет, любящим сердцам соединиться не даст?

Вот и надумал мужичок Бурачок:

— Я не я буду, если короля не одолею и дочку свою замуж за его сына не выдам, потому что любви не препятствовать, а помогать надо. Наливайте, друзья, чарки, пейте за здоровье жениха и невесты. Где королю со мной, мужичком Бурачком, спорить! Я кого хочешь одолею! Слышали, люди, что мужичок Бурачок сказал?

А слышали то не только люди, но и сам король услышал. Он в ту пору мимо ехал и возле корчмы у окна остановился. Как донеслись до него слова мужичка Бурачка, так он со злости затрясся, коня плетью хлестнул и скоком поскакал напрямиком к старику, к старику — злому колдуну.

Жил колдун возле болота, у самой трясины, в маленькой избушке-развалюшке. Он короля встретил, выслушал, в избушку ушёл и оттуда сладкое зелье вынес. Подал с поклоном и говорит:

— Только выпьёт мужичок сладкое зелье, тотчас превратится хоть в гуся, хоть в пса, в кого пожелаешь, а человеческий облик свой не вернёт, пока ты сына своего на его дочери не женишь!

Бросил король старику колдуну золотой и поскакал назад, а зелье из руки не выпускает.

Вернулся во дворец, велел мужичка Бурачка привести. А тот ничего не ведаёт, радуется: мол, король его сам приглашает.

— Никак ты, собачья кровь,— сказал со злобой король,— со мной, королём, породниться хочешь?

А мужичок Бурачок не растерялся, ответил:

— Не я породниться хочу, а дети наши друг друга полюбили!

— Ну что ж,— сказал король,— слышал я твою похвальбу в корчме, что ты меня одолеть обещался. Да ведь и я, твой король, не отступлю: как сказал — так и будет. На вот, выпей напоследок и уходи, а там увидишь, узнаешь!

Хлопнул в ладоши — и поднесли слуги мужичку Бурачку сладкое зелье. А король с него глаз не спускает.

Что тут делать? На пол уронить, чтобы потом люди сказали, что у мужичка Бурачка, только ещё спор начался, и уже руки дрожат? Нет, не таков мужичок Бурачок! Он зелье взял и говорит:

— Не боюсь ни тебя, король, ни зелья твоего! Всё равно правда верх возьмёт, мужичок Бурачок своего добьётся!

Сказал так и одним духом зелье выпил. Только выпил, король его и заколдовал:

— Будешь ты страшилищем, Драконом огнедышащим, ненавистным. Жить тебе на цепи в замке да, мало того, моего же сына-королевича сторожить, чтобы он на твоей дочери тайно или хитростью не женился. И покуда я не пожелаю, чтобы эта свадьба была — а ей никогда не быть! — не быть тебе мужичком Бурачком, не быть человеком!

Только сказал он эти слова, как гром среди ясного неба грянул и превратился мужичок Бурачок в страшилище, в Дракона: крылья распротёр, взлетел и напрямиком в замок, на цепь длинную угодил, королевича сторожить.

Которую ночь не спит королевич. Ноет его сердце, из глаз слёзы льются. Сторожит его страшный Дракон, возле самого моста, что из замка ведёт, на цепи сидит: глаза горят, не закрываются, не смыкаются.

И как же им смыкаться, когда болит душа у мужичка Бурачка и за дочку свою любимую и за королевича. Сидит на цепи мужичок Бурачок в образе Дракона ненавистного, огнедышащего. Да просчитался старик колдун, и король просчитался: каким был мужичок Бурачок смелым, справедливым, таким и остался; колдуй не колдуй — только по виду Дракон, а сердцем прежний!

Сидит он на цепи и только о том думает, как бы молодым помочь. А чтобы людей есть — ни-ни! Недаром он Бурачком назывался. При его бедности он мяса и в глаза не видал. Ему бы сейчас похлёбки луковой, брюквы или свёколки!

А Дракону пленного рыцаря бросили на съедение.

— Жри человечину, — говорят, — да сторожи королевича лучше!

Лежит Дракон, голодает, не сдается.

— Нипочём, — говорит, — не будет по-твоему, по-королевскому, а сбудется всё, как я сказал-обещал!

Смотрел, смотрел на него королевич, а как ночь пришла, не удержался, спросил:

— Что это ты, Дракон страшный, меня сторожишь, которые сутки голодом себя моришь, ничего не ешь?

— Да как же мне живого человека есть! — сказал Дракон, а признаться, что он мужичок Бурачок, ему колдовство не дало. — Что я, людоед какой-нибудь? Ты только сам посуди, я люблю овощи огородные, свеженькие, яблочко из сада наливное, а меня рыцаря в латах поедать заставляют! Ты бы, королевич, сказал своей ненаглядной, чтобы она старику свёколки сахарной принесла!

— А не съешь ты мою суженую-любимую? — спросил королевич. — Обещаешь?

— Что ты говоришь! — вскричал Дракон, а сам трясётся: ну

виданное ли дело, чтобы отец собственную дочь съел! Такого и в сказках не бывает!

Да как скажешь, что она дочь его любимая, колдовство ведь не позволяет!

Поверил всё-таки королевич Дракону. Вот и стала по вечерам дочь мужичка Бурачка в замок ходить, сахарную свёколку Дракону носить. Пока он свёколку ест и, на дочь глядя, слезами обливается, молодые между собой шепчутся, не нарадуются.

Прошло столько-то дней; видит Дракон, привык к нему королевич, словам его верит, зла не ждёт. И сказал Дракон:

— Пришла пора, королевич, от слов к делу переходить. Найди ты в замке пилу, чтобы железо пилила. И освободи меня от ошейника, от цепи тяжёлой. А уж я тебе век буду благодарен.

И то правда была: крайний срок настал. Королевский министр-то заприметил, что Дракон от человечины отказывается, тотчас побежал королю доносить.

— Так и так, — говорит, — ваше величество, Дракон себя голодом морит, одной брюквой и свёклой питается, а пленный рыцарь до того осмелел, что у него на хвосте, как в люльке, лежит, день-деньской спит, поправляется.

Рассердился король и велел наутро к нему Дракона привести, чтобы его судьбу решить.

А в это время королевич пилу достал и той же ночью Дракона от тяжёлой цепи и от ошейника освободил.

Полетел Дракон к дворцу короля, королеву и их дочь единственную, сестру королевича, как были они сонные, схватил, с ними в небо поднялся и понёс быстрее ветра за леса, горы, в неведомые страны.

Ну и чудеса! Оказались король вместе с супругой своей и с дочерью в чужедальной стороне, в не своём царстве, в одних рубахах ночных: ни тебе власти, ни слуг, ни денег, не то что золотых или серебряных, гроша ломаного, медного и того нет! Ну как быть? Как жить?

И жена-королева злится. Дочь рыдает! Хоть сам плачь! А Дракон исчез.

Пошёл король на работу наниматься. А его никто не берёт. Ещё бы! Что ни спросят, ничего-то он делать не умеет! Только что повелевать. Так ведь эта работа нынче не в цене!

Пришлось королю-отцу наравне с тамошними деревенскими мальчишками в подпаски пойти. Пасёт он овец, за день вон как избегается, а ведь сам-третий, уж о каких деньгах мечтать, только бы три ломтя хлеба заработать да похлёбки!

Однажды хлебал король с королевой и дочерью своей эту похлёбку, а в ту пору мимо них здешнего царя сын ехал. Увидел он королевскую дочь, влюбился. Ему жениться пора, ему прин-

цесс сулят, королевских дочерей, царских, а он одно твердит:

— Никого не надо! Только одну люблю, что со своим отцом, подпаском, похлёбку в деревне хлебает!

Царь просто с ног сбился: уговаривал, уговаривал, кричал, гневался, скипетром ему грозил и державой! А сын ни в какую.

— Подавайте,— говорит,— ту, или я не царский сын? Или моё слово не слово?

Что делать? Видит царь: сын твёрд. Послал своего министра к королю-подпаску дочь его сватать. А подпасок-то вдруг и говорит:

— Я бы не против за вашего царевича дочку выдать. Да, сказать по правде, заголодались мы очень, так вот и хотел я спросить, царевич-то ваш как, ремесло какое-нибудь знает?

Удивился министр.

— Ты в своём ли уме, старик? — говорит.— Какое ещё царевичу ремесло знать надо? Ему царством владеть предстоит, а ты плетёшь несурязицу.

— Э-э, милый мой! — сказал король-подпасок.— Насчёт царства ты мне не говори. А только знай, что пока царевич ваш мастерство какое ни на есть не изучит, до тех пор я за него дочь не отдам.

Вернулся в царский дворец министр, доложил, а там руками развели. Ну и ну! Казалось бы, подпасок-старик от счастья незнамо как радоваться должен, а он, подумайте только, ещё условия какие-то выставляет!

Пошёл министр к королю-подпаску в другой раз. А тот опять своё:

— Пока царский сын мастерство не изучит, дочь за него не отдам!

Пришлось царскому сыну за дело приниматься. Походил он по городу, посмотрел, зашёл в кузницу, видит: кузнец молотом поигрывает. Ну, молод был царевич, силён, да любовь им завладела, а ради неё чего не сделаешь! Вот и научился он, хотя и немногому, а научился подковки ковать.

Отобрал ту, что получше, и понёс царский министр её королю-подпаску, подал в руки и говорит:

— Вот оно, мастерство царевича нашего!

Оглядел король-подпасок подковку, усмехнулся:

— Если на базаре продавать, почём за неё заплатят?

— Царям бесплатно,— сказал министр,— а с тебя меньше пятака не возьмут!

— И то дело! — сказал король-подпасок.— Царевич, он молодой, за день, коли понадобится, сколько их выковать сможет! Ну, министр, видать, царевич ваш человеком стал. Теперь и я согласен! Сыграем свадьбу.

А когда они во дворец приехали, король обо всём, что с ним случилось, царю и рассказал. А уж тот на радостях, что сын его на настоящей королевской дочери женится, тут же, после свадьбы, снарядил молодых и короля с королевой в дорогу и отправил за горы, за леса, в страну, откуда короля Дракон унёс.

Только туда приехали, король-отец напрямик в замок. И что он видит: возле башни влюблённые сидят — сын его родной и дочь мужичка Бурачка,— шепчутся, друг на друга не наглядятся, а на мосту Дракон лежит и спокойно сахарную свёколку пожёвывает.

Подбежал к ним король. А молодые с мест повскакали.

— Отец, отец! — сказал королевич.— Мы тебя ждём не дождёмся! Неужто ты в такой светлый день нас не пожалеешь, не благословишь?

А Дракон один глаз прищурил, сказать не мог, так про себя подумал: «Где королю со мной, мужичком Бурачком, спорить!»

Тут король заплакал на радостях и говорит:

— Дети мои милые! Любите друг друга. Пожил я на свете и понял: королём-то неплохо быть, а в наше время мастерство-ремесло каждому человеку знать надо. Случись беда, будет тебе, сынок, крестьянская дочь в помощь: она и коров доить умеет, и обед сготовит, а коли надо, мастерством отличится — и пряжу спрядёт и рядом соткёт. Благословляю вас! Женитесь!

Только сказал это, как вдруг гром среди ясного неба грянул. Дракон свои свёколки сахарные жевать бросил и... превратился, как был, в мужичка Бурачка.

Тут свадьбе начало и сказке конец.

АЯЦ В ГОСТЯХ У СЛОНА

Сказка народа ламба, Родезия

Задумал Слон пир устроить. Наварил пива, созвал зверей и сказал им:

— Этим пивом я буду угощать только рогатых, а безрогие пусть не приходят!

Все звери боялись Слона, слушались его. Но Заяц подумал: «Хорошее пиво у вождя. Как бы мне его отведать?»

И решил обмануть Слона.

Спрятался Заяц в кустах и стал подкарауливать молодого Оленя. Когда тот проходил мимо, Заяц прыгнул ему на спину, быстро срезал рога и приклеил их себе на голову.

Теперь Заяц смело отправился в гости к Слону на угощение.

Когда Слон увидел Зайца, он удивился, но сказал:

— Самые лучшие рога у Зайца! Ему и почёт — пусть он разливает пиво!

Другие звери тоже стали хвалить заячьи рога. А Заяц принялся разливать пиво и, пожадничав, налил себе больше всех.

Он так много выпил пива, что опьянел, этот рогатый Заяц.

И тут вдруг к Слону на угощение пришёл старый Олень. Заяц спросил его:

— Почему ты так поздно? Разве ты безрогий?

— Я пришёл посмотреть, как ты пьёшь пиво, — ответил старый Олень и сел в стороне.

Потом потихоньку наклонился к Зайцу и сказал ему шёпотом на ухо:

— Что приклеится, то отклеится!

Тут все гости стали спрашивать Зайца, что шепнул ему Олень.

В ответ Заяц рассмеялся и сказал:

— Стоит ли обращать на него внимание? Старый Олень так наелся на пиру, что бормочет какой-то вздор.

Услышав это, старый Олень снова сказал, но уже громко:

— Что приклеится, то отклеится!

Увидел Заяц, что все на него смотрят, испугался, задрожал, а рога-то у него тут отклеились и упали на землю.

Вскочил Заяц и со всех ног бросился бежать.

УДРАЯ ДОЧЬ БЕДНЯКА

Румынская сказка

178

Было это очень давно. Жили муж с женой, такие бедные, что не было у них и плошки воды напиться. Работал бедняк вместе со своей женой с утра до тёмной ночи, до седьмого пота — и хоть бы какая удача!

Скитались они со своим скарбом то туда, то сюда и никак не могли найти местечка, где бы им пристроиться.

Когда бедняк возвращался с работы, хилые, голодные, измученные дети встречали его плачем и криком:

— Есть хочу! Есть хочу!

Бедняк просто голову терял: к которому прежде повернуться? Отдавал он детям всё, что за целый день сумел заработать.

Да разве насытишь их этими крохами?

Сколько раз, бывало, отец и мать ложились спать не евши. У отца с матерью сердце разрывалось от жалости к детям. А что поделаешь? Оставалось только обещать, что завтра будет лучше. И дети засыпали в надежде, что завтра и на самом деле будет лучше.

Пошёл однажды бедняк к боярину, у которого работал, и попросил у него места для землянки. Пожалел его боярин и говорит:

— Вижу, человек ты трудолюбивый, работаешь с утра до ночи, а толку нет. Решил я подарить тебе клочок земли. Поди выбери себе какой нравится и принимайся строить землянку.

— Спасибо, ваша милость! — ответил бедняк.

И, не долго думая, выбрал себе клочок земли, а к вечеру, глядь, яма для землянки была уже вырыта.

Да только не повезло бедняку!

Место, которое он выбрал, пришлось рядом с землёй богатого соседа. И до того высоко задирает нос этот богач, что жердью до него не дотянешься.

Ночью — и как только это приключилось! — соседская овца упала в яму, вырытую бедняком, и околела.

Увидел утром сосед, что овца его издохла, заорал во всё горло, схватил бедняка и потащил к боярину на суд.

— Ваша милость, — сказал богач, — вы пожалели этого проходимца и дали ему клочок земли. А он — будь он трижды проклят! — рядом с моей землёй вырыл яму, большую-пребольшую, только для того, чтобы насолить мне! Свалилась в эту яму моя овца и околела. Посудите сами, разве теперь он не должен уплатить мне? Он говорит, будто ему нечем. А мне-то какое дело?

— Ваша милость, — смиренно сказал бедняк, — что мне сказать? Убейте меня, казните! Всё было так, как говорит мой сосед. Но яму я вырыл только для того, чтобы построить землянку. И в голову мне не приходило кому-нибудь повредить. Судите же меня по справедливости! Ведь я овцу в яму не толкал — она сама туда свалилась.

Задумался боярин. Не разберёт, кто тут прав, а кто виноват. Подумал, подумал и сказал:

— Вот что. Загадаю я вам три загадки; кто лучше ответит, тот и прав. Через три дня приходите с ответом. Первая моя загадка такая: «Что на свете самое жирное?» И моя вторая загадка: «Что на свете самое быстрое?» Третья моя загадка: «Что на свете самое хорошее?» Даю вам сроку три дня. Но если не разгадаете загадок, то быть вашей голове там, где ваши ноги!

Пошли бедняк и богач по домам. Всю дорогу богач хвалился, что уж он-то разгадает загадки! В самом деле, ничего не может быть легче: самое жирное на свете — это его свинья, так как сала на ней с вершок толщиной... А бедняк, не зная, что ответить, плакал так, что чуть землю слезами не затопил.

Вернулись они оба домой. Богач весёлый — уверен, что выиграет дело. А бедняк печальный — на успех не надеется.

Собрались вокруг бедняка дети и тоже начали плакать. И в доме у них такой плач стоял, что просто дрожь пробирала от жалости.

Вот тут надо сказать, что была у бедняка старшая дочь — рассудительная, умная. Стала она расспрашивать отца, что за горе приключилось с ним.

— Беда стряслась, дочка, — сказал бедняк. — Приказал боярин разгадать какие-то загадки. Их и учёные-то люди разгадать не смогут, а где уж мне...

— Скажи, отец, какие загадки, — попросила старшая дочь. — Может быть, мы тебе поможем.

— Как вы поможете мне, — сказал бедняк, — если и мамалыгу-то толком есть не умеете!

— Кто знает! — сказала старшая дочь. — Может, и мы на что-нибудь годимся.

Тогда бедняк рассказал, что случилось и какие загадки загадал боярин.

— «А если не ответите, говорит, тогда быть вашей голове там, где ваши ноги!»

Задумалась старшая дочь бедняка, а потом сказала:

— Не печалься, отец! Ничего с нами не случится. А как станешь собираться к боярину, я тебе скажу кое-что.

Наступило утро, пришло время бедняку идти к боярину.

Дочь шепнула отцу, что ему отвечать.

Вот пришли бедняк с богачом к боярину. Богач гордый, грудь вперёд выставил; а бедняк согнулся так, что, того и гляди, рваная сермяга на нём затрещит.

Вот и спрашивает боярин богача:

— Так как же, братец, что на свете самое жирное?

— Да что же, ваша милость, может быть жирнее моей свиньи? На ней сала с вершок! — смело ответил богач.

— Вздор городишь! — сказал боярин. — Ну, а ты что скажешь? — спросил он бедняка.

— Думаю я своим дурацким умишком, — сказал бедняк, — что самое жирное на свете — земля. Она, кормилица, даёт людям всё.

— Верно! — воскликнул боярин. — Теперь скажите: а что самое быстрое на этом свете?

— Мой конь, — ответил богач. — Когда я пускаю его на волю, он мчится по холмам и долинам так быстро, что и копыт не увидишь.

Бедняк же сказал:

— Уж куда мне лезть вперёд с моим умишком, но думаю я, что ничего нет быстрее мысли.

— Твоя правда, — сказал боярин. — А сосед твой всё врёт. Ну, теперь отвечайте: что самое хорошее на этом свете?

— Нет ничего лучше на этом свете, — ответил богач, — чем справедливый суд твоей милости.

— А мне, глупому, сдаётся, — сказал бедняк, — что на свете нет ничего лучше правды.

— Вот это верно! — сказал боярин. Потом, повернувшись к богачу, сказал: — Убирайся прочь, глупый человек! Ты не ответил ни на один мой вопрос.

А когда тот ушёл, боярин спросил бедняка:

— Скажи-ка, братец: кто научил тебя отвечать так разумно?

Смутился бедняк: боялся он говорить правду — как бы чего дурного не вышло. Однако делать нечего, рассказал про свою дочь. Тогда боярин, дивясь про себя сметливости бедной девушки, приказал, чтоб она завтра же явилась к нему. Но с условием — чтобы была ни одетой, ни раздетой, ни верхом, ни пешком и чтобы шла ни по дороге, ни околицей.

Услышал это бедняк и, придя домой, принялся так стонать и охать, что просто слушать было невозможно. А старшая дочь его и говорит:

— Не бойся, тятенька, не ударю я в грязь лицом! Достаньте мне только двух кошек.

Как только утро настало, набросила на себя девушка рыбацкую сеть, взяла под каждую руку по кошке, села на козла и отправилась на боярский двор. Едет она верхом, да и можно сказать, что идёт пешком: козёл был роста маленького, и ноги девушки то и дело касались земли. Нельзя было также сказать, чтобы она ехала по дороге или около неё. Козёл прямой дороги не любит: то бредёт он вдоль какого-нибудь забора, то переходит на другую сторону. И была дочь бедняка в рыбацкой сети — ни одета, ни раздета.

С грехом пополам добралась она до боярского двора. Как увидели её слуги, так просто остолбенели. Но боярин никак не хотел признать, что дочь бедняка умнее его. Со злости приказал он спустить на девушку с цепи двух дворовых собак. Кинулись собаки на дочку бедняка. Но она выпустила кошек, и собаки погнались за кошками. Тогда дочь бедняка подъехала на своём козле к самому боярину, как ей было приказано.

Нечего было делать — пришлось боярину принять сметливую девушку. И задумал он выдать её замуж за своего самого верного слугу. Велел нарядить девушку в дорогие платья. Разоделась бедняцкая дочь, да такая стала красивая, что боярин в жизни эдаких не видал. Тогда он тут же решил сам на ней жениться. Перед тем как обвенчаться, он сказал:

— Беру тебя в жёны, но с уговором: без меня никаких споров не решай.

Девушка согласилась.

Много ли, мало ли времени прошло после их венчания —

поехал однажды боярин по своим делам, и пришли на его двор два крестьянина. Вышла на крыльцо боярыня; стали мужики жаловаться ей и просить разрешить их спор. Она же только слушает их и ни слова в ответ не говорит.

Один крестьянин сказал:

— Нужно мне было съездить по делам, да вот сломалось колесо. Как же я запрягу лошадь в телегу с тремя колёсами? Попросил я у соседа — вот у этого самого — колесо взаймы. Что правда, то правда, одолжил мне он вчера вечером колесо, и думал я, что с рассветом поеду. И что же вы скажете? Этой ночью разродилась моя лошадь жеребёнком...

Тогда тот сосед, что одолжил ему колесо, прервал его рассказ:

— Не верь ему, боярыня, сохрани тебя бог! Это моё колесо жеребёнка принесло.

А боярыня сидела на своём крыльце, слушала да помалкивала.

Подождали-подождали крестьяне и видят, что боярыня не пытается рассудить их; спросили её:

— А куда же, сударыня, ушёл боярин?

— Он ушёл, — говорит дочь бедняка, — на берег пруда. Там стоит мешок с кукурузой, вот боярин и хочет посмотреть, не съели ли эту кукурузу лягушки; они по ночам выскакивают на берег.

Переглянулись крестьяне и пошли прочь. Дошли до ворот ограды да стали спрашивать друг друга:

— Что же сказала нам боярыня? Разве могут лягушки есть кукурузу?

Судили они, рядили, думали-думали, вернулись к боярыне и спрашивают:

— Разве могут лягушки есть кукурузу?

— Не знаю, могут ли лягушки есть кукурузу, — отвечает боярыня, — но знаю, что колесо не может принести жеребёнка. Пошли тогда крестьяне домой.

Теперь понятны им стали хитроумные слова этой женщины. Удивились они её мудрости.

Вернулся боярин домой и спрашивает:

— Был ли кто здесь в моё отсутствие? И не случилось ли чего?

И рассказала дочь бедняка всё, как было. Вот, мол, кто был без тебя, зачем приходили и что я им сказала.

Рассердился боярин.

— Нарушила ты своё обещание и разрешила спор без меня. Дальше вместе мы жить не можем. Возьми из моего дома что тебе всего дороже и уходи к себе домой!

— Твои слова для меня закон, на то ты мне и муж,— сказала боярыня в ответ,— но только я ни в чём перед тобой не виновата: не разбирала я спора этих людей, а только сказала им, куда уехал хозяин. Если же ты решил выгнать меня, я перечесть не буду. Только об одном прошу: позволь мне повеселиться в последний раз.

Согласился боярин и приказал устроить большой пир. Позвали они друзей и родственников. Пили, ели, веселились сколько душе угодно. Жена всё подливала да подливала вина в стакан боярина, а он пил да пил, стакан за стаканом, пока не заснул. Тогда боярыня взвалила его себе на спину, отнесла к своему отцу и уложила спать на печку.

Проснулся на другой день боярин, спрашивает:

— Где же это я?

Жена объясняет, что он находится в доме её отца.

— Ты меня прогнал,— сказала она,— но позволил мне взять с собой то, что мне всего дороже. Я так и сделала. Дороже всего мне мой муж, я его и взяла.

Услыхал боярин разумные слова и сказал:

— Пойдём-ка, жена, домой и будем жить с тобой в мире да согласии. Теперь только я вижу, какое сокровище ты у меня.

Сел я в коляску и рассказал вам эту сказку.

УМНЫЙ ВРАЧ

Сказка народа суахили, Танганьика

Жила одна женщина, которая была так толста, что уж и ходить могла с трудом. Пошла она к врачу и попросила лекарство, чтобы похудеть. Усадил её врач и долго расспрашивал о болезни. Женщина рассказала, что она всё толстеет и толстеет и боится, что скоро лопнет.

— Я прошу у вас, доктор, настоящего, хорошего лекарства! — взмолилась она.

— Плати деньги и приходи завтра! — сказал ей врач.

Женщина заплатила много денег и ушла.

На другой день она опять пришла к врачу. Врач осмотрел её с головы до ног, заглянул в рот, пощупал руки и ноги и сказал:

— Уважаемая госпожа, я прочёл двадцать одну тысячу семьсот восемьдесят три книги и рассмотрел восемнадцать миллионов звёзд. И вот я узнал, что ты должна умереть через семь дней. Поэтому к чему тебе лекарства? Иди домой и жди смерти!

Толстая женщина, услышав такой приговор врача, сразу задрожала от страха. И в пути и дома она день и ночь думала только о своей смерти и считала, сколько часов остаётся ей жить на свете.

Она ничего не ела, не пила и не спала по ночам. И худела не по дням, а по часам.

Прошло семь дней. Женщина легла и стала ждать смерти. Но смерть и не думала к ней приходить.

Наступил восьмой день, потом девятый, а смерть всё не являлась.

Наконец не выдержала женщина и побежала к врачу. Теперь-то бежать могла она легко — ведь она сильно похудела.

— Ты очень скверный врач! — закричала она. — За что ты взял с меня деньги? Ты обещал мне мою смерть через семь дней, а сегодня уже десятый день, мошенник ты этакий, а я всё живу!

Врач спокойно выслушал её и спросил:

— Скажи мне: ты теперь толстая или худая?

Женщина ответила:

— Я страшно исхудала! От страха смерти исхудала!

Тогда умный врач сказал ей:

— Ну, так вот этот страх и был для тебя лучшим лекарством. А ты ещё говоришь, что я плохой врач!

Женщина рассмеялась, и они расстались друзьями.

КАК ОСЁЛ...

Сказка народа суахили, Танганьика

Жил-был один человек, он был слепым от рождения. Но однажды произошло чудо: глаза его вдруг открылись. И случилось так, что перед ним в ту минуту встал осёл. Слепой успел увидеть только того осла, и больше ничего. Глаза его вновь закрылись.

Однажды проходил мимо человек и сказал, что кто-то построил себе красивый дом. А слепой спросил:

— Такой же красоты, как осёл?

В другой раз кто-то сказал:

— Я видел в море большой корабль.

И слепой снова спросил:

— Большой, как осёл?

И так было всякий раз.

Наконец люди спросили слепого:

— Почему ты сравниваешь всё с ослом?

И слепой рассказал, как однажды его глаза вдруг открылись и первое, что он увидел, был осёл; и с тех пор весь мир стал для него заключаться в этом осле: «Красивый, как осёл! Большой, как осёл! Высокий, как осёл!»

САМОЕ БОЛЬШОЕ БОГАТСТВО

Турецкая сказка

Когда-то один юноша всё время жаловался на свою бедность.

— Эх, как было бы хорошо, если бы у меня было большое богатство! Жил бы я тогда припеваючи! — вечно стонал он.

Один старый каменотёс, проходя мимо его жилища, услышал слова юноши и спросил:

— Чего ты жалуешься? Ведь ты владеешь большим богатством!

— Я владею богатством? — удивился юноша. — Где же оно?

— Твои глаза. Что бы ты хотел получить хотя бы за один глаз? — спросил старик.

— Что ты?! — в испуге ответил юноша. — Глаза я не отдам ни за какие сокровища!

— Хорошо, — сказал каменотёс. — Тогда дай отрубить себе руки, и за них ты получишь много золота!

— Нет! За золото я не отдам своих рук, — сказал юноша.

— Теперь ты видишь, что ты очень богат, — сказал старый каменотёс. — Так чего ж ты жалуешься? Поверь мне, самое большое богатство человека — это сила и здоровье. Их нельзя купить ни за какие деньги! — сказал старик и пошёл своей дорогой.

АСТОЧКА И ВОРОБЕЙ

Турецкая сказка

Жила ласточка. Она слепила себе гнёздышко под самой крышей. А по соседству, под кровлей этого дома, было жильё воробья. Но что это было за жильё? Просто щель между водосточной трубой и кровлей.

Каждый год ласточка высиживала птенцов, а потом обучала их летать и петь. Не то было с воробьиной. Она тоже каждый год несла несколько яиц, но ей ни разу не удалось вырастить птенцов. Либо озорные ребята вытаскивали из её гнезда яйца, либо птенцов поедала кошка.

Посмотрела воробья на ласточкино семейство, и уж очень ей стало завидно.

— Какая ты счастливая! — сказала воробья. — Каждый год ты выращиваешь птенцов. Я же никак не могу уберечь своих!

— Ты сама виновата в этом, — ответила ласточка. — Если бы у тебя было такое же прочное гнездо, как у меня, то тебе не могли бы повредить ни мальчишки, ни кошки.

— Научи меня, пожалуйста, как свить такое гнездо! — попросила воробья. — Наверно, ты знаешь какой-нибудь секрет или мудрый способ!

— Строить гнездо надо с умом, — сказала ласточка, — но,

в сущности, тут нет ничего премудрого. Летим, соседка, я научу тебя!..

И они полетели к озеру.

— Соседушка, возьми в клюв немного глины — вот как делаю это я, — сказала ласточка.

— Чирик! — ответила воробьяха. — Я вижу, ничего трудного в этом нет, никакой мудрости!

Ничего не сказала ласточка. Прилетела к дому, где они жили, и прилепила кусочек глины к стенке.

— И ты сделай так! — снова посоветовала она воробьяхе.

— Вижу, вижу! — ответила воробьяха. — Сделать это проще простого, а я-то думала, что в твоём гнезде есть секрет или уж по крайней мере что-то особенно мудрое, необыкновенное! А так лепить всякий сумеет! Нет, уж такими пустяками я заниматься не буду!

А ласточка много раз летала к озеру и приносила в клюве понемногу глины. Когда её набралось достаточно, ласточка полетела за соломой и начала лепить гнездо. Прилепит к стенке глину, к ней приложит соломку, потом снова глину, а к ней опять соломку...

— Вот так и нужно делать! — учила она воробьяху. — Сначала прилепить глину, а к ней соломку, потом снова глину и снова соломку... И получится хорошее, прочное гнездо!

— Знаю, знаю! Ничего в этом хитрого нет! — с презрением пропищала воробьяха.

— Знать-то ты знаешь, но одним знанием гнезда не слепишь. Для этого нужно ещё и потрудиться. Пока ты не поработала столько же, сколько я, тебе не вырастить своих птенцов, — ответила ей ласточка.

ЛАППИ И АПИО

Финская сказка

Давно это было.

Лаппи, смелый охотник, позвал товарищей погоняться за оленями. Целый день были они в лесу. А когда настала ночь, ушли в лесную избушку. Там и ночевали.

Утром охотники опять встали на лыжи. Лаппи погремел своими лыжами и сказал:

— Надо сегодня добыть трёх оленей: одного — для правой лыжи, другого — для левой лыжи, третьего — для лыжной палки.

Так и случилось. Едва отошли они от избушки, как попались им на пути три оленьих следа.

Пошли охотники по тем следам и увидели трёх оленей: двух рогатых, а третьего — безрогого. Безрогий ходил в сторонке.

Тогда Лаппи сказал:

— Ловите, друзья, рогатых, это ваши олени! А я погонюсь за тем, что в сторонке.

Весь день до самого вечера гонялся Лаппи за оленем. Но хоть и бегал он на лыжах как ветер, поймать оленя никак не мог.

Когда начало смеркаться, увидел Лаппи в лесу дом. Олень вбежал в огороженный двор — и Лаппи за ним.

Во дворе стоял хозяин, старый дед. На голове у него вместо

волос рос седой лишайник, как в лесу на еловых сучьях. И такой же лишайник рос у него вместо бороды.

— Ого,— сказал старик,— это ты, негодный мальчишка, моего жеребчика в пот вогнал?

Лаппи посмотрел на старика и понял, что попал он в усадьбу лесного хозяина Тапио. Кому же охота ночью повстречаться с лешим в лесу! Однако Лаппи не заробел, подошёл к старику, поздоровался и сказал:

— Я правда гнался за ним, да ведь не догнал!

— Ну, коль ты до тёмного вечера гонял моего жеребчика,— ответил Тапио,— то входи в мою избу, ночуй.

Лаппи вошёл в избу и видит: здесь и олени и лоси, здесь и медведи, и лисы, и волки, и всякие звери, какие только бывают в лесу...

Тапио накормил охотника, уложил спать. Утром Лаппи собрался уходить, а лыж его и не оказалось на месте. Спросил он у Тапио:

— Где же мои лыжи?

А Тапио и говорит:

— Не хочешь ли ты быть моим зятем, Лаппи? У меня одна только дочь.

Лаппи ответил:

— Ясно, хотел бы. Только беден я!

— Хо-о, не беспокойся об этом,— сказал Тапио.— У нас найдётся всё, что захочешь!

Сыграли свадьбу. И Лаппи, быстрый человек, смелый охотник, сделался зятем Тапио.

Три года прошло с тех пор. Уже и сын родился у Лаппи. Но захотелось Лаппи побывать в своём родном доме. Он попросил Тапио отпустить его туда. А Тапио сказал:

— Когда сделаешь лыжи по моему нраву, тогда попадёшь домой.

Лаппи, не теряя времени, пошёл в лес и взялся лыжи мастерить. Делает он лыжи, а над его головой синица сидит на суку и поёт:

Топ-топ, синица,
Вати-кути, воробей!
Вставь сучок
В лыжный желобок!

Лаппи швырнул щепкой в синицу:

— Что ты, негодница, там пицишь? Какие же это лыжи — с сучком в желобке?

Он сделал лыжи, разукрасил их как можно лучше и отнёс Тапио. Тот пробежался на лыжах, да тут же и вернул их Лаппи:

— Не годятся они для меня.

На другой же день Лаппи принялся делать новые лыжи. И снова прилетела синица, села на сучок и запела:

Топ-топ, синица,
Вати-кути, воробей!
Вставь сучок
В лыжный желобок!

— Ты опять здесь, болтушка! — в сердцах сказал Лаппи и бросил палкой в синицу.

И это вместо того, чтобы послушаться её! И сделал он обычные лыжи, как у всех людей, и принёс их Тапио.

— Не годятся эти лыжи для меня, — сказал старик и снова вернул их Лаппи.

И на третий день Лаппи пошёл в лес. Синица опять запела:

Топ-топ, синица,
Вати-кути, воробей!
Вставь сучок
В лыжный желобок!

Тут Лаппи подумал:

«Сделаю-ка я, как она велит!»

Он оставил крепкий сучок под лыжей в желобке и отнёс лыжи Тапио.

— Вот это мои лыжи! — обрадовался Тапио. — Теперь я отпущу тебя.

Лаппи с женой и сыном собрались в дорогу. А Тапио захотел провожать их.

— Я пойду на лыжах впереди тебя, — сказал Тапио, — а ты иди по моему следу. Где увидишь на снегу кружок от моей лыжной палки, тут и ночуй. Только шалаш делай как следует, чтобы звёзды небесные не светили сквозь крышу.

И пошёл Тапио вперёд, сучок на его лыжах чертил на снегу отметины. По этому следу бежал Лаппи со своей женой и ребёнком.

Только вечером увидели они на снегу первый кружок от лыжной палки. И тут был оставлен на ужин целый жареный лось.

Сделали из веток елей хороший шалаш, крышу плотно устлали хвоей, чтобы звёзды небесные в шалаш не глядели. Переночевали здесь. А наутро надели лыжи и опять побежали. И мясо лося захватили с собой на дорогу.

Вечером они снова нашли на снегу кружок от лыжной палки. Здесь был для них зажарен на ужин целый олень. Снова сделали хороший шалаш и крышу плотную, чтобы звёзды к ним не могли заглянуть.

Утром отправились дальше.

На третий день вечером опять нашли кружок от лыжной

палки. Но здесь уже был им оставлен на ужин не лось и не олень, а глухарь.

— Только один глухарь зажарен,— сказал Лаппи.— Теперь смотри — дом не за горами.

Ну, а раз дом не за горами, то и шалаш на ночь кое-как сделали и крышу неплотно покрыли. А когда легли спать, то звёзды небесные глядели на них сквозь хвою.

Встал утром Лаппи, а жены нет нигде. Вышел из шалаша — и следов на снегу нет. Куда идти, когда нет лыжни? Сидит Лаппи перед шалашом со своим ребёнком и, что делать, не знает.

Но вот видит он: бежит лось. Лось пробежал мимо, усмехнулся и скрылся в лесу. И опять нет никого.

Наступил вечер. Пришлось Лаппи с ребёнком остаться на ночь в своём шалаше.

Утром снова пробежал мимо лось и усмехнулся. А у Лаппи в шалаше вдруг оказался зажаренный глухарь. И на другой день так же, и на третий... И много лет прошло. А лось каждый день мимо бегал, и жареный глухарь появлялся в шалаше.

Сынок у Лаппи подрос, вышел очень толковый парень.

Как-то попросил он, чтобы отец сделал ему трубочку: хотелось ему посмотреть, далеко ли их дом. Лаппи на досуге сделал сыну трубочку. Сын посмотрел в неё и сказал:

— Отец, да мы давно с тобой дома! Вот и поле наше, изгороди и пастбища... Зачем нам с тобой уходить отсюда? Хорошие места у нас!

Так и остались Лаппи с сыном здесь, никуда не пошли дальше. С этих мест и взяла своё начало Лапландия — от Лаппи и его сына.

Вот и весь сказ.

БЕСЁЛЫЙ **Ж**АННО И ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА

Французская сказка

Добрая крестьянка замесила однажды хлеб. На самом дне квашни остался у неё маленький кусочек теста. Она и подумала: «Дай-ка я испеку пирожок для сына моего, Жанно!»

И вот взяла добрая женщина немного масла, положила его в тесто, прибавила два яйца и испекла для сынка своего Жанно расчудесный пирожок — весь румяный, золотистый. И, когда пирожок был готов, позвала она своего сына, отдала ему пирожок и послала его на улицу играть с ребятами. Вышел Жанно на дорогу, уселся на краю и сидит жуёт пирожок.

А как раз в это время проходила мимо дряхлая старушка.

— Добрый день, Жанно! — говорит старушка. — Ой, какой у тебя чудесный пирожок! Не дашь ли мне кусочек попробовать?

— О чём тут говорить! Берите весь, если вам так хочется! Вот, держите!

— Спасибо, Жанно, у тебя доброе сердце! Только весь пирожок мне не нужен — хватит и половины!

Съела добрая старушка свою половину, а потом достала из котомки кольцо и флейту и подала Жанно.

— Не хочу я быть в долгу перед тобой! — сказала старушка. — Ты мне дал половину своего пирожка — вот тебе взамен кольцо и чудесная флейта. Смотри береги их. Они тебе в жизни не раз пригодятся!

Поблагодарил Жанно добрую старушку, а когда она ушла, захотелось ему узнать, какая же польза от этого кольца и чудесной флейты.

Надел Жанно кольцо на палец и в тот же миг сделался маленький-маленький!

«Неужели я теперь таким и останусь и никогда не вырасту?» — подумал Жанно.

Но едва он это подумал, как сразу начал расти, расти... Стал выше самого высокого стога сена, а потом выше ветряной мельницы.

Тут снял Жанно кольцо с пальца и тотчас сделался такого же роста, как был прежде.

После этого взял Жанно волшебную флейту и заиграл. И вдруг всё вокруг него пустилось в пляс, всё запрыгало, заскакало, завертелось быстрее и быстрее!

«Ну, теперь я знаю всё, что мне нужно знать! — подумал Жанно. — Теперь я могу весь свет обойти!»

К вечеру дорога привела Жанно в лес. Увидели его разбойники и пустились за ним в погоню. Но Жанно надел на палец волшебное кольцо и сразу стал таким маленьким, что спрятался под обломком яичной скорлупки. Разбойники его и не заметили.

Жанно снял кольцо, снова сделался таким же, каким был прежде, и свернул на окольную дорогу. Но тут другая шайка разбойников пустилась за ним следом. Пришлось Жанно снова стать маленьким и спрятаться под капустным листком. Там он и заночевал.

Наутро подошёл юный путник к замку и попросил принять его как гостя. Слуги повели его к хозяину замка. А хозяином был сам король соседнего королевства.

— Тебе что здесь понадобилось, малый? — спросил король.

— Я хочу есть, пить и спать, нравится это вам или не нравится, — ответил Жанно.

— Ах ты, наглец, невежа! Я вот сейчас прикажу вздуть тебя по заслугам!

— Не боюсь я ни вас, ни ваших слуг! Я сильнее всех карликов и всех великанов! Вот смотрите!

И у всех на глазах Жанно сделался вдруг совсем маленьким, как комар. Король подумал, что Жанно может сделаться невидимкой, и весь гнев у него пропал. Он приказал накормить Жанно хорошим обедом, отвёл ему комнату во дворце и приставил к нему слуг.

А у этого короля была дочь невиданной красоты. Увидел её Жанно и полюбил. И решился он просить, чтобы король отдал свою дочь ему в жёны.

В ответ на это король сказал, что должен подумать, и потребовал три дня отсрочки. А когда прошли три дня, король вызвал к себе юного смельчака и сказал:

— Я дал клятву, Жанно, что моя дочь выйдет замуж за того, кто на деле докажет свою ловкость. Вот тебе задача: завтра возьми двенадцать белых кроликов и двенадцать чёрных и проведи их по полям и лесам без всякой привязи. Если до захода солнца ты приведёшь обратно в замок всех кроликов, то бери мою дочь себе в жёны. Принимаешь моё условие?

— Принимаю! — ответил Жанно. — Попробую с этой задачей справиться!

И вот взял Жанно двенадцать белых и двенадцать чёрных кроликов и вывел их в поле. Они уж хотели было разбежаться, но Жанно вынул флейту и заиграл. Пришлось кроликам поплясать! Целый день плясали. А вечером Жанно их всех привёл в замок.

Тогда король решил испытать его ещё раз.

— Завтра придёт за тобой палач, а ты попробуй попасть к нему в руки и не умереть. Выдержишь и это испытание, — сказал он, — отдам тебе дочь в жёны.

На другое утро и вправду поставили на широком дворе

замка виселицу. Но, когда палач хотел накинуть осуждённому на шею петлю, Жанно начал расти всё выше, выше, пока не стал таким высоким, что смог сесть на перекладину виселицы, словно на скамейку, так что ноги его касались земли.

Бедняга палач, задрав голову, смотрел на Жанно, а тот всё рос, рос, пока не стал вровень с самой высокой башней королевского замка. Тут Жанно опёрся о её крышу локтем, а виселицу, словно щепку, отбросил ногой в сторону.

Но Жанно был хороший юноша, и он любил королевскую дочь. Поэтому он снова сделался таким, каким был прежде, и спросил короля:

— Ну, в самом деле, ваше величество, почему бы мне не жениться на вашей дочери? Оба ваши желания я исполнил.

Что мог ответить король?

Он согласился. Ведь это совсем неплохо, когда зять то вырастет с башню, то уменьшится до размеров комара! Для жизни при королевском дворе это кое-что значит!

Жанно послал за своей матерью. Она приехала ко дню свадьбы и с тех пор осталась жить во дворце.

А когда король умер, вместо него стал править страной весёлый Жанно.

ИСОВАЯ КАША

Из сказок Цейлона

Есть на острове Цейлон обычай — строить при дорогах хижины для тех, кого ночь застанет в пути. Разные люди оставались в них: бедные и богатые, добрые и злые.

Рассказывают, что однажды в домике при дороге встретились пятеро жадных разносчиков. И послушайте, как они проучили друг друга.

Целый день они ходили по деревням, втридорога продавая бедным крестьянам свои товары.

Усталые и голодные, но довольные тем, как они ловко провели бедняков, которые и цены-то настоящей на товары не знали, разносчики наперебой хвастались друг перед другом богатой выручкой. Однако сколько ни хвались, а когда-нибудь и ужинать надо! А потому один из разносчиков поставил на огонь чугунок с водой и предложил каждому бросить в него немного риса. Сунув руку в свой мешочек, он первый разжал кулак над чугуном и сказал:

— Это моя доля!..

Второй сделал то же самое, а за ним — третий, четвёртый и пятый, и каждый приговаривал:

— А вот и моя доля!..

Ожидая, пока каша закипит, разносчики продолжали болтать о своих делах.

Наконец один из них сказал:

— Ну вот, каша готова. Дайте-ка я погашу огонь. Пусть она дойдёт.

И снова потекла беседа.

Когда каша была совсем готова, разносчики вынули свои чашки, чтобы наполнить их.

Первый разносчик зачерпнул из чугуна и отошёл в сторону, чтобы съесть свою порцию. То же сделал и второй. А за ними все остальные. Каждый подносил чашку ко рту, прихлёбывал из неё маленькими глотками и оглядывался на соседа.

Наконец они съели то, что сварили. Спрятали чашки в сумки и молча разошлись по своим местам спать.

Наутро никого из разносчиков не оказалось в домике. Каждый из них исчез потихоньку, чтобы сосед не заметил. Стыдно разносчикам. Ведь накануне они поужинали всего лишь кипячёной водой!

ВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

По мотивам славянских сказок

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу ещё не бывало так, чтобы февраль пришёл раньше, чем уйдёт январь, а май обогнал бы апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить: что ни сделает падчерица — всё не так, как ни повернётся — всё не в ту сторону.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и присесть некогда было: то воды натаскай, то хворосту из лесу привези, то бельё на речке выполоши, то грядки в огороде выполи.

Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер,

и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шёл январь месяц. Снега намело столько, что от дверей его приходилось отгрести лопатами, а в лесу, на горе, деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метёт вьюга, а потом вернулась к тёплой печке и сказала падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес? Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадёшь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

— Если и пропадёшь, так плакать по тебе никто не станет. Ступай, ступай, да без цветов не возвращайся! Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугробов вытягивает.

Всё темнее становится кругом: небо чёрное, ни одной звёздочки на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега.

Вот и лес. Тут уж совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Всё равно, думает, где замерзает.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонёк — будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонёк. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы, — думает, — огонёк не погас!» А он не гаснет, он всё ярче горит. Уж и тёплым дымком запахло, и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шагу и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костёр горит, чуть ли не до самого неба достаёт. А вокруг костра сидят люди — кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков ещё того меньше —

вон они какие нарядные: кто в серебре, кто в золоте, кто в зелёном бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое совсем ещё мальчишки.

Молодые у самого огня сидят, а старики — поодаль.

И вдруг обернулся один старик — самый высокий, бородастый, бровастый — и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает её старик громко:

— Ты откуда пришла, чего тебе здесь нужно?

Девочка показала ему свою пустую корзинку и говорит:

— Подснежников.

Засмеялся старик:

— Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

— Не я выдумала,— отвечает девочка,— а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на неё и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает — будто это не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

— Что же ты делать будешь, если не найдёшь подснежников? Ведь раньше марта месяца они и не выглянут.

— В лесу останусь,— говорит девочка.— Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замёрзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, весёлый, в шубке на одном плече, встал и пошёл к старику:

— Братец Январь, уступи мне на час своё место!

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

— Я бы уступил, да не бывает Марту прежде Февраля.

— Ладно уж,— проворчал другой старик, весь лохматый, с растрёпанной бородой.— Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо её знаем: то у проруби её встретишь с вёдрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо бы ей помочь.

— Ну, будь по-вашему,— сказал Январь.

Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у берёзы

Не грызите кору!
Полно вам вороньё
Замораживать,
Человечье жильё
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черёд, братец,— сказал Январь и отдал посох меньшому брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,
Дуйте что есть мочи!
Вихри, вьюги и бураны,
Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,
Вейтесь над землёю!
Пусть бежит в полях позёмка
Белою змеёю!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

— Теперь твой черёд, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил о землю.

Смотрит девочка, а это уж не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!

Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда это девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке?

Под ногами у неё мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под тёмной кожуры первые зелёные листики.

Глядит девочка — наглядеться не может.

— Что же ты стоишь? — говорит ей Март. — Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо! Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками — куда ни поглядишь! Набрала она полную корзинку, полный передник — и скорее опять на полянку, где костёр горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет. Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошёл над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой.

А месяц за нею поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей — и только вошла в дом, как за окошком опять загудела вьюга, а месяц спрятался в тучи.

— Ну что, — спросили её мачеха и сестра, — уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка всё, как было. Слушают они обе и головами качают — верят и не верят. Трудно поверить — да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких! Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше тебе ничего месяцы не дали?

— Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура так дура! — говорит сестра. — В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретишься, а ничего, кроме подснежников, не выпросила. Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить! У одного — яблок да груш сладких, у другого — земляники спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвертого — свеженьких огурчиков!..

— Умница, доченька! — говорит мачеха. — Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы всё это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

— Где им! — отвечает дочка, а сама — руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

— Рукавички надень, шубку застегни!

А дочка уже за дверью.

Убежала в лес.

Идёт по сестриним следам, торопится. «Скорее бы,— думает,— до полянки добраться!»

Лес всё гуще, всё темнее, сугробы всё выше, бурелом стеной стоит.

«Ох,— думает мачехина дочка,— и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в тёплой постели, а теперь ходи да мёрзни! Ещё пропадёшь тут!» И только она это подумала, как увидела вдалеке огонёк — точно звёздочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонёк. Шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки большой костёр горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев.

Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где пожарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь месяц посохом о землю.

— Ты кто такая? — спрашивает. — Откуда взялась?

— Из дому,— отвечает мачехина дочка. — Вы нынче моей сестре целую корзину подснежников дали. Вот я и пришла по её следам.

— Сестру твою мы знаем,— говорит Январь месяц. — А тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

— За подарками. Пусть Июнь месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль месяц — огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок и груш сладких. А Сентябрь месяц — орехов спелых.

— Погоди,— говорит Январь месяц. — Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко ещё до Июня месяца. Я теперь в лесу хозяин, и тридцать один день здесь царствовать буду.

— Ишь какой сердитый! — говорит мачехина дочка. — Да я не к тебе и пришла — от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождёшься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь месяц.

— Ищи лета зимой! — говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба — заволокла и деревья, и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка.

— Перестань! — кричит.

Да где там!

Кружит её метель, глаза её слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело её снегом.

А мачеха ждала-ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала — нет её, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдёшь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень!

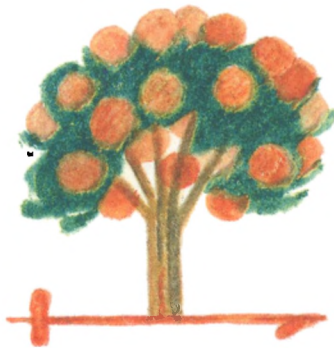
Ходила она, ходила, искала, искала, пока сама не замёрзла. Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у неё, рассказывают, около дома сад — да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель — тихо.

— У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят,— говорили люди.

Кто знает,— может, так оно и было.

ЧЁНЫЙ ПЁС

Чешская сказка

Один деревенский богач не умел ни читать, ни писать, был глуп, а важничал за троих. Он хотел, чтобы все считали его первым человеком в деревне. Но крестьяне очень не любили его, потому что он был злой, жадный и жилось батракам у него хуже, чем его собакам.

Собак своих богач любил больше людей. Особенно любил он чёрного пса Азора и всегда говорил, что такого нигде нет, что Азор всё понимает, только говорить не умеет.

У богача работал батрак Мартин, и хозяин постоянно хвастался при нём своим Азоркой.

— Знаешь, Мартин,— сказал он однажды,— если бы была где-нибудь школа для собак, я отдал бы туда Азорку — он стал бы ещё умнее.

А Мартин-то был далеко не дурак. Много видел он зла от хозяина, но приходилось всё терпеть, потому что другой работы в деревне не найдёшь. Наконец решил батрак за хвастовство проучить хозяина.

— Разве вы не знаете, что уже давно заведены школы для собак? — сказал он ему.

— Не мели чепуху! — рассердился богач.

— Это не чепуха,— ответил батрак.— Мне лесник рассказывал, что есть такая школа, где умных псов учат говорить.

— Вот здорово! — обрадовался хозяин.— А не знаешь ли ты, где эта школа?

— Как не знать,— ответил батрак,— она за дальним лесом. А дорога туда стоит двадцать крон.

— Двадцать крон меня не разорят,— сказал хозяин.— Возьми Азорку и отвези туда. Я дам тебе с собой ещё сто крон — может, надо будет сразу платить за учение.

Дал богач Мартину денег и хлеба, а для Азорки — копчёного мяса. Повёл батрак хозяйскую собаку в лес, к своему приятелю леснику. Узнал лесник, в чём дело, и долго смеялся.

— Оставь Азорку у меня,— предложил он.— Сюда никто не приходит, ни одна живая душа не узнает об этом. А твоего хозяина надо наказать.

На третий день Мартин вернулся домой. Хозяин стал его расспрашивать, как себя вёл Азорка.

— Жаль, что вас там не было, хозяин,— ответил Мартин.— Когда мы пришли в школу, Азорка сейчас же уселся за парту, словно раньше в школе учился. Учитель очень хвалил его и сказал, что за год он пройдёт весь курс наук! Я заплатил сто крон, а через год придётся дать ещё сто.

— На это я и пяти сотен не пожалею! — ответил хозяин.— Я покажу всей деревне, какой у меня пёс!

Не прошло и полугода, как он послал батрака навестить собаку. Мартин отправился прямо к леснику. Помог ему убрать сено и на третий день вернулся домой. Хозяин тотчас же спросил его, как Азорка.

— Хорошо, хозяин! — ответил Мартин.— Прекрасно учится. Учитель уверяет, что пёс скоро будет говорить.

К концу года хозяин снова послал Мартина в собачью школу. Дал ему сто крон заплатить за учение и двадцать — на дорогу. Батрак пошёл к леснику, а на третий день вернулся.

— Где же Азор? — спросил хозяин.

— Испортился наш Азорка, хозяин. Хорошо научился говорить, но если бы вы слышали, какие речи он ведёт! Говорит, будто вы хвастун, будто вы всю деревню ограбили, свою сестру надули и собственного отца извели. Грозит рассказать всей деревне, что вы за птица. Это меня так разозлило, что я привязал ему камень на шею и бросил в пруд.

Богач был поражён, но через минуту закричал:

— Хорошо сделал, Мартин! Грош цена такому псу, он только опозорил бы нас.

С той поры богач уже не хвастался своими собаками. А его учёный пёс жил у лесника, но говорить так и не научился.

ВОЗДЬ ИЗ РОДНОГО ДОМА

Шведская сказка

Жил-был бедный крестьянин со своей женой. У них было трое сыновей: Матс, Петер и Свэнд. Однажды случилась засуха, и семье пришлось туго: хлеба не хватало.

— У нас больше ртов, чем хлеба кусков,— сказал отец.— Придётся вам, сыночки, идти на заработки.

Мать заплакала.

— Матс и Петер уже взрослые, они справятся с работой,— говорила она,— а вот Свэнд, бедняга, пропадёт. Ну, что он работает?

— Пусть в пастухи идёт, если ничего другого не умеет делать! — отозвался отец.

Но Свэнд сказал:

— Не беспокойся, мама, я постараюсь найти себе работу. Отпусти меня!

— Ладно.

Стали братья в путь собираться. Старший сын, Матс, сказал:

— Возьму-ка я себе старую отцовскую куртку: отец ведь сидит дома, и она ему не нужна.

Средний брат, Петер, оглядел бедную избу. Выбирать-то было не из чего. Была у матери единственная кастрюля. Мать

очень любила её и гордилась ею: так усердно начищала она эту кастрюлю, что та, как солнце, блестела на всю мрачную, закопчённую избу.

— Я возьму кастрюлю! — сказал Петер. — Матушке всё равно в ней варить нечего, а я её продам и, пока не найду работы, буду жить на эти деньги.

Он взял с полки блестящую кастрюлю и надел её на голову вместо шапки.

— А вот Свэнду ничего и не досталось! — вздохнула мать.

Она очень любила младшего сына: он был так приветлив, ласков, скромен и всегда чем мог помогал матери.

— А я, мама, возьму на память о доме гвоздь. Тот, на который я вешаю куртку, когда ложусь спать.

Свэнд выдернул гвоздь из стены, завернул его в тряпочку и положил в карман.

— Вот дурачок! — захохотали оба брата. — Тоже надумал: таскать с собой ржавый гвоздь! Что ты будешь с ним делать?

— Может быть, и он пригодится, почём знать? — ответил мальчик. На душе его было так весело, словно взял он с собой не гвоздь, а золото.

Мать со слезами смотрела сыновьям вслед, а Свэнд долго ещё махал ей шапкой.

На перекрёстке дорог старшие братья остановились.

— Мы с Петером пойдём вместе, а ты, Свэнд, со своим гвоздём не ходи с нами! — сказал Матс.

— Ну, так прощайте, милые братья! Счастливого вам пути! Надеюсь, скоро увидимся! — воскликнул Свэнд и свернул на просёлочную дорогу.

Часа через два он почувствовал усталость, а жилья поблизости ещё не было.

Вдруг впереди на дороге что-то зашевелилось. Свэнд в страхе подумал: «Неужели медведь? Как спастись?»

Но это был человек, возившийся у своей телеги.

— Слушай-ка, мальчуган, — окликнул он Свэнда, — поди помоги мне! У телеги свалилось колесо, и я не могу добраться до кузницы.

— У меня есть гвоздь, его можно заткнуть вместо чеки. Только я даю вам его взаймы, — он мне дорог: ведь гвоздь-то из моего родного дома!

Крестьянин расхохотался:

— Ну и забавный ты парнишка! Получишь обратно свой дорогой гвоздь, как только доедем до кузницы.

Крестьянин со Свэндом приладили колесо, сели на телегу и покатали по дороге в кузницу.

У наковальни стоял весь прокопчённый, потный кузнец и изо всех сил бил по раскалённому докрасна железу.

Свэнд ещё ни разу не был в кузнице, и ему всё здесь понравилось:

— Весело у вас тут! Мехи гудят, молот бьёт, прямо музыка! Хотел бы я быть кузнецом!

Кузнец расхохотался:

— Не смей меня, болтун! Где тебе справиться с таким тяжёлым молотом! Это тебе не игрушка! А вот, если хочешь, можешь раздуть мехи, пока мой мальчишка не выздоровеет. Буду тебя кормить досыта да ещё дам несколько грошей за работу!

— Что ж, я согласен! — ответил Свэнд.

И он остался у кузнеца. Гвоздь свой от крестьянина он получил обратно, выпрямил его, завернул в тряпочку и спрятал в карман. А крестьянин дал ему немного денег за его услугу.

Кузнец увидел, что Свэнд хороший, прилежный работник, и стал его учить своему ремеслу. Вскоре Свэнд мог уже сработать многие вещи своими руками.

Но через месяц сын кузнеца выздоровел, и кузнец не мог уже держать у себя Свэнда. Пришлось ему идти дальше.

Получив от кузнеца деньги за работу, Свэнд пошёл по дороге, весело напевая песни. Скоро он поравнялся с одиноким домиком у дороги. На пороге стоял кривоногий человек в очках. Это был портной: на шее у него висели на длинной тесёмке ножницы. В руке портной держал куртку и чистил её. Вдруг она выскользнула из его рук и упала на мокрую от росы траву.

— Вы бы повесили куртку, хозяин! — посоветовал Свэнд.

— Не учи меня, молокосос! — сказал портной. — Знаю без тебя, что мне делать!

Но Свэнд не обиделся на эти слова портного, а промолвил:

— Я могу вам помочь, хозяин!

Он вытащил из кармана гвоздь и вбил его в дверной косяк.

Портной улыбнулся, повесил куртку и вычистил её. Потом позвал Свэнда в дом и велел жене дать мальчику молока с хлебом. Свэнд с удовольствием поел — ведь он был голоден. Затем вежливо поблагодарил старушку. Хозяйке это очень понравилось.

— Возьми парнишку в учение! — сказала она.

— Я с удовольствием останусь у вас, — отозвался Свэнд, — хотя по ремеслу я кузнец.

Портной оглядел с головы до ног тощую фигурку Свэнда и громко расхохотался:

— Ну и славный кузнец! Не тебе, брат, поднимать тяжёлый молот. А вот сумеешь ли ты шить?

— Попробую,— ответил Свэнд и уселся рядом с портным. Так Свэнд стал работать у портного и научился шить. Но вскоре портной простудился и умер. Свэнд вытащил из двери свой заветный гвоздь, распрощался с хозяйкой и снова отправился в путь.

Скоро дошёл он до небольшого селения. В это время началась гроза: поднялся сильный ветер, ударила молния, и загрозотал гром.

Возле одного дома на верёвке сушилось бельё. Старушка спешила снять его, да вдруг верёвка сорвалась с гвоздя.

— Проклятый гвоздь! — ворчала старушка.— Переломился пополам. Как бы не уронить бельё в грязь.

— Я помогу вам, бабушка! — предложил Свэнд, достал свой гвоздь и вбил его в стену.— Давайте я привяжу верёвку. Только вы потом отдайте мне мой гвоздь — ведь это частица моего родного дома!

— Спасибо, дружок, за твой гвоздь. Помоги мне скорей до дождя собрать бельё и снеси-ка его в дом.

Свэнд так и сделал. В доме он увидел сапожника. Свэнд остановился в дверях, любуясь, как ловко сапожник подбивает подошву к башмаку.

— Я и кузнец и портной, а вот шить башмаки не умею! — сказал Свэнд.

— Не болтай глупостей! Какой ты кузнец или портной? Ты просто смеёшься! А вот сапожному ремеслу я бы мог тебя обучить.

— Вправду, мальчик, оставайся у нас! — сказала старушка, мать сапожника.— Я вижу, ты умный и прилежный!

Свэнд остался у сапожника.

Сапожник не знал, как нахвалиться старательным и добрым мальчиком. Скоро Свэнд мог не только чинить старые, но и шить новые башмаки. Раздумывая по вечерам о матери, он решил сделать ей подарок — ведь она, бедная, ходит там в рваных башмаках. И вот он, накопив денег, купил кожи и сшил для матери новые башмаки.

Осенью Свэнд простился с хозяевами, получил от сапожника деньги за работу и отправился домой.

Путь Свэнда лежал через город. Проходя через базар, он увидел у одного старика торговца куртку — это была куртка отца Свэнда, которую взял с собой старший брат, Матс. Значит, Матсу было плохо, и он продал куртку, чтобы не голодать. Свэнд купил отцовскую куртку и пошёл дальше.

Вдруг в одной лавке Свэнд увидел кастрюлю, ярко блестящую на солнце. Конечно, то была кастрюля его матери. Уж как обрадовался Свэнд, когда купил любимую кастрюлю!

И вот настало время, и Свэнд уже подходил к родной деревне.

В печи горел огонь — другого света в доме не было. Отец с матерью сидели за столом. А рядом два оборванных паренька. Это были Матс и Петер.

— Бедные мои! — говорила мать. — Настрадались вы, на-терпелись и голода и нужды, а ничего не заработали!

— Ничего, мама! — утешали её сыновья. — Весной пойдём на полевые работы...

Вдруг дверь распахнулась. На пороге стоял их младший братишка Свэнд.

— Добрый вечер, родные мои! Вот я и пришёл! — сказал Свэнд, весело оглядев всех. — Вот тебе, отец, твоя куртка; а тебе, мама, твоя любимая кастрюля, да ещё новые башмаки в придачу. Я ведь их сам сделал! Да это ещё не всё. Возьмите мои заработанные деньги! Теперь я и кузнец, и портной, и сапожник и заработаю вам ещё кучу денег! А вот и наш гвоздь! Это он помогал мне всегда.

И Свэнд вбил гвоздь на его прежнее место.

Братья с завистью смотрели на весёлого юношу, который рассказывал о своих похождениях. А счастливая мать, плача от радости, хлопотала у печки и готовила в своей любимой кастрюле сытный ужин для всей семьи.

Г ЕРОЙ ИЗ А ДИ Н ИФАСА

Из сказок Эфиопии

Двенадцать парней из деревни Ади Нифас отправились однажды в город на мельницу обмолотить зерно. Когда с мешками муки на плечах они возвращались домой и проходили через рощу кактусов, один из них вдруг остановил своих приятелей и начал их считать. Но, поверьте ли, он забыл самого себя и насчитал всего только одиннадцать человек.

— Подождите! — воскликнул он. — Один из нас потерялся!

— Кто потерялся? — спросил один из двенадцати парней.

— Посчитай сам! — ответил первый.

Тогда другой пересчитал всех так же, как и первый, не посчитав самого себя.

— Ты прав! — сказал он. — Нас только одиннадцать. В пути один из нас пропал.

Тогда все они стали пересчитывать друг друга, и каждый упускал себя и насчитывал всего лишь одиннадцать парней, стоящих на дороге.

— О! — воскликнул один. — Кто-то сбился с пути! И он может погибнуть!

— А что, если его настигнет леопард? — ужаснулся другой.

— «Настигнет»! — возмутился третий. — Его наверняка уже схватил леопард!

Двенадцать парней стали оплакивать потерявшегося человека. Наконец, взвалив на плечи тяжёлые мешки, опечаленные и несчастные, они снова двинулись в путь, в свою деревню Ади Нифас, упрекая себя за то, что не сберегли товарища.

— Нам нужно было лучше за ним смотреть! — сказал один из них.

— Не дать ему возможности отстать! — добавил другой.

— Нельзя было оставлять его на съедение леопарду! — сказал третий.

— Да ещё такому леопарду! — воскликнул четвёртый.

— Громадному, разъярённому! — застонал пятый.

— А что, если он не испугался и вступил с ним в поединок? — догадался шестой.

— Наверняка он храбро сражался! И, подумать только, голыми руками! — воскликнул седьмой. — О, он был смелым воином!

— Одним из самых храбрейших среди нас, — подтвердил восьмой.

— Он даже ни разу не вскрикнул! — сказал девятый.

— Что же будут делать его бедные старики родители, когда мы расскажем им, что такого прекрасного человека растерзала целая стая леопардов? — сказал десятый.

— Несчастливая семья! — простонал одиннадцатый.

— Он был не только храбрым, но и благородным! — сказал двенадцатый. — И добрым!

Так оплакивали они своего товарища до тех пор, пока не пришли домой, в свою деревню Ади Нифас.

Они вошли в деревню с криками и стонами, и из домов выбежали люди, чтобы встретить их, узнать, что случилось, что произошло.

— Несчастье! Несчастье постигло нас! — наперебой возглашали двенадцать парней, опустив тяжёлые мешки на землю. — На обратном пути из города случилось ужасное!

И они рассказали о том, как потерявшийся товарищ сражался с леопардами и как он геройски погиб.

Люди заволновались, зашумели.

А в это время среди мешков с мукой, которые сложили на землю возвратившиеся из города парни, бродила маленькая девочка. Играя, она-то и сосчитала мешки. Их было двенадцать.

— Мама! — сказала она. — Тут двенадцать мешков муки.

— Отстань и замолчи! — ответила женщина. — Такой хороший человек погиб. Погиб такой смельчак!

— Мама! — снова повторила маленькая девочка. — Здесь

двенадцать мешков муки! Значит, должно быть и двенадцать человек, которые их принесли.

Услышав это, женщина перестала причитать и сама пересчитала мешки.

— Люди! — воскликнула она в удивлении. — Что за чудо! Здесь двенадцать мешков, значит, должно быть и двенадцать человек!

Тогда сам староста деревни стал пересчитывать людей, возвратившихся из города, куда они ходили молоть муку.

— Теперь их стало двенадцать! — сказал он в раздумье. — Значит... значит, заблудившийся человек всё-таки вернулся!

Жители деревни ещё громче зашумели. Они были вне себя от радости.

— Он победил леопарда и остался жив! — кричал один парень.

— Одной рукой он победил леопарда и вернулся домой! — сказал один из путников.

— Он перебил всех леопардов голыми руками! — воскликнул другой. — Какой почёт нам! Ведь этот герой живёт среди нас, в нашей деревне!

Потом был устроен большой праздник с песнями, плясками и угощением.

С той поры из поколения в поколение передавался самый правдивый рассказ о том, как крестьянин из деревни Ади Нифас благодаря своей храбрости и силе прославил не только себя, но всех её жителей.

ВОДЯНОЙ

Словенская сказка, Югославия

Жил-был один мальчик. Он очень любил купаться. Однажды весной, когда вода в реке поднялась, бурлила и пенилась, он не послушался своих родителей и пошёл на реку.

Разделся мальчик и прыгнул в воду. Но течение было слишком сильное, и мальчика понесло на середину реки. Он барахтался изо всех сил, кричал во весь голос, звал на помощь, да так громко, что его услышал на дне реки Водяной. И хорошо, что услышал, потому что ещё немного — и мальчик бы обессилел, захлебнулся и утонул. Вовремя подоспел Водяной. Волны уносили мальчика всё дальше и дальше, а сил у него оставалось всё меньше и меньше.

Водяной не любил, когда кто-нибудь заживо попадал в его царство. Поэтому людей, которым суждено было попасть к нему, он всех до единого топил.

Но этот мальчик был так хорош собой, так ему понравился, что Водяному стало его жаль, и он захотел спасти ребёнка. Да к тому же и скучновато ведь сидеть одному в своём просторном царстве! А с этим мальчиком Водяному не было бы так тоскливо.

Водяной укачал мальчика на волнах и, когда его глаза закрылись и он уснул, унёс его на руках в свой водяной город, во дворец.

Никогда ещё эти городские ворота не переступала нога настоящего человека.

Водяной уложил мальчика в постель. Она вся была сделана из хрустала и стояла в хрустальной комнате. Тихо, чтобы не разбудить гостя, Водяной отошёл и спрятался за хрустальной занавеской, ожидая, когда мальчик проснётся.

И мальчик проснулся. Он посмотрел вокруг и увидел, что лежит на хрустальной кровати посреди хрустальной комнаты. На столе лежало множество игрушек — все до одной из хрустала.

Мальчик потянулся было к игрушкам, но в тот же миг вспомнил свой родной дом и горько заплакал.

Не стал больше таиться Водяной и, выйдя из-за занавески, спросил:

— Почему ты, мой маленький, плачешь?

Но мальчик продолжал плакать.

— У тебя что-нибудь болит? — спросил Водяной.

Мальчик молча покачал головой.

— Тебе страшно? — спросил Водяной.

— Нет, — ответил мальчик.

— Может быть, ты по кому-нибудь скучаешь? — спросил Водяной.

— По дому! — ответил мальчик, безутешно плача.

Водяной снова спросил:

— Неужели у тебя дома есть все эти богатства?

— Нет, нету! — сказал мальчик.

— Значит, твой дом хуже этого?

— Лучше, лучше! — воскликнул мальчик.

— Чем же он лучше? — спросил Водяной.

Но мальчик снова ничего не ответил.

Наконец Водяной ушёл, а мальчик, наплакавшись, уснул.

Ночью Водяной тихонько прокрался к мальчику, взял его на руки и перенёс в другую комнату.

Когда мальчик проснулся, то увидел, что лежит на серебряной кровати в комнате из чистого серебра: и пол, и потолок, и стены в ней были серебряные. А на столе лежали игрушки — все до одной из чистого серебра.

Как заворожённый смотрел мальчик на эти богатства.

Он взял игрушки и стал играть ими. Но вскоре игра ему прискучила. Он вспомнил, как весело ему было дома с братом и сестрицей и как они бегали по полям и лесу, как, усталые и счастливые, прибежали домой, и он опять горько заплакал.

И снова пришёл Водяной и спросил его:

— О ком ты, мой мальчик, плачешь?

— О братце и о сестрице,— ответил мальчик и ещё пуще заплакал.

И снова Водяной ушёл, а мальчик опять заснул.

Тогда Водяной осторожно перенёс его в третью комнату. И когда мальчик проснулся, то увидел, что лежит на кровати из червонного золота посреди золотой комнаты. Вся мебель в ней была из чистого золота — стол, стулья и даже игрушки. Мальчик и раньше слышал сказки о чудесных сокровищах водяного царя, но вообразить такого блеска, какой ослепил ему глаза, он никогда бы не мог.

Как зачарованный потянулся мальчик к игрушкам и начал было играть ими. Но и эта игра была недолгой. Вспомнились ему мать и отец, и он заплакал горькими слезами.

Прибежал Водяной и спросил его:

— Почему ты, мой маленький, плачешь?

— Вспоминаю отца и мать,— ответил ему мальчик.

— Разве мать и отец тебе дороже золота? — удивился Водяной, который не знал, что такое отец и мать, брат и сестра.

— Дороже! — сказал мальчик.

Тогда Водяной приказал собрать весь жемчуг, который был в глубинах его подводного царства, насыпал его перед мальчиком грудой до самого потолка и спросил:

— Скажи, неужели мать и отец дороже тебе, чем весь этот жемчуг?

Мальчик закрыл глаза, чтобы не ослепнуть — так сверкал жемчуг,— и ответил Водяному:

— Напрасно ты стараешься найти цену моей матери и моему отцу. Для меня они дороже и серебра, и золота, и жемчуга, дороже всего на свете. Дорога мне также и та земля, на которой стоит наш дом, и небо над нашей крышей!

Понял наконец Водяной, что никакими сокровищами не сможет он соблазнить мальчика. Подождал, пока мальчик снова заснул, и вынес его, сонного, на берег реки. И положил возле бедной одежонки, которую мальчик сбросил с себя перед тем, как прыгнуть в воду.

Но прежде чем уйти, Водяной наполнил карманы мальчика слитками чистого золота и сверкающим жемчугом.

Когда мальчик проснулся, то увидел, что лежит на берегу родной реки. Он вскочил на ноги и стал быстро одеваться.

«Ну конечно,— думал он,— Водяной и его царство приснились мне во сне».

Но вдруг мальчик нащупал золото и жемчуг в карманах! Теперь мальчик знал, что это не был сон: он действительно был у водяного царя. И, счастливый, он побежал домой к матери и отцу, брату и сестричке.

Мальчик нашёл их всех в слезах, потому что они думали, что он утонул. Зато теперь радости их не было конца.

А золота и жемчуга оказалось много, и нужда навсегда ушла от них. Они выстроили хороший новый дом и зажили счастливо.

Мальчик опять ходил на речку, только когда не было бури. Да и купался только на мелководье, куда Водяной и не заглядывал.

А Водяной вернулся в своё подводное царство и загрустил. Прежде он думал, что в своём подводном дворце собрал лучшие сокровища мира. А теперь он понял, что у людей есть сокровища подороже — отец и мать, братья и сёстры, которых у Водяного никогда не было. Это его так расстроило, что он плакал, не переставая, три дня, да так сильно, что берега сотрясались, а волны шумели и грохотали, как при наводнении.

А ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ

Сербская сказка, Югославия

Один человек возвращался верхом на осле из города домой. А рядом шёл его двенадцатилетний сын.

Повстречался им прохожий и говорит:

— Не стыдно тебе, братец? Сам едешь, а ребёнок пешком идёт! У тебя ноги-то, поди, здоровее его.

Отец слез с осла и посадил на него мальчика.

Через некоторое время повстречался им другой прохожий. Он сказал:

— Нехорошо, сынок, получается! Сам едешь, а отец пешком идёт. У тебя ноги-то помоложе отцовских.

Взобрался тогда и отец на осла.

Вот едут они вдвоём.

Повстречался им третий прохожий и воскликнул:

— Вот так картина! Два больших осла уселись на слабое животное и едут как ни в чём не бывало. Вас бы палкой проучить не мешало!

Слезли они с осла и пошли пешком. Отец — с одной стороны, сын — с другой, а посередине — осёл.

Повстречался им четвёртый прохожий и говорит:

— Что это вы все трое пешком, когда и двоих было бы достаточно? Слушайте, ведь кто-то из вас может и верхом ехать!

Тогда говорит отец сыну:

— Мы с тобой на осле по-всякому ехали. Теперь, видно, пришла его очередь на нас проехать.

Повалили они осла на землю, отец связал ему передние ноги, сын — задние, продели сквозь верёвки жердь и понесли осла.

А прохожие над ними смеются:

— Люди! Смотрите, два осла одного несут!

Не выдержал отец насмешек, бросил осла на землю и стал верёвки распутывать, а сам приговаривает:

— Желаящий угодить всем поистине достоин имени осла! Теперь, когда я понял это, буду с ослом делать всё, что пожелаю, а люди пусть говорят всё, что им вздумается.

Влез он на осла, а сын пошёл пешком.

И так они благополучно добрались домой.

ПОРТНОЙ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Готтентотская сказка, Южно-Африканская Республика

Вот она, сказка. Она пришла, она рядом, она тут, она начинается... Слушайте.

Однажды произошло то, что произошло. Было селение. Такое, как все. В нём жили люди. В нём жил Портной, жила Мышь, жил Кот, жила Собака, жила Палка, жил Огонь, жила Вода, жил Слон, жил Муравей. Селение как селение, и жизнь как всюду в этом мире. Кто жил там, тот только и думал, где бы поесть, как бы насытиться...

Однажды... О, однажды, послушайте: однажды Мышь изгрызла одежду у Портного!

Что ей оставалось делать? Она совсем умаялась в поисках пищи. Она исходила всю хижину Портного вдоль и поперёк, не пропустив ни одного уголка, ни одного закоулочка. Всюду, всюду сунула она свою острую мордочку: во все горшки, во все бутылки. И нигде ничего.

Пришлось ей изгрызть одежду. Бедная Мышь, бедный Портной.

Портной, о несчастный Портной! Вы только подумайте — Мышь изгрызла одежду. Посмотрите на неё, на эту одежду, на эти страшные дыры, на зияющие дыры посмотрите!

Пошёл, побежал, нет, бросился Портной к судье.

А судьёй был Павиан. Он был толстый, он был жирный, этот

Павиан-судья. Он был очень, очень занят: всё время спал.

Да, в этом селении каждый был занят своим делом: Мышь искала крошки, Портной шил, Крестьянин мотыжил землю, а Павиан-судья спал.

Он не был злым, он не был добрым, этот судья. Он был толстым. Он был толстым, и его всегда клонило ко сну. А люди мешали ему. Они приходили со своими заботами, делами, спрашивали, требовали, настаивали, кричали, спорили, и он должен был просыпаться, выслушивать их, судить, а ему так хотелось спать! Ведь он был такой толстый, такой жирный.

А тут явился этот Портной.

Портной разбудил его и, не дожидаясь, когда Павиан совсем проснётся, протрёт глаза и станет слушать, принялся говорить, говорить вот так:

— Павиан! Послушай только, что творится в этом мире. Послушай и узнай, почему я пришёл будить тебя, Павиана, великого судью. Послушай и посмотри, ты только посмотри и поверишь ли своим глазам — всюду дыры! О Павиан, это Мышь изгрызла мои одежды. Ты только взгляни, как она их изгрызла, изодрала! Ведь остались одни дыры, одни дыры — и ничего более! Ты посмотри, ведь ничего более нет, свет померк для меня: я ничего не вижу — ни звёзд, ни солнца, ни земли! Остались одни дыры, повсюду только дыры! И это сделала Мышь, и никто другой. А она утверждает, что это неправда. Она обвиняет Кота, а Кот говорит, что в этом повинна Собака. Собака хает Палку. «Лишь Палка может продырявить, прорвать, пробить одежду!» — кричит Собака. А Палка отрицает свою вину: «Огонь, только Огонь проел, прожёт эти дыры!» Но Огонь и слышать ничего не хочет. «Нет, нет и нет! — твердит он. — Это Вода! Это она во всём виновата!» А Вода притворяется: ей, мол, ничего неизвестно об этой истории, но всё же доносит на Слона, что виноват Слон. Ты только послушай, Павиан, великий судья. Вода обвиняет Слона! Ещё бы, ведь он пьёт эту воду каждый день, и так помногу! Вода и затаила против него злость. А Слон? Слон, глядя на дыры, приходит в ярость и винит во всём Муравья. Ведь Муравей безнаказанно бегаёт по его ногам, щекочет их, грызёт кожу. «Тру-у! Это он, он, он, Муравей, изгрыз одежду!» — трубит Слон. А Муравей покраснел от злости и бегаёт, и кричит, и вопит, что он не виноват, и снуёт от одного к другому, всех будоражит, всех обвиняет — и все отказываются, и все бранятся, и все кричат, и кругом стоит такой шум и гам, что уже я сам ничего не понимаю, не знаю, с кого взыскать убытки! А ведь теперь я совершенно разорён... О Павиан, открой глаза и посмотри! Ведь куда ни глянешь — всюду дыры! — Так жаловался, стонал, кричал Портной. — Повсюду дыры!

А по правде говоря, Портному нечего было терять. Портной-то был бедняк, и всё, что было в его лачуге, — это высокая и тощая жена, которой он боялся, да орава детей — мальчишек и девчонок. Да ещё злая-презлая старуха. Вот уж эта лютая гостья никак не покидала его дома. Она не была ни бабушка, ни тёща ему. Не звал её никто, а вот пришла и поселилась, будто у себя в доме, будто родилась тут, проклятая, всем домом завладела: и Портным, и ребятишками, и его женой, которой он так боялся. Завладела старуха домом и мучила всех страшно. Ещё бы: зубы у неё были длинные, жёлтые, пасть от уха до уха, вот такая, ненасытная, а в спине позвоночник, как нож острый. И звали её Нужда.

Поселилась у Портного Нужда и давай хозяйничать. Сколько ни работал он, всё съедала. Уж как она хозяйничала: без стыда, без совести. Тыквенные бутылки и горшки опустошала, детей его колотила, и с женой его бранилась, и с ним самим схватывалась так, что бедный Портной не знал, за что взяться. А тут ещё Мышь изгрызла его одежды. Да и то сказать — не его, а заказчика.

Бедный Портной совсем потерял голову. Вот он и пришёл к судьбе.

— О Павиан! Открой глаза и посмотри: дыры, повсюду дыры!

Очнулся Павиан, большой, сытый, здоровьем так и пышет.

Ого, как ему снова хотелось заснуть! Он даже губами чмокал, дышал, сопел, но всё же велел позвать всех, кого дело касалось. Позвать живее, чтобы скорее с ними разделаться и снова заснуть.

Вот собрались все, и началось,

Мышь обвиняла Кота, Кот кивал на Собаку, Собака лаяла на Палку, Палка стучала на Огонь, Огонь указывал на Воду, Вода сваливала на Слона, Слон трубил о Муравье, а Муравей явился от злости красный, взбудораженный и бегал взад-вперёд, прибегал и убегал, размахивал руками и твердил о своей невинности. И все говорили, кричали, вопили, ревели, трубили, и стоял такой шум и вопль, и была такая суматоха, а Муравей так сам себе противоречил, что у Павиана голова пошла кругом.

Он уже хотел всех выгнать вон и снова заснуть, но Портной, взывая к его долгу судьи, закричал изо всех сил:

— О Павиан! Открой глаза и посмотри: ничего же не осталось — одни только дыры!

Павиан был вне себя. Всё-таки им удалось его разбудить! Как они ему осточертели, опостытели! Ох и сложное же он разбирает дело. А его всё клонит ко сну... И чего им надо? Собственно говоря, они могли бы оставить его в покое и сами уладить свои дела. Но как же не судить их? Тогда они его и за судью считать не будут! И Павиан выпрямился, важный, большой, сытый.

И тут все замолчали.

А Павиан, поглаживая свою густую шерсть на жирной груди, не размышляя долго, объявил:

— Я, Павиан, верховный судья над всем живущим: и зверями, и птицами, и людьми, приказываю вам — покарайте сами себя!

Кот пусть разорвёт Мышь!

Собака разорвёт Кота!

Палка прибьёт Собаку!

Огонь сожжёт Палку!

Вода потушит Огонь!

Слон выпьет Воду!

Муравей съест Слона!

И лопнет!

А теперь идите прочь. Я сказал всё!

И сон одолел Павиана. И Павиан заснул.

С тех пор все они не могут видеть друг друга спокойно. Встречаясь, каждый норовит, как им велел Павиан, причинить другим зло:

Муравей кусает Слона.

Слон стремится выпить Воду.

Вода гасит Огонь.

Огонь сжигает Палку.

Палка бьёт Собаку.

Собака рвёт Кота.

Кот бросается на Мышь.

Мышь грызёт одежду...

Одежду. Пойдите, а Портной?

Ах, да, Портной!

Что же стало с Портным?

Терпение, терпение.

Павиан о нём просто-напросто забыл.

Вот почему человек всегда испытывает голод.

А Павиан? Он здорово поработал, не правда ли? Подумать только, он так хотел спать и не поленился, продрал глаза, проснулся всё-таки, этот толстый, жирный Павиан-судья.

А Портной всё ещё ожидает правосудия.

И он голоден!

А судья спит.

Но человек надеется, ждёт.

Чего он ждёт, человек?

Он ждёт справедливости.

А Павиан? Он по-прежнему спит, спит, пока он толстый, и жирный, и сытый, этот Павиан.

А ну, полюбуйтесь, когда этот великий судья просыпается и выходит из дому, он бежит на четвереньках. Видно, побаивается, чтобы бедный Портной его не узнал.

Да-да, с тех пор Павиана видят только на четвереньках. Ещё бы! После своего нелепого приговора, когда он, думая только о себе, перессорил всех, Павиан, боясь людей, разучился ходить на двух ногах и держаться прямо, как то подобало бы судье.

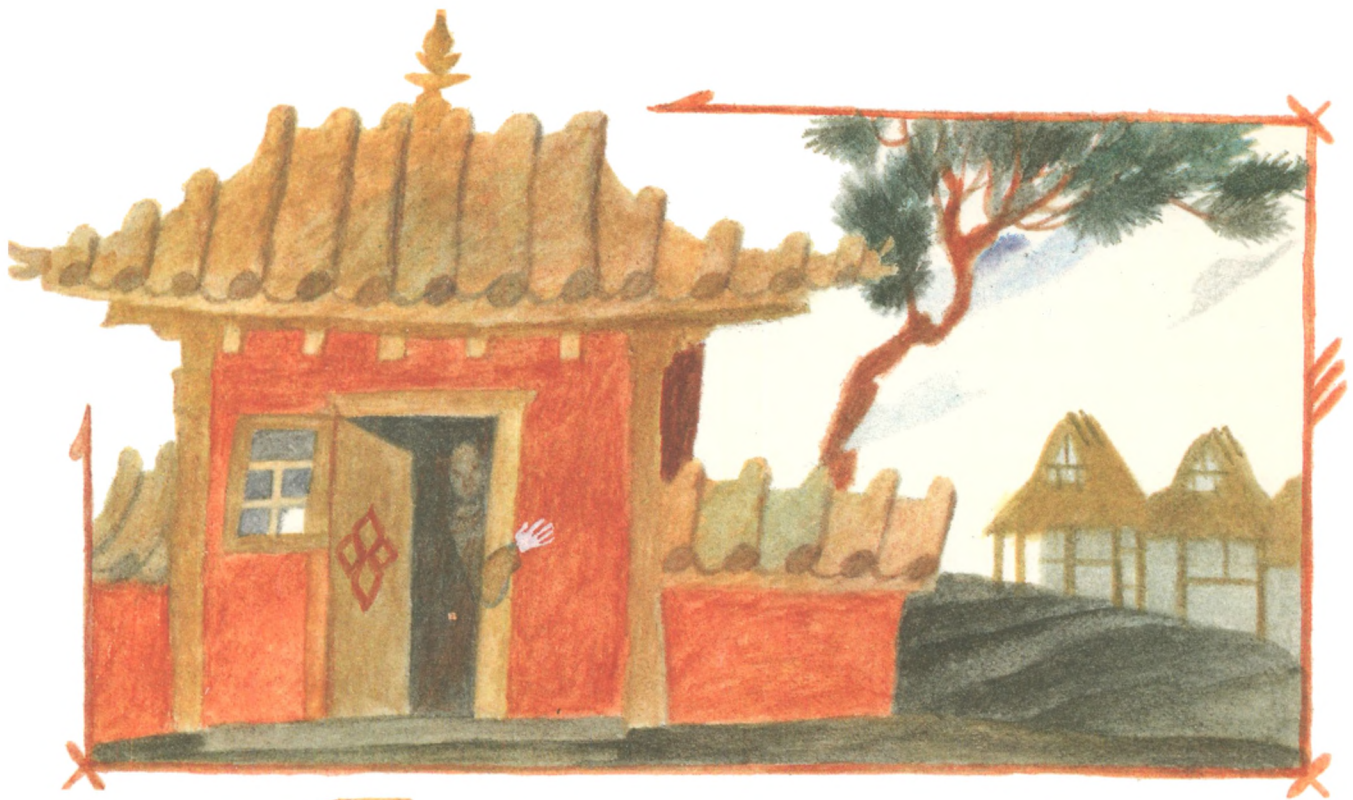
Вот и вся сказка. Она пришла, она была тут, она началась и... Нет, она не кончилась. Потому что Павиан снова заснул и его ещё не разбудили.

Он спит, но запомните: он спит только до поры до времени, пока он толстый, сытый, жирный...

А сказка? Не кончилась? Но она должна когда-нибудь кончиться!

Так думает Портной. Ведь он ждёт. И надеется.

АСТОЯТЕЛЬ И СЛУЖКА

Японская сказка

В храме деревни Титоса был скупой и жадный настоятель. Он никогда не давал своему служке сладкого, а съедал всё сам. А служка очень любил сладкое.

Как-то принесли настоятелю душистого свежего мёду. Он сложил мёд в банку, а банку поставил в укромное место. Служке даже попробовать не дал.

И вот настоятелю пришлось уйти на целый день. Он сказал служке:

— Будь осторожен: тут у меня стоит банка со страшным ядом. С виду он похож на мёд, но это только так кажется. Стоит лизнуть яду — и ты умрёшь.

Как только настоятель ушёл, служка вытащил банку и съел весь мёд. А когда в банке уже ничего не осталось, он испугался и стал думать, как бы ему обмануть настоятеля.

Думал, думал и придумал.

Он взял любимую чашку настоятеля, разбил её и разбросал черепки посреди комнаты, а сам лёг, укрылся одеялом и стал ждать.

Поздно вечером вернулся настоятель. В комнате было темно. Настоятель сердито крикнул:

— Эй, где ты? Что ж ты не зажжёг фонаря?

А служка из-под одеяла только стонет:

— Простите, отец настоятель! Я умираю! Сейчас мне конец. Скорей прочитайте молитву!

— Что с тобой, служка, что с тобой?

— Я виноват перед вами, отец настоятель. Сегодня я сидел на полу и мыл вашу любимую чашку, да вдруг пробежал кот и толкнул меня под руку. Я уронил чашку, и чашка разбилась. После этого мне только и осталось, что умереть, и вот я достал яд и съел банку. Ох, яд уже разливается по моим жилам! Ох, мне худо! Прочитайте скорей молитву, отец настоятель.

И служка ещё громче застонал.

Настоятель понял, что служка его обманывает, а сказать ничего не мог.

Так и остался жадный настоятель без мёда.

В другой раз, когда настоятеля снова не было дома, служка сидел у входа и дремал. Вдруг кто-то постучался. Служка открыл дверь и увидел старушку соседку с узелком.

— Нынче праздник, отдайте это отцу настоятелю,— сказала соседка и отдала служке узелок.

Как только она ушла, служка поднёс узелок к носу: от узелка шёл тёплый сдобный запах.

«Отдам я узелок жадному настоятелю и даже не узнаю, что в нём было,— подумал служка.— Надо посмотреть сейчас».

И развязал узелок. В нём оказалась корзинка с тёплыми сдобными лепёшками. Служка осторожно вынул одну лепёшку и съел, потом вытащил другую и тоже съел, потом третью... и так незаметно съел все лепёшки. А когда ни одной лепёшки уже не осталось, он схватился за голову:

— Пропал я! Что теперь делать?

Думал он, думал и придумал: завернул корзинку в платок и побежал с ней в храм.

Там он положил узелок у ног статуи Амида, оставшиеся крошки от лепёшек налепил на губы статуи. Потом вернулся домой, уселся на прежнее место и как ни в чём не бывало стал ждать.

Скоро вернулся настоятель. Первым делом он спросил у служки:

— Приходил кто-нибудь, пока меня не было?

— Да, была соседка. Принесла к празднику узелок отцу настоятелю.

— Где ж этот узелок?

— Я его отнёс в храм и положил у ног Амида.

— А, это ты хорошо сделал! Пойду посмотрю.

Настоятель отправился в храм и в самом деле у ног Амида нашёл узелок. Не долго думая, он развязал узелок, открыл

корзинку и увидел, что она пустая: только крошки были на дне.

— Эй, служка, это ты всё съел! — сердито закричал настоятель.

Служка прибежал, посмотрел на пустую корзинку и притворился, что очень удивлён.

— Вот чудеса! Никогда бы не поверил! — сказал он и показал на статую Амида. — Смотрите, отец настоятель: видно, Амида решил, что этот узелок принесли ему, и сам всё съел. Видите, у него и крошки на губах остались.

Настоятель тоже посмотрел на статую и рассердился:

— Это ты съел мои лепёшки? Вот скверный идол!

И он в гневе ударил медную статую посохом по голове. Статуя зазвенела: бо-о-он, бо-о-он... А настоятелю показалось, что статуя говорит: «Он, он».

Настоятель снова накинулся на служку:

— Слышишь, Амида говорит: «Он, он»! Значит, это ты съел! Что ж ты отпираешься?

Служка пожал плечами:

— Так он вам сразу и скажет! Надо его пугнуть как следует. Погодите, я его заставлю говорить!

Служка сбегал за чайником и стал лить кипяток на голову Амида и приговаривать:

— Ну что, правду я сказал? Было это или не было?

Вода потекла с головы статуи на пол и забулькала: буль-буль-буль...

— Вот видите, отец настоятель, — сказал служка, — он сам признаётся: было, было, было.

Настоятель покачал головой и пошёл спать голодный.

А ещё случилось так. Был сильный дождь, и настоятель куда-то ушёл; служка остался дома один. Вдруг в дверь постучался крестьянин. Дождь застал его в пути, и он сильно промок. Крестьянин попросил одолжить зонтик, потому что ему нужно далеко идти.

Служка вынес новый зонтик настоятеля, только что купленный в городе. Крестьянин поблагодарил, взял зонтик и ушёл.

Вечером настоятель вернулся домой и, как всегда, спросил, не заходил ли кто-нибудь, пока его не было дома.

— Да, был один крестьянин, попросил меня одолжить ему зонтик.

— И ты дал?

— Да, я ему дал ваш зонтик.

— Зачем же ты это сделал? — рассердился скупой настоятель. — Не надо было давать.

— Как же я мог не дать, когда шёл такой сильный дождь!

— А ты бы сказал, что зонтик сломан! Стоял, мол, вчера долго на солнце, рёбра у него рассохлись, обтяжка лопнула, его и бросили в чулан.

— В другой раз буду знать,— ответил служка.

Через несколько дней пришёл с просьбой другой крестьянин.

Настоятель был в это время в храме, а служка возился на дворе. Вот крестьянин и обратился прямо к служке:

— Погода стоит сегодня хорошая. Надо бы мне съездить к дочери, да лошадь захромала. Не даст ли мне настоятель на денёк свою лошадь?

— Нет,— ответил служка,— не даст. У него лошадь вчера долго стояла на солнце, рёбра у неё рассохлись, обтяжка лопнула, вот её и бросили в чулан.

Удивился крестьянин, покачал головой и ушёл.

А настоятель, сидя в храме, слышал весь этот разговор. И как только крестьянин ушёл, он выбежал во двор и стал бранить служку:

— Что за глупости ты говоришь! Надо было сказать, что лошадь, мол, вчера объелась белены, скакала весь день как бешеная, отбила себе все ноги и теперь дрыхнет в конюшне.

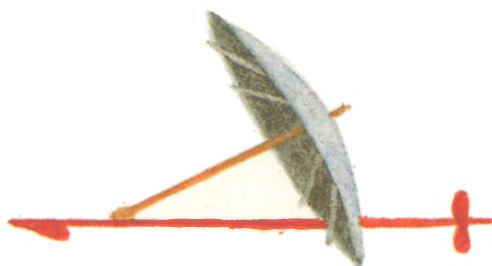
— Хорошо! — ответил служка.— В следующий раз буду знать.

Через несколько дней в деревне умер один богач. Родные умершего пришли звать настоятеля. Встретили они служку на дворе и говорят:

— У нас в доме покойник. Не может ли настоятель прийти к нам отслужить заупокойную службу?

— Нет,— ответил служка,— не может. Настоятель вчера объелся белены, весь день скакал как бешеный, отбил себе все ноги и теперь дрыхнет в конюшне.

— Ну, такого настоятеля нам не надо! — ответили родственники умершего и ушли прочь.

РАВА МЕГА

Японская сказка

В деревенскую гостиницу зашёл переночевать бродячий торговец. Он положил на пол тюк с товарами и попросил хозяйку приготовить ему ужин.

Немного было товаров у бродячего торговца — всего на несколько грошей, но жадная хозяйка подумала: «Хорошо бы забрать себе его тюк с товарами!»

Пока она на кухне готовила ужин, эта мысль не выходила у неё из головы. Наконец она сказала мужу:

— К нам пришёл бродячий торговец. Хорошо бы нам забрать себе его тюк с товарами!

— Нет ничего проще, — ответил муж. — Подложи ему в ужин травы меча. Кто её поест, у того память отшибает: он что-нибудь да забудет! А что может забыть бродячий торговец, кроме своих товаров?

Хозяйка так и сделала: она нарвала травы меча и подложила её в ужин торговцу. Торговец съел ужин, поблагодарил хозяйку и пошёл спать в свою комнату.

На следующий день рано утром торговец покинул гостиницу, а хозяйка, проснувшись, прежде всего побежала в его комнату, чтобы посмотреть на тюк с товарами. Но комната была пуста.

— Ах ты, дурак! — принялась она ругать своего мужа. — Чего ты мне наговорил про траву меча! А торговец-то и не подумал забыть свой тюк с товарами!

— Ну, значит, он забыл что-нибудь другое, — спокойно возразил муж.

— Ничего он не забыл! — закричала хозяйка.

— Не может быть! — рассердился муж. — Вспомни хорошенько!

Хозяйка принялась вспоминать: что же мог забыть торговец? Вдруг она хлопнула себя по лбу и закричала:

— Забыл! Забыл!

— Вот видишь! — обрадовался муж. — Не говорил ли я тебе... А что же он забыл?

— Заплатить забыл — вот что, старый дурак!

ИСТОЧНИК МОЛОДОСТИ

Японская сказка

Жили-были старик со старухой. Старик каждый день ходил в горы за хворостом, а старуха оставалась дома хозяйничать.

Однажды старик ушёл в лес и к вечеру не вернулся. Ждала его старуха всю ночь, а наутро подошёл к её дому молодой человек с вязанкой за плечами.

Присмотрелась старуха — а это её старик, точь-в-точь такой, каким он был в двадцать лет.

— Что с тобой случилось? — вскричала старуха.

— Вчера, как всегда, пошёл я в горы за хворостом, — сказал муж. — Вдруг подул сильный ветер, и стала надо мною кружить невиданно красивая птица. Кружила, кружила, потом полетела, и я пошёл за ней. Привела она меня в неведомую долину, где цвели и благоухали прекрасные цветы. Поблизости протекал ручей. Мне хотелось пить, и я зачерпнул воды из ручья. Стал я пить и почувствовал, как прибавилось у меня сил. А когда напился, то словно опьянел и заснул тут же, у родника. Я проснулся глубокой ночью. Светила луна, и пели ночные птицы. Я страшно испугался и пошёл домой.

С завистью слушала старуха рассказ мужа:

— Я тоже пойду к этому источнику! Я тоже хочу стать молодой!

— Ну что же, иди и ты,— сказал муж и показал ей дорогу. Но на следующий день старуха не вернулась домой. Прошло ещё несколько дней, а её всё не было. Наконец муж пошёл искать старуху.

Пришёл на поляну, оглянулся вокруг. Нет никого.

«Уж не съел ли мою старуху какой-нибудь зверь?» — подумал он.

Походил вокруг ручья и собрался уже было идти восвояси, как слышит вдруг детский плач.

«Кто бы это мог занести ребёнка в такую глушь?» — подумал муж и пошёл на голос.

В высокой траве увидел он что-то белое. Присмотрелся — а это платье его старухи! Запутавшись в платье, лежал и плакал ребёнок.

— Ба! Да это моя старуха в младенца превратилась! — воскликнул муж.

Младенец закивал головой и ещё громче заплакал.

— Бедная, бедная! Так это ты, моя старушка! — сказал старик.— Видно, слишком много выпила ты из источника молодости и вот превратилась в грудного младенца! Что же мне теперь с тобой делать?

Взял он старуху-младенца на руки и вернулся домой.

С тех пор старик ходит к соседям за молоком для своей старухи-младенца.

ОБ ЭТИХ СКАЗКАХ

С севера и юга, с востока и запада, со всех частей света, с материков и островов собраны сказки в эту книгу.

Свои мысли, свои мечты народы воплотили в поэтических образах, в поэтическом слове. Думы народные передавались из уст в уста рассказчиками, странствующими певцами, сказителями. Долгими вечерами старые люди, рассказывая сказки, дарили народную мудрость молодёжи. Мать, склонившись у колыбели, напевала песни и нащёптывала сказки детям.

Подобно тому как морская волна шлифует прибрежный камень, сказки в течение веков совершенствовались, передаваемые из уст в уста.

В них тесно сплетались правда и вымысел, то, что было или могло быть, и то, что человек понял, о чём мечтал на протяжении многих веков.

Уже в древности внимательно наблюдали люди за тем, что окружало их: за небом, звёздами, солнцем и луной. Они наблюдали зверей и птиц, изучали их повадки, учились охотиться на них, ловить, приручать. Прочтите хотя бы кубинскую сказку «Как человек с землёй поспорил». В ней выражено характерное для древних времен отношение к стихиям — воде, земле, огню — как к живым, человекоподобным существам. В сказке герой, как с обыкновенными людьми, разговаривает с силами природы. Человека зовут Якара, а землю — Энтото, а море — Калунга, а гору — Чечё. Сказка рассказывает об этом так просто, будто в том нет ничего удивительного: у каждого своё имя. Древний человек уже тогда сознавал своё место на земле, уже тогда чувствовал, что хотя он мал ростом и не так уж силен, но ещё поборется со стихиями и, может, одолеет их силой ума и своим трудом.

Окружающий нас мир сказочно прекрасен и беспределен, его надо познавать неустанно. Об этом, например, гвинейская сказка «Хвастун Барамба». Самба Бимбири Барамба — хороший охотник: он убил дюжину слонов. Он действительно смелый и могучий. Но напрасно Барамба хвастает своей силой: отец и братья его жены оказываются такими великанами, что Барамба по сравнению с ними — просто муравей. Но и эти люди — ничто рядом с небывальными парнями-женихами, а тем, в свою очередь, и не сравниться со стариком, что охранял своё поле. Это он запустил в них палкой, да промахнулся и зацепил всю деревню, и взлетела эта деревня вместе с Самбой Бимбири Барамбой, его женой, его родичами и попала... как соринка, в глаз маленькой девочке. Сказка напоминает: как бы ты ни был могуч, найдётся сила большая, чем у тебя, ибо нет предела возможностям человека, нет предела и конца мирозданию.

Сказки разных народов роднит вера в торжество справедливости, в могущество сил простого человека. В них Труд побеждает Богатство, Правда торжествует над Ложью, Добро — над Злом.

Почему герой сказки привлекателен, почему мы его так любим, хотим ему подражать?

Потому что в нём воплощены те качества, которые дороги каждому настоящему человеку: честность, смелость, трудолюбие, любовь к своему народу, к своей земле.

Да, где бы сказка ни возникла, она всегда прославляет трудового человека. Русский ли это смышлёный и смелый Иванушка или болгарский хитрый Пётр, немецкий простоватый, добродушный Ганс или мудрый и лукавый герой восточных сказок — всё равно умом, правдой своей побеждает он и богачей, и чванливого вельможу, и жестокого помещика. Прочтите польскую сказку «Король-подпасок». В ней смекалистый мужичок Бурачок берёт верх над королём: переносит его в далёкое, чужое царство, где король вынужден сам зарабатывать себе на пропитание. Тогда-то и узнаёт король, что самое важное для человека — уметь трудиться, знать ремесло.

Народные сказки высмеивают жадность и скупость, лень и трусость, равнодушие и себялюбие. Вот готтентотская сказка (Южно-Африканская Республика) «Портной и справедливость». Жирный, толстый, важный Павиан-судья равнодушен к невзгодам окружающих. И обиженный Портной и ни в чём не виноватые звери тщетно ищут справедливости. Её нет для них. Но каким грозным предупреждением звучит сказка, какая в ней слышится уверенность, что недалёк тот день, когда наступит конец бесправию и произволу!

Счастье — в руках трудового народа, утверждает и бирманская сказка «Пять добрых друзей». Её герои — братья. И сила их в единстве, в том, что каждый — мастер своего дела: когда они все впятером берутся за работу, она спорится, и пятеро смельчаков преодолевают все преграды. Но пять добрых друзей — это ведь пять пальцев руки. Они всё могут, если не лениться и овладеть мастерством. «Они помогут тебе завоевать счастье», — говорит сказка. А давайте взглянем ещё шире: пять добрых друзей — не пять ли это континентов нашей Земли, нашего большого общего дома, который надо обустроить и беречь?

Ошибается тот, кто считает, что сказка — это всегда выдуманка, небылица, что в ней только чудесное да фантастическое. Нет, сказка родилась в самой гуще жизни, и говорит она именно о жизни. Никакие чудесные предметы, даже самые волшебные, сами по себе ничего не значат до тех пор, пока не попадут в руки героя, способного и достойного ими воспользоваться. Сказка всегда учит: как бы тебе ни было трудно и страшно, какие бы чудища на тебя ни напали — не сдавайся, не унывай. Храбрость, честность и ум человека обязательно одержат победу над всеми злыми силами.

О безграничной вере народа в своих сыновей и дочерей рассказывает полушутливая, но полная глубокого смысла бельгийская сказка «Белый Воробей». Уж, казалось бы, кто может быть слабее такой маленькой птички, как воробей? Её обидеть нетрудно. А выходит, что и воробей — сила, если решит не мириться с несправедливостью.

Да, сказка — поистине кладовая мудрости народной, опыта многих поколений. Этот опыт складывался веками, в непрестанной борьбе человека с природой, со страшными стихийными бедствиями, бурями, лесными пожарами, ливнями, холодом и засухой. Опыт копился в схватках с дикими и хищными зверями, в битвах с пришельцами-завоевателями и в борьбе с собственными угнетателями: королями, феодалами, помещиками и богачами. Свой опыт народ обретал в труде, в борьбе, в бою.

В сказках есть место и для умной злой сатиры, и для весёлой шутки. Народ силен, могуч, любит посмеяться над своими врагами, показать, как они ничтожны и глупы, и не боится подшутить над своим любимым героем, то есть и над самим собой. Поэтому у многих народов найдём мы сказочные образы, полные юмора, запоминающиеся красочным своеобразием. Таковы «Герой из Ади Нифаса» (Эфиопия), «Педро-шутник» (Испания), «Кональ, Дональ и Тэг» (Ирландия) и, наконец, родные братья наших русских Агафонов болгарские «три мужика — три простака»: Самун-Геле из Лукова, Коке из Редина, Елен-Пелен из Желен.

И вот что ещё интересно: сказка никогда не говорит о земле как имени или богатстве. Сказочный герой не покупает земель, не завоёвывает их. Он трудится на родной земле, которую любит сыновней любовью, ибо здесь жили его отцы и деды, будут жить дети и дети их детей. Не случайно в немецкой сказке «Как крестьянин справедливость искал» крестьянин отказывается продать могущественному герцогу свой домик, свой холмик. Есть на свете такие вещи, которые не продаются и не покупаются.

Да, у каждого народа своя история, свои обычаи, свой язык, но общее для всех — любовь к родной земле, лесу, полю, озеру, пусть бедной, но отчей хижине. Родина всюду с тобой, где бы ты ни был, и, если всегда помнишь о ней, верно служишь ей, это принесёт тебе счастье, — таков смысл отличной шведской сказки «Гвоздь из родного дома».

Тема любви к Родине тесно сплетается с темой служения народу, людям. Герой монгольской сказки «Не для себя человек рождается» бедняк Давадоржи отправляется к мудрецу, чтобы спросить совета, как стать счастливым. По дороге он встречает людей,

которых постигла беда. Давадоржи добывает счастье людям, а потому находит его сам.

Нет, не для забавы, не для того, чтобы скоротать время, придумывает народ сказки, а чтобы поведать новым поколениям свои думы, чаяния, чтобы научить уму-разуму сынов и дочерей, внуков и правнуков, передать им свой опыт, свою мудрость, чтобы знали люди, как жить и для чего жить.

Сказка учит любить Родину, верить в силы трудового человека, не отступать перед бедами и трудностями. Она требует от каждого: будь честным, мужественным и справедливым.

Вот что завещано нам в сказках народов земли. Прочитай их и задумайся!

Виктор Важаев

СОДЕРЖАНИЕ

БАШМАКИ-САМОПЛЯСЫ. Английская сказка. Перевод и обработка <i>А. Петрова</i> . . .	5
ТРИ БРАТА И МУДРЫЙ СТАРЕЦ. Албанская сказка. Перевод и обработка <i>Е. Покрамович</i>	12
ЭМИР МУАВИЯ И МЕЛЬНИК. Алжирская сказка. Перевод и обработка <i>Д. Баширова</i>	14
НИЩИЙ И СКУПЕЦ. Алжирская сказка. Перевод и обработка <i>Д. Баширова</i>	15
МУДРЕЦ. Афганская сказка. Перевод и обработка <i>Ю. Семёнова</i>	16
ЗАЙЧИХА И ТИГР. Афганская сказка. Перевод и обработка <i>Ю. Семёнова</i>	17
БЕЛЫЙ ВОРОБЕЙ. Бельгийская сказка. Перевод и обработка <i>Ф. Мендельсона</i>	18
ПЯТЬ ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ. Из сказок Бирмы. Перевод и обработка <i>Ф. Мендельсона</i>	23
ГЛУПЦЫ. Из сказок Бирмы. Перевод и обработка <i>И. Архангельской</i>	25
ТРИ МУЖИКА — ТРИ ПРОСТАКА. По мотивам болгарских сказок рассказал <i>В. Важдев</i>	26
НУЖДА НАУЧИТ. Болгарская сказка. Перевод и обработка <i>Н. Шерешевской</i>	33
ОТЧЕГО У ЧЕРЕПАХИ ПАНЦИРЬ ИЗ КУСОЧКОВ. Из сказок Бразилии. Перевод и обработка <i>С. Гиланова и В. Низского</i>	34
ДВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА. Венгерская сказка. Перевод <i>Агнессы Кун</i> . Пересказал <i>В. Важдев</i>	35
КАТИЦА ТЕРДСЕЛИ. Венгерская сказка. Перевод <i>Агнессы Кун</i> . Пересказал <i>В. Важдев</i>	37
ДВА ВОЛА С ГОРОШИНУ. Венгерская сказка. Перевод <i>Агнессы Кун</i> . Пересказал <i>В. Важдев</i>	42
МОТЫЛЕК. Вьетнамская сказка. Запись <i>В. Жукровского</i> . Перевод <i>А. Былинского</i>	46
МУДРЫЙ ЗАЩИТНИК. Вьетнамская сказка. Перевод и обработка <i>Ф. Мендельсона</i>	49
ГОВОРЯЩИЙ БАТАТ. Сказка народа ашанти, Гана. Перевод <i>И. Эйтвид</i> . Пересказал <i>В. Важдев</i>	53
ХИТРЫЙ ПАУЧОК И УМНАЯ ЧЕРЕПАХА. Сказка народа ашанти, Гана. Перевод <i>И. Эйтвид</i> . Пересказал <i>В. Важдев</i>	58
ХВАСТУН БАРАМБА. Сказка народа фульбе, Гвинея. Пересказал <i>В. Важдев</i>	63
КАК КРЕСТЬЯНИН СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИСКАЛ. По мотивам немецких сказок рассказал <i>В. Важдев</i>	70
ВЫШИВАЛЬЩИЦА ПТИЦ. Греческая сказка. Перевод <i>В. Столтидис</i> . Пересказал <i>В. Важдев</i>	75
СВЭН, НЕ УМЕВШИЙ ЛГАТЬ. Датская сказка. Перевод и обработка <i>А. Петрова</i> . . .	82
ПЯТЬ ХЛЕБОВ. Индийская сказка. Перевод и обработка <i>И. Минаева</i>	89
КУПЕЦ И ПОПУГАЙ. Индийская сказка. Перевод <i>В. Крашенинникова</i>	90
ТРИ ЗОЛОТЫЕ СТАТУЭТКИ. Индийская сказка. Перевод <i>В. Крашенинникова</i>	92
ТКАЧ ИЗ МАХИЛАРОПЬИ. Индийская сказка. Перевод и обработка <i>Н. Шерешевской</i>	93
ПАРА ДОМАШНИХ ТУФЕЛЬ. Индонезийская сказка. Перевод <i>В. Островского</i>	96
ДЛИННОШЕЯЯ ТЕТУШКА. Из иранских сказок. Перевод <i>И. Петрова</i> . Обработка <i>Э. Лемперг</i>	102
КОНАЛЬ, ДОНАЛЬ И ТЭГ. Ирландская сказка. Перевод и обработка <i>А. Петрова</i> . . .	107
ПОП И ОСЕЛ. Испанская сказка. Перевод и обработка <i>С. Гиланова и В. Низского</i>	112
ПЕДРО-ШУТНИК. Испанская сказка. Перевод <i>Е. Штейнберг</i>	113
МЕЛЬНИК. Итальянская сказка. Перевод <i>М. Андреевой</i> . Редакция <i>М. Горького</i>	116
БРАТЯ ЛЮ. Китайская сказка. Перевод <i>Р. Черновой</i>	125
МА ЛЯН И ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ. Китайская сказка. Запись <i>Ляо Ды</i> . Перевод	

<i>А. Тишкова</i>	128
ЧЕИ ПОДАРОК ЛУЧШЕ. Корейская сказка. Записал и пересказал <i>В. Кучерявенко</i>	133
ЖАДНЫЙ ПАК. Корейская сказка. Записал и пересказал <i>В. Кучерявенко</i>	135
ЗЕРКАЛЬНЫЙ РАБ. Корейская сказка. Пересказал <i>Н. Ходза</i>	136
САМОЕ ЛУЧШЕЕ И САМОЕ ХУДШЕЕ. Кубинская сказка. Пересказал <i>В. Важдает</i>	143
КАК ЧЕЛОВЕК С ЗЕМЛЕЙ ПОСПОРИЛ. Кубинская сказка. Перевод <i>Р. Похлёбкина</i> . Пересказал <i>В. Важдает</i>	146
ХЛЫСТ ИЗ КОРОВЬЕГО ХВОСТА. Из сказок Либерии. Перевод <i>И. Эйгвид</i> . Пересказал <i>В. Важдает</i>	148
ЗАВТРА И СЕГОДНЯ. Из сказок Малайи. Перевод и обработка <i>М. Моисеевой</i>	153
ПРЕКРАСНАЯ ФАРИМАТА. Сказка народа мандинго, Мали. Перевод <i>А. Ольдерогге</i> . Пересказала <i>А. Любарская</i>	154
КАК КОЙОТ И СКУНС ПЕРЕХИТРИЛИ ДРУГ ДРУГА. Из сказок Мексики. Перевод и обработка <i>И. Железновой</i>	158
ВЕЖЛИВЫЙ КРОЛИК. Из сказок Мексики. Перевод и обработка <i>И. Железновой</i>	159
НЕ ДЛЯ СЕБЯ ЧЕЛОВЕК РОДИТСЯ. Монгольская сказка. Пересказал <i>Н. Ходза</i>	160
МУДРЫЙ ЗАЯЦ. Монгольская сказка. Пересказал <i>Н. Ходза</i>	167
МУЖ И ЖЕНА. Норвежская сказка. Перевод и обработка <i>А. Петрова</i>	168
КОРОЛЬ-ПОДПАСОК. По мотивам польских сказок рассказал <i>В. Важдает</i>	170
ЗАЯЦ В ГОСТЯХ У СЛОНА. Сказка народа ламба, Родезия. Перевод <i>Н. Охотиной</i>	177
МУДРАЯ ДОЧЬ БЕДНЯКА. Румынская сказка. Перевод и обработка <i>Е. Покрамович</i>	178
УМНЫЙ ВРАЧ. Сказка народа суахили, Танганьика. Перевод и обработка <i>А. Петрова</i>	184
КАК ОСЕЛ... Сказка народа суахили, Танганьика. Перевод <i>Е. Мячиной</i>	185
САМОЕ БОЛЬШОЕ БОГАТСТВО. Турецкая сказка. Перевод и обработка <i>Ю. Плотникова</i>	186
ЛАСТОЧКА И ВОРОБЕЙ. Турецкая сказка. Перевод и обработка <i>Ю. Плотникова</i>	187
ЛАППИ И ТАПИО. Финская сказка. Перевод <i>Л. Гоголь</i> . Обработка <i>Л. Воронковой</i>	189
ВЕСЕЛЫЙ ЖАННО И ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА. Французская сказка. Перевод и обработка <i>Ф. Мендельсона</i>	193
РИСОВАЯ КАША. Из сказок Цейлона. Перевод <i>И. Череватой</i>	197
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ. По мотивам славянских сказок рассказал <i>С. Маршак</i>	198
УЧЕНЫЙ ПЕС. Чешская сказка. Перевод и обработка <i>М. Зельдович</i> и <i>С. Шмераль</i>	207
ГВОЗДЬ ИЗ РОДНОГО ДОМА. Шведская сказка. Перевод <i>А. Петрова</i>	209
ГЕРОЙ ИЗ АДИ НИФАСА. Из сказок Эфиопии. Перевод <i>И. Эйгвид</i> . Пересказал <i>В. Важдает</i>	214
ВОДЯНОЙ. Словенская сказка, Югославия. Перевод и обработка <i>Т. Вирты</i>	217
НА ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ. Сербская сказка, Югославия. Перевод и обработка <i>Т. Вирты</i>	221
ПОРТНОЙ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Готтентотская сказка, Южно-Африканская Республика. Пересказал <i>В. Важдает</i>	222
НАСТОЯТЕЛЬ И СЛУЖКА. Японская сказка. Перевод и обработка <i>Н. Фельдман</i>	227
ТРАВА МЕГА. Японская сказка. Перевод <i>А. Коломеец</i>	232
ИСТОЧНИК МОЛОДОСТИ. Японская сказка. Перевод <i>А. Коломеец</i>	233
<i>Виктор Важдает</i> . ОБ ЭТИХ СКАЗКАХ	235

Для детей и юношества

ПЯТЬ ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

Сказки народов мира

Составитель
Виктор Моисеевич
Важдаев

Зав. редакцией А. Лукашин
Редактор А. Зебзеева
Художественный редактор Т. Ключарёва
Технический редактор Г. Пантелеева
Корректоры И. Пархомовская, Г. Борсук

ИБ № 1696.
Сдано в набор 15.04.88.
Подписано в печать 28.02.89.
Формат 60×90^{1/8}.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура школьная.
Печать офсетн. Усл. печ. л. 30,0.
Усл. кр.-отт. 122,0. Уч.-изд. л. 31,787.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 416.
Цена 6 р.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполи-
графпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суцеский вал, 49.

Пять добрых друзей: Сказки народов мира/Сост. В. М. Важдаев;
П99 Худож. Е. Г. Монин.— Пермь: Кн. изд-во, 1989.— 239 с.

ISBN 5-7625-0167-1

П 4800000000—23 68—89
M152(03)—89

ББК 84.4/8

